

Индекс П8643

3
2024

РОССИЯ XXI 2024 3

РОССИЯ XXI

3. 2024 июль-сентябрь

Геоглобалистика

Олег Александров

В поисках выхода из спирали конфронтации,
или как России противостоять вызову Запада? _____ 6

Вартан Эйриян

«Холодная война пошла было на убыль»:
освещение Суэцкого кризиса
в православной периодике _____ 30

Грани катастрофы

Александр Асташов

Экономические преступления на Русском
театре военных действий (1914–1917 гг.) _____ 54

Россия в мире

Олег Буранок, Александр Буранок

Первый переводчик Сервантеса на русский
язык – Никанор Иванович Ознобишин
и его родословная _____ 80

Нина Хайлова

«Проблески пробуждения Китая»
на рубеже XIX–XX вв. _____ 100

Ярлыки и мифы

Александр Каменцев

Возрождение казачества
и «красно-белая» память _____ 120

Страницы истории

Николай Постников

Христианский рабочий союз Финляндии
в революции 1905–1907 гг. _____ 144

Ресурсы нации

Сергей Козлов

«На пользу всего нашего обширного
Отечества...»: Иван Николаевич Клинген
(1851–1922) _____ 164

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов). Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Есть решения, которые
отрезают путь назад.
Их непременно надо
принимать.

Ф. Кафка

Газеты – секундные стрелки
истории.

А. Шопенгауэр

Абсолютной свободы
не существует: есть лишь
свобода выбора...

П. Коэльо

В газетах нет ни слова
правды. Почему-то их
и читают.

Б. Дизраэли

Олег Александров

В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ СПИРАЛИ КОНФРОНТАЦИИ, ИЛИ КАК РОССИИ ПРОТИВОСТОЯТЬ ВЫЗОВУ ЗАПАДА?

УДК

327

Целью статьи является определение идеологической и цивилизационной платформ противостояния Запада и России в украинском конфликте, изучение специфики появления идеологии «украинства», анализ политической и экономической мотивации Запада в продолжении конфликта. В статье разбираются системные ошибки российской политики, допущенные в отношении Украины. Также ставится задача осветить государственно-церковные аспекты противостояния на Украине.

The purpose of this article is to define the ideological and civilizational platform of the confrontation between the West and Russia in the Ukrainian conflict, to study the specifics of the emergence of the ideology of “Ukrainianism”, to analyze the political and economic motivation of the West in the continuation of the conflict. The article details the systemic errors of Russian policy towards Ukraine. The task is also set to highlight the state and church aspects of the confrontation in Ukraine.

Ключевые слова: СВО на Украине; идейные основы украинского национализма; просчеты российской дипломатии.

Key words: Special Military Operation in Ukraine; Ideological Foundations of Ukrainian Nationalism; Miscalculations of Russian Diplomacy.

E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru

*И целый мир, как опьяненный ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..
И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Все поднялось и все грозит тебе,
О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!*
Федор Тютчев, 1863

В канун третьей годовщины с начала СВО на Украине возникает потребность вновь задать вопросы о смысле происходящего геополитического противоборства Запада с Россией и дать на них подходящие по смыслу ответы. Первое, что необходимо прояснить, касается характера конфликта, его участников и географических рамок. Непосредственные военные действия происходят на Донбассе и в новых регионах России (Запорожская и Херсонская области), а также на восточной оконечности Харьковской и Сумской областей Украины. Однако воздействие конфликта на Украине на международную ситуацию исключительно велико. На кону само существование России как независимого государства. Ставка Запада не менее велика – его поражение означало бы похороны однополярного мира во главе с США.

В конфликт прямо или косвенно вовлечены многие страны мира, так как почти все из них вынуждены жить в новой реальности – в режиме все более ужесточающихся санкций Запада и в отношении самой России, и в отношении любых стран, которые ведут с ней торговлю и являются покупателями или транзитерами ее энергоресурсов. Санкции носят не только экономический, но и сугубо политический характер, что хорошо видно на примере организаций, осудивших Россию и приостановивших ее членство. Яркий пример – исключение России из Арктического Совета в июне 2022 г.

Война ведется с территории и на территории Украины, при этом киевский режим – лишь орудие западной политики, направленное на уничтожение либо максимальное ослабление России. Перед нами война нового, гибридного типа, в которой Запад де-юре не воюет с Россией, но вою-

ет де-факто, активно помогая Украине одержать победу либо серьезно ослабить Россию в ходе вооруженного конфликта на Украине. Поскольку речь идет о войне гибридной, то сугубо военными действиями она не ограничивается. Запад и его союзники ведут активную информационную войну против России. В ход пущены и возможности внутрироссийской «пятой колонны», целью которой является создание условий для политической дестабилизации в России. Следует отметить, что Россия изначально не была готова к тому, что Запад начнет активно раскручивать спираль конфликта, доведя его до угрозы применения самолетов, оснащенных ядерным оружием [11].

С самых первых дней СВО для России стало неожиданным, что Запад не собирается ограничиться экономическими санкциями (которые он вводил против России, начиная с 2014 г.), а станет полноценным участником конфликта, поставляя ВСУ все современные системы вооружений, предоставляя услуги спутниковой разведки, направляя многочисленных военных инструкторов, а также осуществляя стратегическое руководство ходом военных операций [14]. Этим объясняется и нерасторопность финансового ведомства и Центробанка, создавших условия для вывоза

за рубеж и последующей конфискации золотовалютных резервов России. В этом же ряду причин и неудачная попытка российской дипломатии достигнуть примирения с киевским режимом по стамбульскому образцу 2022 г. В этом контексте представляется важным определить, в чем состоит сверхзадача Запада в отношении России, и чем определяется его мотивация. Не менее важно выяснить, какие шансы есть у России выйти победительницей в этой войне, и как должна выглядеть ее стратегия победы.

О том, что желаемым результатом конфликта стала бы победа Украины на поле боя, заявляли высокопоставленные западные политики, начиная от президента США Д. Байдена и заканчивая Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепом Боррелем, а также генеральным секретарем НАТО Йенсом Столтенбергом [1]. Успех России, по словам высокого европейского дипломата, «будет иметь серьезные последствия для Америки и для сложившейся системы союзов, выстроенных вокруг США и Европы». И в этом 76-летний испанский политик, безусловно, прав. Победа России будет означать окончательный развал однополярной системы коллективного Запада и форсированное формирование полицентричной системы, дальнейшее угасание экономического потенциала Европы и вероятный коллапс Европейского Союза как политического проекта.

На протяжении 33-летней постсоветской истории российская внешняя политика умудрилась раз за разом совершать системные ошибки, которые свидетельствовали о слабом понимании международных реалий, а также о наличии большого числа идейных симпатизантов Западу в высших эшелонах власти России. Самая главная ошибка заключалась в том, что подавляющее большинство представителей правящего класса России воспринимали Запад не как непримиримого геополитического и идеологического противника, каковым он был на протяжении столетий, но как партнера и возможного союзника. Очевидно, что Кэмп-дэвидская декларация (февраль 1992 г.), в которой Россия и США впервые заявили, что не рассматривают друг друга как потенциальных противников, вскружила голову политическому руководству России. Грубейшим просчетом Москвы можно считать и недооценку растущего военного потенциала Европейского Союза, политических амбиций его руководства и явно антироссийского характера его внешней политики, что выражалось в стремлении оторвать от России и замкнуть на себя европейские страны СНГ и государства Закавказья в рамках программы «Восточное партнерство».

В свою очередь, западные политики делали все, чтобы поддерживать у России «иллюзию партнерства». Россия становится участником «группы семи», Парижского и Лондонского клуба, вступает в АТЭС и ВТО, подписывает с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, ее представители выступают на Давосском экономическом форуме, на парламентской ассамблее Совета Европы, ее дипломатия пытается перестроить в нужное русло работу ОБСЕ. Однако вся эта тяжеловесная конструкция многосторонней дипломатии зашаталась уже в 2014 г., когда политическое руководство страны приняло непростое, но совершенно верное решение о поддержке населения Крыма и Севастополя, а также по оказанию помощи жителям Донбасса, ставшим жертвами этноцида со стороны бандеровского режима Украины. А с началом СВО все диалоговые форматы общения с коллективным Западом оказались блокированы, и Россию выручают лишь те международные площадки, которые были выстроены ранее с участием глобального Юга.

Несмотря на то, кто конфликт с Украиной перешел в 2014 г. в активную фазу, а с 2022 г. – в военную, его истоки следует искать гораздо глубже в истории. Уже начиная с 1991 г., коллективный Запад в лице США и Европейского Союза делал все, чтобы снизить влияние России на пространстве бывшего СССР. Так, З.Бжезинский в книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» напрямую утверждал, что целью США является «укрепление недавно обретенной независимости постсоветских государств» [4]. На практике это означало задачу поставить политические власти в этих странах под внешний контроль и создать условия, при которых влияние России в странах бывшего СССР будет неуклонно уменьшаться.

Именно это и происходило на протяжении последних десятилетий. Никто из представителей коллективного Запада не воспринимал СНГ как действующую региональную организацию. Объяснение здесь очень простое: усиление СНГ в глазах Запада означало усиление роли Москвы на постсоветском пространстве. Все усилия западной дипломатии были устремлены к налаживанию двусторонних отношений, поддержанию во всех постсоветских государствах верных Западу «демократических сил». Также приветствовались все региональные интеграционные инициативы при условии, что они будут создаваться без участия России. В это же самое время руководители российской дипломатии в лице А.Козырева утверждали, что долгосрочные интересы России и стран Запада не только не сталкиваются, но «взаимодополняют друг друга» [8].

Продолжая тему системных ошибок и заблуждений российской дипломатии, совершенных на протяжении последних 30–40 лет, следует отметить, что первая системная ошибка была допущена еще в эпоху М.Горбачева, когда реальные рычаги геополитического влияния Москвы в регионе Восточной Европы были обменены на декларируемое «партнерство» и готовность Запада учитывать интересы безопасности Советского Союза. Чего стоили эти заверения, в России узнали через четыре года после развала СССР, когда Совет НАТО принял решение о расширении альянса.

К системным ошибкам российской политики стоит также отнести фундаментальную недооценку идеологического и культурно-цивилизационного фактора. В Москве, начиная с 1990-х гг., было принято сводить разногласия с Западом к сугубо экономическим вопросам. Стереотипы о деидеологизации международных отношений стали заученной мантрой для многих российских политиков, которая не позволяла им трезво взглянуть на вещи. Более того, целеполагание западных политических элит отображалось как якобы основанное на рациональном выборе. На самом же Западе на отношения с Россией смотрели скорее через призму цивилизационного подхода. Идейная мотивация Запада хорошо просматривается и в Косовском кризисе, когда на головы православных сербов сбрасывали бомбы с пожеланием «счастливой Пасхи», и в многочисленных региональных конфликтах на постсоветском пространстве, где Вашингтон делал все для того, чтобы там не пришли к власти промосковские силы.

Прекрасной иллюстрацией идейной заряженности Запада служат «цветные» революции, проведенные под прямым патронажем США и их спецслужб. Поэтому российское восприятие Запада как игрока, который никогда не упустит своей выгоды, лишь в малой степени соответствовало реальности. Еще одним подтверждением тому, что западная политика в отношении России является в высшей степени идейной, а не прагматично-рыночной, стал подрыв Северных потоков, что сильно ударило по транзиту природного газа в Европу и вынудило Россию в срочном порядке искать другие маршруты экспорта энергоресурсов. Принципиальный отказ ряда европейских стран от закупок более дешевого российского природного газа также говорит об идейной мотивации западной политики.

Как представляется, российское руководство также серьезно недооценило степень решимости Запада идти на вооруженный конфликт с Россией. Причина недальновидных оценок создавшейся ситуации оче-

видна. Она состоит в заданном еще с конца 1980-х гг. стратегическом курсе России на вхождение в состав западной цивилизации. Именно это объясняет некоторую нерешительность Москвы и отсутствие стратегической инициативы в решении украинского вопроса. С одной стороны, Россия пытается воспрепятствовать тому, чтобы с ней обращались не как с державой-победительницей и одним из гарантов современного миропорядка, а с государством-агрессором. Но, с другой стороны, российская дипломатия пытается не допустить полного разрыва с Западом, который, со своей стороны, не боится «сжигать мосты» в отношениях с Россией.

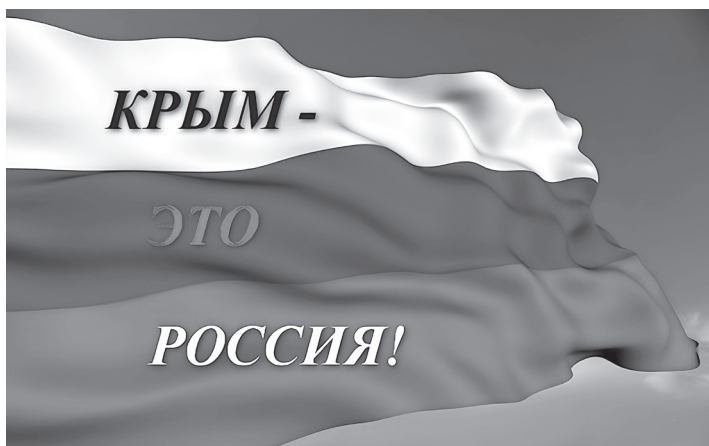
В ходе анализа военных действий России на украинском направлении бросается в глаза то, что общая численность российских войск, задействованных в зоне СВО, относительно невелика, российское командование налагает на себя массу добровольных и односторонних ограничений. Российская стратегия исходит из идеи активной обороны и медленного продвижения, что оставляет вооруженным формированиям Украины возможность перегруппировки сил и перевооружения, а также нанесения неожиданных ударов в тылу российских войск, как это имело место в Курской и Белгородской областях.

Москва избегает крайних решений – не наносит удары по командным пунктам противника, по правительственным кварталам и штабам в Киеве. В первый год СВО практически не наносились удары по транспортной инфраструктуре Украины. Более того, Россия продолжает снабжать Запад своими энергоресурсами, в том числе и через территорию Украины. На абсурдность подобного рода ситуации указывали многие эксперты [2]. Речь идет о том, что украинские танки и другая моторизованная техника, по сути, воюют на российском топливе, которое поступает транзитом через нефтеперерабатывающие заводы в Турции и в Венгрии [19]. Между тем со стороны Запада нет и намека на подобное миролюбие. Еще в ноябре 2022 г. Европарламент принял резолюцию, в которой объявил Россию спонсором терроризма в связи с событиями на Украине. Никакого ответа на эту резолюцию со стороны России не последовало. Даже режим Зеленского в официальных российских СМИ не именуется террористическим и фашистским. Между тем современная гибридная война на Украине ставит своей целью уничтожение России как альтернативной Западу цивилизации, а с экономической точки зрения – превращение ее в полноценную колонию Запада.

Противостояние России и Запада в исторической ретроспективе не является чем-то новым. Культурно-цивилизационные линии разлома между российской и западной цивилизациями возникли в глубокой древности, и в ходе последующих столетий все эпизодические попытки сближения наталкивались на ряд непреодолимых барьеров, сводя на нет усилия реформаторов-западников. Несмотря на это, в короткой позднесоветской и более длинной постсоветской истории казалось, что выгоды экономической интеграции и готовность российских правящих кругов двигаться в фарватере общей глобальной повестки перевесят взаимное недоверие.

**От проекта независимой
Украины к проекту Украины
как анти-России**

Исходной точкой расхождения векторов Украины и России стал 1991-й год. Украинское руководство, наряду с российским, несет основную долю ответственности за спонтанный и непродуманный развал союзного государства, отдаленные последствия которого в то время мало кто мог предвосхитить. Так называемый Всеукраинский референдум о независимости, проведенный 1 декабря 1991 г., грубо нарушил положения Закона СССР о порядке выхода республик из состава СССР [7]. Согласно этому документу, референдум полагалось провести не ранее шести месяцев и не позднее девяти месяцев после принятия декларации о суверенитете. Во-вторых, в Крымской АССР должны были провести отдельный референдум по вопросу пребывания в составе СССР или в составе выходящей республики, но подобный плебисцит не проводился.

Украинское руководство было активным участником развала СССР, подписав в декабре 1991 г. Беловежские соглашения. Вместе с тем к идее интеграции в рамках СНГ Киев относился весьма прохладно. Новой идейной основой украинского государства взамен коммунизма стал национализм и ксенофобия. В Декларации о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г. говорилось о желании Украины закрепить за собой статус нейтрального и безъядерного государства. Однако сразу же после достижения независимости и выхода из состава СССР Киев пересмотрел свои прежние декларации и решил не отказываться от обладания ядерным оружием. Вопрос о сохранении безъядерного статуса Украины решался сложно, и точку в этом вопросе поставила принципиальная позиция Вашингтона. Его категорически не устраивало бесконтрольное распространение ядерного наследия СССР.

В Лиссабонском протоколе к Договору СНВ-1 вопрос о ядерном наследии СССР был решен окончательно и бесповоротно в пользу России. Украине были даны дополнительные гарантии в виде Будапештского меморандума 1994 г., который подписали три ядерные державы – США, Великобритания и Россия. В том же году, несмотря на декларируемый нейтралитет, Киев начал активное взаимодействие с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира». Очевидно, уже тогда на Западе созрела идея использования Украины как европейской «шпаги на континенте», как военного плацдарма в будущей войне с Россией. Окончательный отказ Украины от нейтрального статуса произойдет уже в 2002 г., в период президентств Л.Кучмы, то есть задолго до начала политических или экономических обострений с Москвой.

Новый курс Л.Кучмы на активное взаимодействие с НАТО перечеркнул российско-украинский Договор 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и партнерстве. В этом документе специально оговаривалось неучастие сторон в военных блоках, которые угрожали бы интересам безопасности друг друга. Значительные усилия потребовались Москве для урегулирования вопросов, связанных с разделом и базированием Черноморского флота России на территории Украины. С этой целью было подписано несколько договоров в июне 1995 и в мае 1997 г.

Достигнутый компромисс не был устойчивым, как не были устойчивыми и российско-украинские отношения того периода. Пройдет всего лишь два–три года, и украинское руководство поставит вопрос об интеграции в НАТО в практическую плоскость. При третьем президенте Украины В.Ющенко (2005–2010) процесс подготовки Украины к вступ-

лению в НАТО резко ускорился. С этого момента было взято под сомнение дальнейшее нахождение российского Черноморского флота в Крыму. В 2010 г., после избрания Виктора Януковича президентом Украины, Москва и Киев урегулировали вопрос о Черноморском флоте, продлив сроки его нахождения в Крыму до 2042 г. Одновременно были свернуты программы интеграции Украины в НАТО. Но политический переворот и захват власти сторонниками евромайдана в феврале 2014 г. стал серьезнейшим вызовом для российской политики, который требовал быстрой реакции. Промедление грозило окончательной потерей для России Крыма и Севастополя.

Уже в те годы было ясно, что внешнеполитический курс России в отношении Украины страдает односторонностью и учитывает лишь интересы ТЭК и крупного бизнеса. В 2000-е гг. Москва уже с тревогой расценивала вектор политического развития Украины, но ничего не предпринимала в ответ. В практическом плане Москва проводила политику взаимоувязок, обсуждая в едином пакете цены на природный газ для Украины и продление аренды военных баз для Черноморского флота. Однако проблемы, носящие военно-стратегический характер, решались с большим трудом, поскольку в вопросе о пребывании российского флота в Крыму серьезное давление на украинское руководство оказывала западная дипломатия.

Москва не смогла добиться учета своей позиции и в вопросах культурно-гуманитарного характера, включая статус русского языка и воз-

можность на нем получать среднее и высшее образование. Остались без политической поддержки пророссийские общественные организации на Украине. Москва в упор не замечала резкий подъем национализма и русофобии. Это выражалось в злонамеренном искажении фактов, касающихся событий советской истории (в том числе Великой Отечественной войны), в издании учебников истории Украины, где Россия изображалась извечным врагом и оккупантом. Итог такой близорукой политики оказался неутешительным: по периметру российских границ возникли управляемые конфликты, которые Запад использовал для политического давления на Москву. Украинский узел противоречий оказался наиболее крупным из них.

В 1990-е гг. Украина проводила политику последовательного и неуклонного дистанцирования от Москвы, что полностью совпадало с геополитической линией Запада в украинском вопросе. Не ограничиваясь отдалением от Москвы, Киев принял активное участие в реализации западных политических проектов в странах СНГ. Одним из таких проектов стало создание объединения ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). Процесс активного укрепления ГУАМ происходил, с одной стороны, на фоне внешнего источника влияния (организация была создана в Страсбурге), а с другой – на фоне совпадения экономических и политических интересов стран-участниц. В частности, их сближали поиски альтернативных маршрутов транспортировки каспийской нефти в Европу, идея создания евроазиатского транспортного коридора (проекты ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia), Иногейт (Программа энергетического сотрудничества между ЕС, Прикаспийскими и Причерноморскими государствами) и др.), а также перспективы сотрудничества с европейскими и евро-атлантическими партнерами [6].

Первое резкое обострение отношений с Украиной произошло после «цветной» революции, осуществленной на Украине осенью 2004 г. по западным сценариям. Итогом этой революции стал приход к власти в Киеве ортодоксально прозападной политика Виктора Ющенко. В годы его правления (2004–2009) киевские власти поставили задачу скорейшего вступления в НАТО и ЕС. Во внутренней политике произошла реабилитация фашистских коллаборантов Бандеры и Шухевича, киевские власти приступили к активному переписыванию истории и инициировали наступление на статус русского языка. Начинается активное разжигание межнациональных отношений, на Россию посыпались обвинения в совершении «голодомора украинцев» в 1930-е гг. При В.Ющенко была

предпринята первая попытка оспорить статус УПЦ Московского патриархата, но на полноценную войну против православной церкви кабинет Ющенко все же не решился, опасаясь негативной реакции украинского общества.

А что же Россия? В российском академическом сообществе и в СМИ тема угрозы со стороны Запада была надолго маргинализирована. Ведущие отечественные СМИ популяризировали идею стратегического партнерства между США и новой демократической Россией, а многие российские политики и историки в позитивно-розовом ключе расценивали идеи Ф.Фукуямы о «конце истории» и триумфе демократии. Российская политическая мысль начинает прозревать лишь под воздействием ряда болезненных ударов, главным из которых стало активное участие западных политиков в организации «цветных» революций в Грузии и на Украине. Следует отметить и то, что Россия долгое время не имела стратегии развития зоны ближнего окружения как единого целого. В это же время американское геополитическое видение предполагало, что конечной фазой так называемого «демократического транзита», в русле которого следовали страны бывшего СССР, является их вступление в западные военно-политические и интеграционные блоки. Это подразумевало установление контроля над ними со стороны Вашингтона и Брюсселя и превращение России в слабую региональную державу средней руки.

Совершенно очевидно, что красивые фразы о поддержке демократизации и рыночных реформ скрывали пошаговую геополитическую оккупацию территории бывшего СССР со стороны коллективного Запада. Лишь в 2000-е гг. в российских официальных документах появляется аргументированная критика деструктивной деятельности Запада в мире и относительно стран СНГ, их попытки подменить нормы международного права «правом сильного», вбить клин в отношения между бывшими братскими народами. Однако не только политические и экономические уступки России сыграли роковую роль в раскручивании спирали украинского кризиса. Важную роль сыграли идеологический и конфессиональный факторы.

Религиозно-идейная опора украинского национализма

Негласной идеологической основой украинской государственности стал национализм и пристокающая из него русофобия. Культурно-исто-

рические корни украинского национализма уходят в эпоху конца XIX в., когда на волне решения культурно-просветительных задач часть мало-

российской интеллигенции под влиянием идеологов и активистов Кирилло-Методиевского общества (Николай Михновский и др.) пропитывается националистическими идеями.

Важно подчеркнуть и роль внешних сил. Еще до начала Первой мировой войны и в ходе нее «украинский политический проект» курировала разведка австро-венгерского Генштаба. Цель была проста и вместе

Евгений Коновалец

с тем амбициозна – ослабить окраинные территории Российской империи, создать там очаги сепаратизма, особенно в Малороссии, которую Австро-Венгрия собиралась присоединить в случае победы в войне Тройственного Союза. В ходе Первой мировой войны были сформированы первые украинские воинские части – сечевые стрельцы, воевавшие в составе Австро-Венгрии. Одним из офицеров украинских сечевых стрельцов был Евгений Коновалец, будущий организатор и руководитель Организации украинских националистов (организация, деятельность которой запрещена в РФ). Именно это объединение, появившееся в Вене в 1929 г., становится политической платформой консолидации всех украин-

ских националистов, их непримиримой борьбы с Советским Союзом [18].

Религиозно-идейной опорой украинского национализма стало униатство, которое под давлением Ватикана и Польши было в виде Брестской унии в 1596 г. навязано западным окраинам Российского государства. Целью того шага был разгром Православия на западных землях исторической Руси. С тех пор униатство было и остается мировоззренческой основой «украинства». После завершения Второй мировой войны и присоединения западноукраинских земель к СССР с подачи И. Сталина была проведена религиозная реформа. Львовский собор 1946 г. принял решение о ликвидации Брестской унии и присоединении всех униатов к Русской Православной Церкви. Этим решительным шагом со стороны

Советского руководства очаг «украинства» был потушен на длительный срок.

Возрождение «украинства» протекало в латентной форме и началось с хрущевской «амнистии» бандеровцам, однако в эпоху «перестройки» и «нового политического мышления» самостийники вновь заявили о себе как о политической силе, которая ставит задачу вывести страну из состава СССР. Именно такую цель преследовало националистическое движение «Рух». После успешной реализации намеченного последовали и другие шаги в том же направлении – украинские националисты начали беспощадную борьбу с церковно-славянским языком, а также организовали гонения на русский литературный язык. Так, уже в начале 1990-х гг. все произведения Н.В.Гоголя были «переведены» на украинский, причем слова «Россия» и «русский» заменены на «Украина» и «украинский».

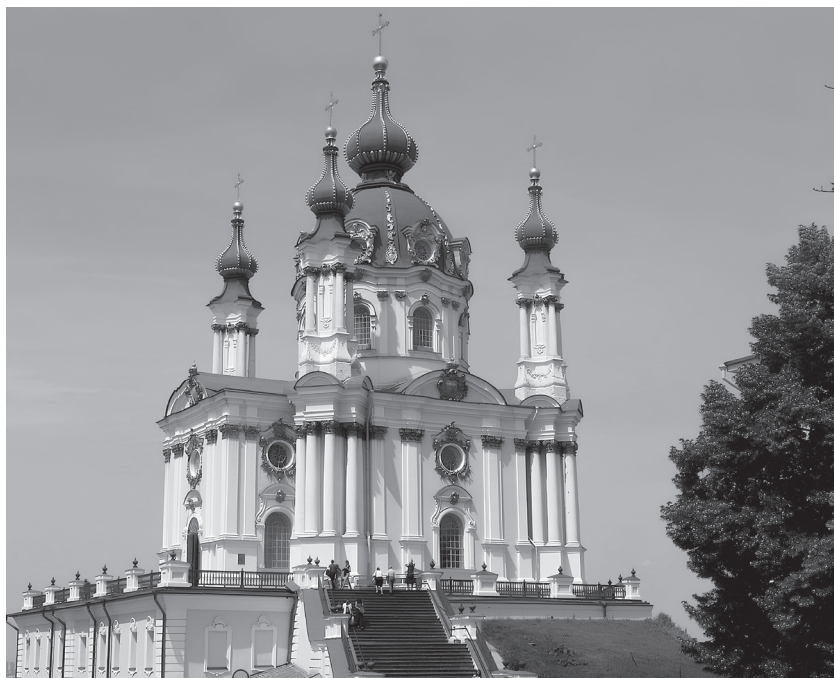
В дальнейшем мысль украинских самостийников работала над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, которые бы «доказали» отсутствие родства между русскими и украинцами. Потребовалось чуть менее двух столетий, чтобы до-

биться поставленной цели. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Н. И. Костомаров), потом – двумя разными славянскими народами (М. С. Грушевский), а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам (В. М. Бебик и др.). Почин историков и литературоведов подхватили современные политики. Так, коренные отличия в менталитете и этногенезе русских и украинцев подчеркиваются в книге второго президента Украины Леонида Кучмы. Его книга «Украина – не Россия», была издана в 2003 г. на русском, украинском и польском языках [9]. Сквозной мыслью книги является идея о национальном превосходстве украинцев над русскими. Именно с периода президентства Л. Кучмы начинается обратный отсчет в сторону неизбежного столкновения двух стран.

В отличие от России, где основной христианской конфессией является Русская православная церковь, на Украине единой православной церкви не было, но присутствовало большое количество разнообразных церквей христианской деноминации. Наиболее крупными из них являлись Украинская православная церковь Московского патриархата (УПЦ МП), Самопровозглашенная неканоническая Украинская Православная Церковь Киевского Патриархата (УПЦ КП), появившаяся в 1992 г. в результате раскольнической деятельности бывшего епископа московского патриархата Филарета (Денисенко). В 1992 г. за свою раскольническую деятельность Денисенко был извержен из сана, а в 1997 г. отлучен от Церкви и предан анафеме. Однако несмотря на то, что извержение из сана и отлучение от Церкви Филарета признаны всеми поместными Православными Церквями, на самой Украине Филаретовская церковь продолжала функционировать и сильно осложняет российско-украинские взаимоотношения.

Еще одной неканонической православной церковью на Украине является Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). В 1920 г. она была провозглашена последователями Симона Петлюры, а в 1930 г. произошел ее самороспуск. Однако с 1942 г. УАПЦ была воссоздана на оккупированных немцами территориях. После освобождения Украины от фашистов в 1944 г. УАПЦ была запрещена, но впоследствии возрождена украинскими эмигрантами в США и Канаде. В рамках политики «перестройки» и «гласности» структуры УАПЦ вновь появились на Украине. Произошло это в 1989 г. С 1995 г. церковь получила официальную регистрацию, сейчас ей принадлежит знамени-

тая Андреевская церковь в Киеве, которая находится на Андреевском спуске.

Андреевская церковь в Киеве

Кроме православных церквей, на территории Украины активно присутствует также и униатская Украинская Греко-католическая церковь (УГКЦ). Наконец, на Украине еще с 1990-х гг. свободно действовали различные адепты религиозных сект. Многие их последователи стали активными участниками государственного переворота 2014 г. К примеру, Александр Турчинов – один из организаторов захвата власти на Украине в 2014 г., был известен как пастор, член секты неопятидесятников «Слово жизни», филиала Бостонского движения «Церковь Христа». Первый постмайданный премьер-министр Украины Арсений Яценюк – последователь Рона Хаббарда, член Церкви сайентологии, запрещенной в России тоталитарной секты. Подобного рода структуры идеально подходили для перехвата власти и продвижения нужной Вашингтону политической повестки.

Евромайдан сопровождался непрекращающимся давлением со стороны ведущих западных политиков на украинские власти. Запад полностью поддерживал действия протестующих и закрывал глаза на их агрессивные и противоправные акции. Итогом этого беспрецедентного давления стало соглашение президента Украины В. Януковича и лидеров майданной оппозиции А. П. Яценюка, В. В. Кличко, О. Я. Тягнибока. В достигнутом соглашении говорилось о проведении досрочных президентских выборов, об ограничении полномочий президента и о выводе силовых подразделений из Киева. Гарантами соблюдения этого соглашения между властью и оппозицией стали Германия, Франция и Польша, представители которых взяли на себя политическую ответственность за реализацию достигнутых соглашений [16].

Последующие события показали, что украинские власти во главе с президентом В. Януковичем угодили в приготовленную для них западню. Всего через несколько часов «активисты» Евромайдана штурмом взяли правительственные здания и администрацию президента Украины. В. Янукович срочно покинул Киев, а затем и Украину, опасаясь за свою жизнь. Западные гаранты в лице Франции, Германии и Польши не только не оспорили захват власти сторонниками Евромайдана, но активно поощряли украинских путчистов. США сразу же признали новое руководство Украины. Все эти события подвели черту под состоявшимся вооруженным антигосударственным переворотом.

На фоне активных усилий российских властей по присоединению Крыма и Севастополя весьма удивительно выглядела сдержанная позиция иерархов РПЦ. Важно иметь в виду, что каноническая территория РПЦ по-прежнему простирается на пространство всего бывшего СССР, включая прибалтийские страны. С этой точки зрения угроза для Украинской православной церкви Московского патриархата возникла сразу же после политического переворота в феврале 2014 г. Несмотря на то, что патриарх РПЦ Кирилл в мае 2014 г. первым поздравил Петра Порошенко с избранием на должность президента Украины, отношения между новым киевским режимом и УПЦ МП продолжали оставаться прохладными. Не помогло и то, что после воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. все крымские епархии остались под руководством УПЦ МП, то есть не перешли под российскую церковную юрисдикцию. Тем временем Порошенко был полон планов по созданию национальной независимой украинской церкви, что соответствовало бы лозунгу украинских националистов «одна армия, вера, мова».

Примирительная позиция УПЦ МП в отношении бандеровского режима не только не сохранила статус-кво этой церкви на Украине, но и привела к дальнейшему давлению на нее со стороны киевских властей. Это выразалось в захвате раскольниками православных храмов, а также оказании политического нажима на руководство УПЦ МП по вопросу об автокефалии. Однако грубый политический нажим со стороны президента Порошенко привел к обратному результату. 13 ноября 2018 г. Собор епископов Украинской Православной Церкви во главе с митрополитом Онуфрием постановил, что процесс предоставления Томоса об автокефалии является «искусственным, навязанным извне» и «не отражает внутренней церковной необходимости» [17].

Потерпев поражение в попытке полностью подчинить себе УПЦ МП, Порошенко зашел с тыла, заручившись поддержкой Константинопольского патриархата, известного своей проамериканской репутацией. В январе 2019 г. Константинопольский патриарх Варфоломей признал церковную автокефалию ПЦУ – украинской национальной (раскольнической) православной церкви. Внутри Украины это означало торжество прозападных сил и начало процесса захвата собственности УПЦ МП. Это был удар по позициям УПЦ МП. Однако провозглашение

Киево-Печерская лавра

самостоятельности украинской православной церкви не было признано другими Поместными церквями. Очередной удар по статусу УПЦ МП был нанесен 20 августа 2024 г. Верховной радой Украины, которая приняла закон «О защите конституционного строя в сфере деятельности религиозных организаций». Он предполагает ликвидировать религиозные организации, связанные со «страной-агрессором». Это означает, что необходимость борьбы УПЦ МП за сохранение своего статуса еще не снята с повестки дня.

Вдохновляющими идеями для этой борьбы могут послужить слова преподобного старца Киево-Печерской Лавры Лаврентия Черниговского: «Наши родные слова – Русь и русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было Крещение Руси, а не Крещение Украины. Киев – это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России невыносим ни в каком случае» [15]. Созвучны этим пророческим словам мысли, высказанные российским президентом в статье «Об историческом единстве русских и украинцев» [12]. Россия, по словам В.В.Путина, никогда не одобряла попыток превратить Украину в плацдарм против России и никогда не смирился с идеей превратить Украину в анти-Россию.

Тем временем активное наступление на статус РПЦ повели и власти Эстонии, обвиняя Московский патриархат во враждебной деятельности и требуя запрета его юрисдикции на территории Эстонии [13]. Эстонское руководство, грубо вмешиваясь в вопросы церковного характера, требует от ЭПЦ МП проведения лжесобора, выхода из юрисдикции Московского патриархата и переход под юрисдикцию Константинопольского патриархата. Все эти события косвенно говорят о том, что простого политического решения украинского кризиса не предвидится.

Необходимые шаги на пути к Победе

Три года специальной военной операции России позволяют сделать ряд выводов стратегического и тактического характера. С точки зрения военной стратегии, специальная военная операция решит задачи только при условии падения и полной капитуляции киевского режима. Иной расклад сил означал бы сохранение постоянной угрозы Российскому государству с украинского направления. Существует и вариант сугубо политической победы, которая возможна при полном прекращении западной помощи украинскому режиму, в результате чего военный кон-

фликт может закончиться в довольно короткие сроки. Однако, учитывая растущий градус русофобии на Западе, подобный сценарий следует признать утопическим. Справедливо в нем лишь то, что Украина в настоящий момент является государством под внешним управлением, следовательно, никаких суверенных решений режим Зеленского принимать не в состоянии. Западные же кукловоды, в свою очередь, не проявляют никаких признаков готовности признать изменившиеся политические реалии и учитывать интересы России.

Объясняется это тем, что в украинском конфликте задеты не только имиджевые, но и конкретные политические и экономические интересы Запада. Так, освобождение все новых украинских регионов из-под власти режима Зеленского неизбежно вскроет тайные операции Запада на Украине, например, размещение секретных лабораторий, где велись эксперименты с биологическим оружием. По данным «Российской газеты», Украина предоставляла США свою территорию для проведения военно-биологических исследований [5]. Сам факт наличия американских лабораторий на территории Украины признала заместитель госсекретаря по политическим вопросам Виктория Нуланд. В свою очередь, экономический аспект непримиримой линии стран Запада в украинском кризисе объясняется тем, что Украина давно уже утратила экономический суверенитет, и подавляющее большинство активов Украины имеет зарубежных собственников. В частности, немалыми украинскими акти-

вами обладают англо-голландский концерн Shell и американский Shevron [10]. Сферой их интереса на Украине является добыча сланцевого газа. Миллионы гектаров украинского чернозема являются собственностью компаний Cargill, Dupont и Monsanto. Их интерес связан с выращиванием семян и производством продукции агрохимии.

Не стоит всерьез рассчитывать и на длительную заморозку конфликта, так как подобный сценарий невыгоден самой России. Время в украинском конфликте с момента его начала работает против России. Какие новые риски могут ожидать Россию? Во-первых, военно-промышленный комплекс Запада сможет серьезно нарастить производство вооружений и использовать свое техническое и технологическое превосходство над Российской Федерацией. Во-вторых, следует опасаться попыток Запада расширить линию фронта, создавая ряд угроз для России на севере или на южном фланге. Примером такой угрозы стала бы попытка морской блокады Калининградской области или организация вооруженных провокаций вблизи Кольского полуострова. Уже в настоящее время происходит милитаризация приграничных к России регионов Финляндии и Норвегии [3].

Участившиеся нападения ВСУ на пограничные с Украиной российские регионы актуализируют давно назревший вопрос о создании буферной зоны безопасности по всему периметру российско-украинской границы. Без решения этой тактической задачи Россия не сможет обезопасить свои тылы в ходе специальной военной операции. С другой стороны, расширение линии фронта и действия украинских боевиков по захвату и удержанию плацдармов в российских пограничных регионах свидетельствуют о том, что Киев изменил стратегию. Вместо массированного «контрнаступления» по образцу 2023 г. ВСУ перешли к изматыванию России и нанесению ударов по наименее защищенным гражданским объектам. Цель этой стратегии очевидна – заставить Россию завершить СВО и согласиться на западный вариант мира, что для Москвы означало бы военное и политическое поражение.

Украинский кризис далек от своего завершения. Но, вне зависимости от дальнейших событий, важно понимать, что Украина и ее территория не являются целью и смыслом данного конфликта. С геополитической точки зрения, Запад помогает Украине не ради ее возвращения в прежние границы, и тем более не с целью восстановления ее экономики, но ради поражения России. А Украина для Запада была, есть и будет расходным материалом в борьбе с Россией. С идеологической точки

зрения, конфликт между Западом и Россией идет за высшие идеалы, это конфликт между разными цивилизациями, а это означает, что он продлится еще многие десятилетия. Современный Запад являет собой пример постхристианской цивилизации, который активно навязывает ЛГБТ-повестку и «гендерное многообразие» окружающему миру и прежде всего России, которая все еще привержена традиционным ценностям и претендует на то, чтобы быть самостоятельной геополитической величиной.

Цивилизационный характер конфликта осознан далеко не всеми представителями политического руководства России и в еще меньшей степени представителями ее крупного бизнеса. Некоторые из них все еще пребывают в заблуждении, что базовой основой примирения с Западом могли бы снова стать идеи демократии и свободного рынка. Однако подобная повестка для самого Запада давно уже является устаревшей. С военно-стратегической точки зрения, любые попытки «заморозить» конфликт будут работать против России, так как Запад может поставками вооружений десятилетиями и другой подрывной деятельностью подпитывать подобный конфликт «низкой интенсивности». Более того, пассивность России и согласие на «почетный мир» послужит сигналом для приема Украины в НАТО и ввода на ее территорию войск альянса. Только ставка на окончательную и безоговорочную победу и на переговоры с позиции силы способна решить те задачи, которые были поставлены в начале СВО.

Библиографический список

1. Акопов П. Ставок больше нет: Запад поставил все на поражение России. – Электронный ресурс. – URL: <https://ria.ru/20240316/zapad-1933365303.html> (дата обращения 20.08.2024)
2. Антонов А. Кто поставщик дизтоплива для украинских танков? – Электронный ресурс. – URL: <https://rus-lad.ru/news/a-antonov-kto-postavshchik-diztopliva-dlya-ukrain-skikh-tankov/> (дата обращения 21.08.2024).
3. Балиев А. Скандинавская «антанта». – Электронный ресурс. – URL: https://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/skandinavskaja_antanta_304.htm (дата обращения 18.08.2024).
4. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005. 264 с.
5. Гаврилов Ю. На территории Украины велись эксперименты США с биологическим оружием. – Электронный ресурс. – URL: <https://rg.ru/2022/03/16/na-territorii-ukrainy-velis-eksperimenty-ssha-s-biologicheskim-oruzhiem.html> (дата обращения 13.08.2024).
6. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы. / Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шмелев А.П., Шоджонов И.Ф. – Электронный ресурс. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-guam-na-postsovetskom-prostranstve-namereniya-rezultaty-perspektivy> (дата обращения 10.08.2024).
7. Закон Союза Советских Социалистических Республик о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР. – Электронный ресурс. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (дата обращения 08.08.2024).
8. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Внешняя политика и безопасность современной России. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002, 544 с.
9. Кучма Л. Украина – не Россия. М.: Время, 2003. 560 с.
10. Мазевич В. На пороге голодомора – Электронный ресурс – URL: https://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/na_poroge_golodomora_293.htm (дата обращения 12.08.2024).
11. МИД России приравнял F 16 для Украины к носителям ядерного оружия – Электронный ресурс. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6688072>. (дата обращения 14.08.2024).
12. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев – Электронный ресурс. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения 12.08.2024).
13. Рийгикогу объявил Московский Патриархат институтом, поддерживающим российскую агрессию. – Электронный ресурс – URL: <https://www.riigikogu.ee/ru/novosti-komissij/konstitutsionnaya-komissiya/riigikogu-obyavil-moskovskij-patriarhat-institutom-podderzhivayushhim-rossijskuyu-agressiyu/> (дата обращения 14.08.2024).
14. Сидоров А. Россия и Запад после начала СВО: к вопросу о новом качестве противостояния – Электронный ресурс – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2919> (дата обращения 05.08.2024).

15. Славко М. Киев без великой России немыслим – Электронный ресурс. – URL: https://www.stoletie.ru/sozidateli/kijev_bez_velikoj_rossii_nemyslim_938.htm (дата обращения 11.08.2024).

16. Соглашение об урегулировании политического кризиса на Украине от 21 февраля 2014 года // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Электронный ресурс. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/n0001325-14#Text>. (дата обращения 12.04.2024).

17. Степанов А. Технология «окон Овертона» в украинском церковном кризисе – Электронный ресурс. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2018/11/15/tehnologiya_okon_overtona_v_ukrainskom_cerkovnom_krizise/ (дата обращения 19.07.2024).

18. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Индрик, 1996, 320 с.

19. Федорска А. Украинские танки ездят на русской нефти: «военные двигатели очень толерантны» – Электронный ресурс. – URL: <https://inosmi.ru/20230726/neft-264617492.html?ysclid=Iz8rmml4di834902621> (дата обращения 13.08.2024).

Вартан Эйриян

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПОШЛА БЫЛО НА УБЫЛЬ»:

ОСВЕЩЕНИЕ СУЭЦКОГО КРИЗИСА В ПРАВОСЛАВ- НОЙ ПЕРИОДИКЕ

УДК
94(47).084.8

Статья посвящена анализу материалов в православной периодике на тему Суэцкого кризиса. Русская Православная Церковь придерживалась советского взгляда на конфликт, однако ее линия не во всем была тождественна государственной. В результате сравнения государственного и церковного подходов в отношении Суэцкого кризиса выделяются различия между ними. Делается вывод о том, что в 1956–1957 гг. Русская Православная Церковь стремилась поддерживать диалог как с Александрийским, так и с Иерусалимским патриархатами, а также игнорировала вклад США в урегулирование конфликта.

The article examines the papers of the Orthodox periodicals devoted to the Suez crisis. The Russian Orthodox Church adhered to the Soviet position, but its line was not identical to the state course. As a result of comparing the state and church approaches towards the Suez crisis, the differences between them are being identified. It is made a conclusion that in 1956–1957 the Russian Orthodox Church sought to maintain dialogue with both the Patriarchates of Alexandria and Jerusalem, and also neglected the US contribution to the settlement of the conflict.

Ключевые слова: Суэцкий кризис; Русская Православная Церкви; Журнал Московской Патриархии; холодная война; религиозная политика; А.В.Ведерников.

Key words: Suez Crisis; Russian Orthodox Church; Journal of the Moscow Patriarchate; Cold War; Religious Politics; A.V.Vedernikov.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

Традиционно внешнеполитическая активность Русской Православной Церкви (РПЦ) ассоциируется у историков с 1940-ми гг., когда церковь, реализуя замыслы сталинского руководства, выполняла роль антагониста Ватикана и служила дополнительным инструментом влияния в условиях разгоравшейся «холодной войны». Уже с конца 1940-х гг. привлечение церкви к международным акциям советской власти, казалось бы, становится менее актуальным, однако и в 1950-е гг. иерархи РПЦ будут продолжать вносить свой вклад в «дело мира» и воздействовать на общественное мнение сообразно политической линии, проводимой СССР.

В рамках статьи будет рассмотрено освещение одного из наиболее ярких событий международной жизни 1950-х гг. в печати РПЦ. После смерти И.В.Сталина церковь не столь часто посвящала целый ряд материалов в своем периодическом издании – Журнале Московской Патриархии (ЖМП) – международным кризисам, если это напрямую не было связано с Движением сторонников мира, в котором были задействованы отечественные иерархи. В этих условиях неизбежно возникает вопрос: почему РПЦ посчитала необходимым разъяснить читателям ситуацию вокруг Суэцкого кризиса, и была ли ее позиция полностью идентична государственной либо допускала некоторые отклонения от нее?

Церковь на страже мира

Проводя свой внешнеполитический курс, РПЦ располагает немалым количеством инструментов публичного характера. К примеру, к таковым следовало бы отнести евхаристическое общение, включение предстоятелей церквей в диптихи и их поминовение во время литургии, а также публикацию материалов в церковной печати. Последняя сама по себе не претендует на роль главенствующего инструмента во внешнеполитическом арсенале, однако позволяет проследить официальную риторику в отношении интересующих исследователя событий. Обращение к этой практике особо релевантно в связи с тем, что во многие процессы международной жизни церковь может не быть вовлечена напрямую, однако ее позиция дает возможность, во-первых, уточнить интересы и политические методы советского государства, являвшегося основным бенефициаром публикации подобных материалов, и, во-вторых, выявить различия между государственной и церковной линиями либо отсутствие таковых.

Тематика арабо-израильского конфликта интересовала церковь довольно редко, несмотря на повышенное внимание СССР и РПЦ к Ближнему Востоку в послевоенный период. К примеру, в период войны за независимость Израиля 1947–1949 гг. РПЦ не опубликовала ни одного развернутого материала в поддержку той или иной стороны. Единственной статьёй, в которой бы признавался сам факт существования конфликта в регионе, являлась заметка «"День ангела святейшего патриарха Алексия в Иерусалиме", в которой одним предложением сообщалось: "Несмотря на то, что военные действия между арабами и евреями еще не закончены и что храмы и здания Миссии находятся всего в двухстах метрах от враждующей стороны, богослужения, состоявшиеся 24 и 25 февраля, собрали в храм большинство русских людей, проживающих в Иерусалиме"» [6, с. 5].

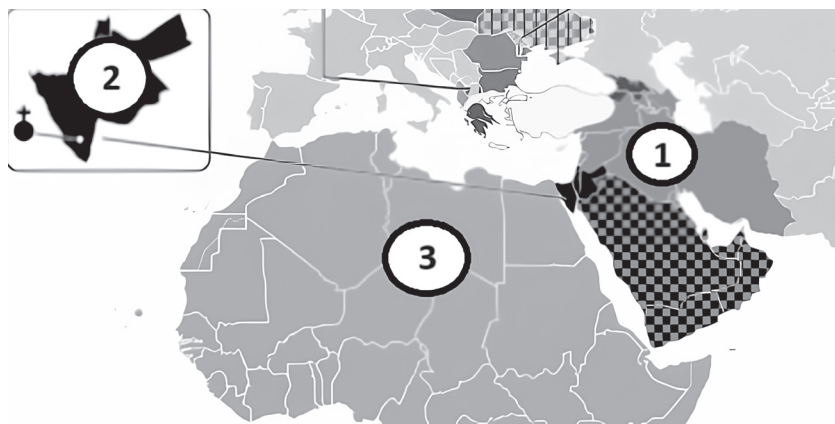
Реакция РПЦ что на Шестидневную войну в июне 1967 г., что на войну Судного дня в октябре 1973 г. была немногословной. В частности, при прочтении октябрьского номера ЖМП за 1973 г. можно было ознакомиться с заявлениями митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова) и епископа Кароли Тота, президента и генерального секретаря Христианской Мирной Конференции (ХМК), соответственно. От имени этой неправительственной организации, продвигавшей интересы СССР и стран народной демократии, иерархи напомнили о том, что еще с 1967 г. ХМК поддерживает требования арабских стран и высказывается против «всякой попытки дать агрессивному курсу государства Израиль религиозное толкование» [7, с. 51]. Завершалась эта тирада стандартными призывами в адрес мировой общественности обратить внимание на Ближний Восток и поспособствовать разрешению конфликта мирными средствами.

Суэцкий кризис сквозь призму ЖМП

На фоне этой небольшой заметки, больше напоминающей новостную сводку в официальной государственной газете, тем удивительнее, что в 1956–1957 гг. РПЦ пошла на публикацию ряда материалов, посвященных Суэцкому кризису. Напомним, что после национализации Суэцкого канала египетским правительством Великобритании, Франция и Израиль, подписав Севрские соглашения, перешли к реализации операции «Кадеш», в результате которой менее чем за неделю западной стороной были заняты сектор Газа и большая часть Синайского п-ова. Симпатии Москвы были на арабской стороне, тем более, что страны соцблока

связывало с Египтом в т. ч. и военно-техническое сотрудничество. Более того, в январе 1956 г. Г.А.Насер отстаивал идею поставки вооружений через Египет и в Сирию, успокаивая Дамаск, что «поступление русского оружия не влечет за собой усиления проникновения коммунистических идей в Египет» [1, с.380–381].

Если посмотреть на Ближний Восток и Северную Африку с позиций канонического права и экклезиологии, перед нами предстанет следующая картина. Египет является канонической территорией Александрийского патриархата, однако Синайский п-ов находится в ведении Синайской православной церкви, являющейся автономной в составе Иерусалимского патриархата. Кроме того, на часть территорий на Ближнем Востоке распространяется юрисдикция Антиохийского патриархата, что отчасти делает и его актором, который не может совсем уж остаться в стороне от любого конфликта. Соответственно, в случае начала военных действий в регионе внешнеполитическая позиция РПЦ может быть вычислена в т. ч. посредством изучения ее диалога с названными православными церквями. Также маркером внешнеполитической ориентации РПЦ в подобных случаях может служить ее общение с Коптской православной церковью, являющейся Древневосточной либо дохалкидонской.

Карта канонических территорий автокефальных православных церквей на Ближнем Востоке: цифрой «1» обозначена территория Антиохийского патриархата, «2» – Иерусалимского, «3» – Александрийского

В 1956 г. РПЦ отреагировала не на сам факт национализации Суэцкого канала, а на начало военных действий, наблюдавшихся в конце ок-

тября – начале ноября. В ноябрьском номере ЖМП появляется первая статья на тему конфликта на Ближнем Востоке – «Поругание надежды» за авторством А. Васильева. От имени этого же человека вышли материалы «Против нарушителей мира» (январь 1957 г.) и «Вместе с народом» (март 1957 г.). На сегодняшний день известно, что за псевдонимом «А. Васильев» стояла личность А. В. Ведерникова, советского журналиста и редактора, работавшего в Издательском отделе Московской патриархии. Это подразделение возглавлялось митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем), который также был ответственен за реализацию внешнеполитического курса РПЦ, являясь главой Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС). Именно митрополит Николай пригласил А. В. Ведерникова принять участие в работе Издательского отдела, где последний курировал рубрику «В защиту мира». Из-под пера этого деятеля выходили как многочисленные статьи на тему международных реалий, так и речи, с которыми выступали отечественные иерархи на различных конференциях и форумах. О полной монополизации внешнеполитической и международной тематики в ЖМП А. В. Ведерниковым речи не идет, однако наиболее существенные мотивы, принципиальные для советского внешнеполитического курса, зачастую раскрывались на страницах журнала именно им. Кроме того, очевидно, что деятель, выступавший в качестве спичрайтера первых лиц РПЦ, всегда должен был тонко чувствовать мотивы и запросы церковных и государственных структур, обрамляя текст выступления таким образом, чтобы он максимально соответствовал требованиям момента. Суммируя это, можем констатировать, что факт публикации в ЖМП материалов по Суэцкому кризису за авторством именно А. В. Ведерникова показателен и свидетельствует о значимости тематики для РПЦ и СССР. В то же время ситуации на Ближнем Востоке также были посвящены статья болгарского деятеля Любозара Чолакова, вышедшая в февральском номере ЖМП в 1957 г., и несколько сообщений, помещенных в официальной части периодического издания.

Освещение конфликта на Ближнем Востоке началось в ЖМП с публикации обращения патриарха Алексия I и Священного Синода, сделанного 5 ноября 1956 г. и напечатанного также в выпуске «Известий» за 6 ноября. Позиция, озвученная иерархами, максимально синонимична государственной: агрессия в отношении Египта прервала поступательное мирное развитие, вследствие чего все народы должны осудить действия захватчиков и выступить единым фронтом против не названных напрямую врагов. В формальном заявлении церковь, солидаризировав-

шись с официальным Каиром, тем не менее не перешла к откровенной демонизации Лондона, Парижа и Тель-Авива, не упоминая и реальную причину начала конфликта. В контексте Движения сторонников мира РПЦ вновь напомнила о необходимости привлечь внимание общественности к происходящему и потребовать прекращения военных действий. «Захватническая рука агрессора посягнула на мир и независимость Египта», «египетский народ, как один человек, встал на защиту своей земли, и все народы Востока выразили готовность поддержать его в мужественной борьбе за свою жизнь», – стандартные для советской внешнеполитической риторики формулы включали в себя и антиколониальную повестку [11, с.3].

Алексий I (Симанский) – патриарх Московский и всея Руси в 1945–1970 гг.

В то же время ноябрьский номер ЖМП содержал и первую публицистическую статью, направленную на формирование у читателей представления о сути конфликта. А. В. Ведерников начал обращение к тематике с указания на наблюдавшуюся нормализацию международной жизни: «В сознании всех народов мира последние два года определились как начало новой эпохи – эпохи осуществления лучших надежд челове-

чества на мирное устроение жизни, благоприятное для его духовного возрождения. ...Одним словом, "холодная война" в международных отношениях заметно пошла было на убыль, уступая место нормальным межгосударственным отношениям» [4, с. 53]. Концепция мирного сосуществования, чьи отзвуки можно было найти в материалах церковных авторов еще со второй половины 1940-х гг., превратилась в напоминание, что «различия в политическом строе и жизненном укладе не являлись тормозом для всеобщего движения к единству» [Там же, с. 54]. Обозначив основную внешнеполитическую идеологию советского государства на церковный лад, автор статьи выдвинул конкретные тезисы: мирные устремления всех народов, недопустимость посягательства империализма на свободлюбивые нации, верховенство международного права и мирное решение международных споров. В отличие от иерархов, А.В.Ведерников не скрывал того, что за агрессией в отношении Египта стоят Великобритания, Франция и Израиль, однако показательно то, что вся критика пришлась лишь на Лондон и Париж. Западные столицы, которым, по мнению журналиста, принадлежала ведущая роль в эскалации конфликта, руководствовались строго материальными целями, из чего следовало, что ничего истинно христианского в них не осталось. Тезис о «мнимом христианстве» или, как выразился А.В.Ведерников, лишь «христианской фразеологии» со стороны Запада, конечно, не являлся новаторским: в первые же послевоенные годы церковью была развернута пропагандистская кампания по дифференциации христиан и «христианствующих», позволяющая объяснить политический курс Запада отступлением от христианской морали [Там же, с. 54]. Вероятно, важнейшее обвинение в адрес Великобритании и Франции заключалось в том, что действия этих акторов, на ассоциативном уровне символизирующих западный мир, отталкивали Восток от любого диалога с Европой.

Не менее важно и то, что в статье не прослеживается классических для раннего поствоенного периода попыток объяснить любую нормализацию ситуации лишь действиями СССР. На протяжении всего текста автор ни разу не упоминает Союз, апеллируя вместо этого лишь к авторитету Организации Объединенных Наций (ООН). С одной стороны, это соответствовало действительности и напоминало о том, что во время активной фазы конфликта СССР был более сконцентрирован на восстании в Венгрии, нежели на Ближнем Востоке; с другой – у читателей должно было сформироваться представление о том, что попытки урегулирования конфликта предпринимались исключительно ООН, причем американская сторона, сыгравшая, как известно, в Суэцком кризисе значимую

роль, в материале А.В.Ведерникова также не фигурирует. Рассуждения завершались предостережением против начала новой мировой войны, угроза которой, согласно автору, прослеживалась в этом акте агрессии против Египта.

Следующим случаем акцентирования тематики Суэцкого кризиса первыми лицами РПЦ стало новогоднее послание патриарха Алексия: предстоятель вновь изобразил уходящий 1956 год в качестве цикла, в рамках которого первая фаза знаменовалась нормализацией международной обстановки, а вторая – деструктивным подходом «сил, жаждущих господства над миром». «Всем известно, что армии трех стран неожиданно вторглись в мирный Египет с целью захвата Суэцкого канала и своими агрессивными действиями вызвали возмущение всех народов. А в Венгрии возникла попытка враждебных народу сил нарушить мирный строй жизни, угрожая огромными международными осложнениями. Оба события ... омрачили надежду народов на укрепление мира» [10, с.3]. События на Ближнем Востоке и в Венгрии приравнены друг к другу не только по степени их опасности для всего международного сообщества, но и по тому, какие силы дирижировали этими процессами. Патриарх, более не останавливавшийся в новогоднем послании на Египте, сделал ремарку, что Венгрия тоже могла быть превращена в очаг нового мирового конфликта, а обращения зарубежных иерархов с просьбой к РПЦ оказать воздействие на правительство СССР бессмысленны, так как церковные деятели не осознают, кто на самом деле стоял за этим восстанием.

В последовавших затем поздравлениях глав автокефальных церквей по случаю Рождества Христова прослеживается интересная тенденция. От имени Александрийской церкви патриарх Христофор направил развернутое сообщение, иносказательно описав события на Ближнем Востоке; от имени Антиохийской церкви патриарх Александр III посетовал на «грохот пушек и свист смертоносных бомб», и только от Иерусалимской церкви в РПЦ поступила записка, состоящая лишь из двух формальных предложений [14, с.5–6]. На этот момент руководство Иерусалимским патриархатом осуществлял архиепископ Афинагор, являвшийся местоблюстителем патриаршего престола с декабря 1955 г., когда умер патриарх Тимофей. Следующий предстоятель Иерусалимской церкви, патриарх Венедикт, будет избран лишь 29 января 1957 г. Однако даже в условиях церковного транзита власти рождественское поздравление на две строки выглядит откровенной «отпиской», за которой может скрываться напряженность в отношениях между РПЦ и Иерусалимской

церковью в связи с Суэцким кризисом, даже несмотря на то, что, как было указано ранее, РПЦ в своих материалах ни разу не акцентировала внимание на роли Израиля и тем самым не усложняла ведение диалога с Церковью Сиона. Заметим, что поздравление архиепископа Афинагора является самым сухим по слогу среди корреспонденции не только ближневосточных, но и всех православных иерархов: такими же краткими являются приветствия митрополита Киттийского Анфима, де-факто являвшегося главой Кипрской церкви на время заточения на Сейшелах архиепископа Макария III, и архиепископа всея Албании Паисия, однако по слогу они звучат «дружелюбнее», нежели письмо из Святого Града. В то же время в конце января 1957 г. избрание архиепископа Тивериадского Венедикта патриархом Иерусалимской церкви повлекло за собой необходимую в подобных случаях формальную переписку: местоблюстителем архиепископом Афинагором РПЦ была поставлена в известность о личности нового Иерусалимского предстоятеля, на что со стороны патриарха Алексия прозвучала уверенность в «дальнейшем укреплении братских отношений между нашими церквями» [9, с. 14–15].

Отдельное рождественское поздравление направил и глава Синайской православной церкви: архиепископ Горы Синайской Порфирий III обратился к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю с теплым приветствием, однако обошелся без упоминаний о конфликте, остановившись лишь на «гласе нашего Спасителя Иисуса, возвещающего о мире всем – далеким и близким...» [8, с. 13]. Несмотря на то, что Синайская церковь является автономной в составе Иерусалимского патриархата, резиденция ее глав располагается в Каире, что усложняет политическое маневрирование иерархов во время конфликтов на Синайском п-ве. Тем не менее в этом случае поздравление Порфирия III не содержит явных маркеров, идентифицирующих его позицию как произраильскую либо проегипетскую.

Пока первые лица православных церквей соблюдали дипломатический этикет и обходились без агрессивных выпадов в чей-либо адрес, А.В.Ведерников, чья статья «Против нарушителей мира» была размещена в том же январском номере ЖМП, продолжал клеймить коалицию, выступившую против египетского народа. Вновь стараясь уйти от вопроса, по какой причине разгорелся конфликт («Какими бы соображениями ни руководствовались инициаторы военного вторжения в Египет...»), автор привнес несколько новелл в освещение Суэцкого кризиса в церковной печати. Во-первых, появляется прямое указание на то, благодаря каким государствам удалось справиться с проблемой:

«Решающее значение имело энергичное предупреждение агрессорам со стороны Советского Союза и Китайской Народной Республики» [5, с. 36]. Позиция держав-лидеров соцблока вторит решениям Генеральной Ассамблеи ООН, что подчеркивает и ее статус. Признания роли США в материале вновь не прослеживается. Во-вторых, в дело был включен стандартный для Союза инструмент народной дипломатии: заявлялось о полной солидарности как еврейского, так и мусульманского населения СССР с принципом мирного разрешения международных споров. Помимо этого, А.В.Ведерников развил пассаж патриарха о взаимосвязи между ближневосточными и венгерскими событиями: если выступление предстоятеля РПЦ оставляло пространство для маневра и лишь намеками давало понять о вовлеченности Запада в восстание в Венгрии, то завершающая часть статьи А.В.Ведерникова разночтений не допускала. «Почти одновременно с агрессией в Египте были развязаны кровавые события в Венгрии. Всем известно, что эти события подготовлены и развязаны некоторыми заграничными кругами, приложившими много усилий к тому, чтобы уничтожить народно-демократический строй в Венгрии и восстановить ее против Советского Союза и всего демократического лагеря» [Там же, с. 37]. Несложно заметить, что номера ЖМП, в которых размещались и заявления официальных лиц, и публицистика, подчинялись следующей логике: руководством ставился тезис, формулировка которого не выходила за рамки приличия, после чего в публицистических материалах «частным лицом» этот тезис развивался и заострялся с опорой на мнение мировой и советской общественности. Риторика, которую не могли себе позволить иерархи, выплескивалась на читателей в статьях А.В.Ведерникова, доходчиво объясняющего те аспекты, которые первые лица затронули лишь по касательной.

Посмотреть на освещение Суэцкого кризиса в церковной печати с другого ракурса позволяет размещенная в февральском номере ЖМП статья Любозара Чолакова. Этот материал был перепечатан из журнала Болгарской православной церкви «Церковный вестник» и представляет собой пример воззрений деятеля автокефальной церкви, действующей в стране народной демократии. Болгарский взгляд на события 1956–1957 г. предлагает читателю три ключевых тезиса об эволюции ситуации в мире. Во-первых, «в настоящее время существует мировая совесть, авторитет которой велик и силен и перед волей которой должны отступать великие и малые народы». Такую характеристику получает ООН, благодаря действиям которой удалось, по мнению автора, достигнуть вывода войск с египетской территории. Единственным актором, чей вклад в уре-

гулирование конфликта заслужил отдельного упоминания болгарским деятелем, ожидаемо становится СССР: «...главная и решающая заслуга, бесспорно, принадлежит СССР, который всем своим моральным авторитетом и огромной материальной мощью склонил чашу весов в пользу малых народов...» [17, с. 27].

Во-вторых, принципиален более широкий международный контекст, в который вписана деятельность ООН и Союза: вынужденное отступление Великобритании, Франции и Израиля символизировало крах колониальных устремлений; право наций на самоопределение и зафиксированный в ст. 1 Устава ООН принцип равноправия и самоопределения народов стали не фикцией, а реальностью, ведь «в настоящее время даже мощная вооруженная интервенция двух великих держав не была в состоянии запугать "непокорных"» [Там же, с. 27]. Исходя из этого, второй истиной назван триумф антиколониализма.

Наконец, последним тезисом Любозара Чолакова становится констатация складывания единой арабской общности. По мнению автора, арабский мир уже прошел путь национального строительства и «осознал себя, как единое целое, что делает его сильным и ревнивым к собственной своей свободе и независимости» [Там же, с. 27–28]. Столь претенциозное заявление было сделано с опорой лишь на одно из положений Конституции Египта, однако в политической плоскости, вероятно, должно было означать политическую субъектность арабского мира, рассмотрение его в качестве сплоченного лагеря, что в свою очередь отчасти усиливает антагонизацию арабского и израильского подходов по основным вопросам ближневосточного конфликта. Размещение в ЖМП этого материала по актуальной проблеме должно было означать, что отечественное издательство в целом солидарно с изложенной позицией. Нет ничего удивительного в том, что РПЦ выразила согласие с теми тезисами, что и так звучали от предстоятеля либо от постоянного автора публицистических статей, однако статья на почву поборника арабской национальной и политической идентичности все же осмелилась София, а не Москва, в то время как РПЦ, вероятно, не желая усложнять свой диалог ни с одной из ближневосточных православных церквей, лишь перепечатала эти смелые заявления, не торопясь озвучивать их самостоятельно.

Последние штрихи к образу Суэцкого кризиса, сделанные церковной печатью, были представлены в мартовском номере 1957 г. РПЦ публично отчиталась о том, что направила Александрийскому патриархату и Коптской церкви 2.000 и 1.500 египетских фунтов, соответственно. Текст как

сообщений о предоставлении финансовой помощи, так и ответных благодарственных посланий прямо указывает на факт, что поддержка РПЦ нацелена на содействие египетскому народу в целом без смысловой дифференциации паств православной и дохалкидонской церковью. Ни одна из сторон не считала нужным переходить к политическим заявлениям, лишь и. о. патриарха Коптской церкви Афанасий охарактеризовал прошедшие военные действия как «предательскую агрессию» [13, с.4–5]. Аккуратность отечественного подхода к освещению ближневосточных реалий видна и по заметке «По святым местам Палестины», в которой архимандрит Пимен (Хмелевский), направленный в 1955 г. в регион, описывает свои впечатления от посещения христианских святынь. «В силу политических причин даже священный город Иерусалим рассечен израильско-иорданской границей на две части», «ввиду того, что между Израилем и Иорданией до сих пор не заключен мирный договор, переход иорданско-израильской границы для многих представителей различных христианских исповеданий представляет много трудностей...» [12, с. 17]. Исходя из описаний архимандрита Пимена, возглавлявшего Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, невозможно сложить представление о том, по чьей вине были начаты военные действия, последствия которых описаны церковным деятелем. Даже в условиях Суэцкого кризиса и постконфликтного урегулирования автор статьи не допускал обвинений в адрес одной из сторон, тем более это могло значительно усложнить пребывание отечественных представителей в регионе.

Последняя статья, представляющая интерес в контексте нашей темы, не привносит чего-то принципиально нового в уже сложившуюся картину. Большую часть материала А.В.Ведерникова занимает цитирование речи настоятеля молитвенного дома в станице Кушевской Краснодарской епархии протоиерея Л.Чернецкого. В представлении последнего события в Египте и Венгрии являются очередной попыткой прервать мирное развитие Советского Союза (а не всего международного сообщества), сумевшего быстро восстановиться после Великой Отечественной войны. «Но темные силы не дремлют и по сей день. Им не по душе наш строй, наше благополучие и процветание. Они разными способами так называемой "холодной войны" стремятся запугать нас, как и наших друзей», – в постконфликтное время РПЦ вновь вернулась к отстаиванию привычного тезиса о врагах Советов, отодвинув субстантивную повестку на второй план [3, с.42]. Неудивительно, что и выводы как протоиерея, так и А.В.Ведерникова не посвящены строго ближневосточной тематике; вместо этого они в очередной раз содержат постулат о том,

что, будучи на страже мира, РПЦ не готова поступиться национальными интересами.

Попробуем подытожить сделанные нами наблюдения. Освещение Суэцкого кризиса в церковной печати осуществлялось посредством размещения в ЖМП официальных заявлений и выступлений иерархов, а также публицистических материалов. В источниках, относящихся к первой категории, прослеживается преимущественно компромиссная линия: первые лица РПЦ стремятся соблюсти баланс между необходимой в такой ситуации поддержкой египетского народа (в православном мире – Александрийской церкви) и поддержанием диалога с Иерусалимским патриархатом. Отказ от прямого указания на роль Израиля в Суэцком кризисе является наиболее симптоматичным проявлением неготовности РПЦ жертвовать отношениями со значимым в церковной среде актором ради вербального усиления позиций Египта. В то же время и официальные заявления содержат тезис о взаимосвязи венгерских и ближневосточных событий, хотя и риторика предстоятеля гораздо сдержаннее, нежели А.В.Ведерникова, стоявшего за публицистическими статьями. Вторая категория источников, с одной стороны, развивает тезисы, изложенные иерархами, с другой – является значительно более политизированной. Статьи А.В.Ведерникова включают в себя целый ряд отсылок на антиколониальную повестку, уже завершившийся процесс формирования «единого Востока» и неприятие им западных подходов к решению международных вопросов. В отличие от руководства РПЦ, публикующей под псевдонимом А.В.Ведерников мог позволить себе более резкие выпады в адрес агрессоров, постоянно делая упор на потенциале ООН и вкладе СССР в урегулирование конфликта. Ключевой особенностью всей церковной линии в отношении Суэцкого кризиса становятся умаление израильского фактора, допущенное в интересах поддержания адекватных отношений со всеми православными структурами на Ближнем Востоке, и полное замалчивание роли Соединенных Штатов, также участвовавших в распутивании конфликтного узла.

«Тучки на горизонте»

Чтобы выявить степень схождения церковной и государственной линий в отношении Суэцкого кризиса, обратимся теперь к официальной позиции СССР по этому вопросу. Советский курс может быть уточнен посредством изучения как публичных материалов, включая выступления

представителей Союза на международных площадках, так и сведений, передаваемых по дипломатическим каналам.

Антиколониальная повестка, наблюдавшаяся нами в статьях А.В.Ведерникова, производна от государственной линии. К примеру, в феврале 1956 г. В.М.Молотов, беседа с послом Израиля в СССР И.Авидаром, прямо указывает на «реакционные круги Англии и США, защищающие свои колониальные интересы и позиции на Среднем Востоке» [1, с.383]. Отметим, что этой же линии придерживались советские дипломаты и на публичном уровне: в апреле 1956 г. МИД СССР было сделано заявление о положении на Ближнем Востоке, одним из лейтмотивов которого являлось то, что проблемы в регионе следуют из «продолжающихся попыток сколачивания и расширения военных группировок, служащих целям колониализма и направленных как против независимости народов этого района, так и против безопасности миролюбивых стран» [16, с.133]. Опора на нормы международного права, безусловно, также была почерпнута из государственной практики, однако в случае отношений с ближневосточными государствами СССР подчеркивал, что они основываются на принципах, зафиксированных в Уставе ООН и провозглашенных на Бандунгской конференции 1955 г. [1, с.450].

В представлении государства палитра взаимоотношений между глобальными и региональными игроками была значительно ярче, нежели ее изображала церковная печать, акцентировавшая внимание лишь на Англии и Франции. Еще с начала 1956 г. советское государство получало информацию о том, что основным бенефициаром эскалации напряженности на Ближнем Востоке является Великобритания. Временный поверенный в делах СССР в Египте П.И.Герасимов после встречи с премьер-министром республики Г.А.Насером сообщал, в частности, что Лондону стало известно о диалоге между Союзом и Иорданией, вследствие чего британцы делают все возможное для недопущения установления дипломатических отношений между странами [Там же, с.381]. Израильский истеблишмент при этом не строил иллюзий на тему того, какое место он занимает в планах западных держав: министр здравоохранения Израила И.Барзилай поделился с послом СССР в Израиле А.Н.Абрамовым опасениями, что ни Лондон, ни Вашингтон не планируют помогать израильтянам. Однако тождественными линии США и Великобритании не являлись: «Иден прибыл в Вашингтон для того, чтобы спасти остатки английского влияния на Ближнем Востоке. Но из хода совещания видно, что американцы не намерены помогать Англии» [Там же, с.386]. Долгое время американцы не хотели форсировать события в регионе,

понимая, что в условиях президентской гонки, назначенной на ноябрь, Д.Эйзенхауэру могут повредить любые имиджевые потери, неизбежно возникающие вследствие начала конфликта. Тем не менее в представлении советского руководства восприятие США в качестве актора, преследующего благие миротворческие цели, было невозможно.

В отличие от церкви, не поднимавшей проблематику Суэцкого кризиса до начала военных действий, государство было вынуждено реагировать на происходящее уже на моменте национализации Суэцкого канала. Конечно, никакой критики в адрес Египта не прозвучало, тем более что советская сторона на протяжении всего конфликта доказывала, что национализация была проведена в соответствии с нормами международного права. Вместе с тем самое оригинальное описание политических процессов на Ближнем Востоке смог привести Н.С.Хрущев, заявивший 31 июля 1956 г. на собрании строителей Москвы: «Правда, сейчас набежали тучки на горизонте, которые создали напряженность между некоторыми государствами. Я имею в виду акт египетского правительства о национализации Суэцкого канала» [16, с. 142–143]. В остальном советская политика не допускала никакой публичной дискредитации египетской линии не зависимо от согласия с ней.

Возвращаясь к западной коалиции, отметим, что британскую мотивацию удержаться в регионе рассматривали строго в экономической плоскости, чему способствовали и напутствия Г.А.Насера: «...напряженность на Ближнем Востоке, созданная огромной заинтересованностью Англии в сохранении своих позиций..., в т.ч. из-за нефти...» [1, с.405]. Французские интересы советская сторона склонна была объяснять исторической значимостью региона для Парижа, а также алжирским вопросом. В отношении Израиля прослеживался более мягкий подход, в соответствии с которым тот объявлялся лишь марионеткой империалистов. Отчасти этому содействовало то, что уже после национализации Суэцкого канала израильское руководство заняло выжидающую позицию. Советский представитель в Израиле докладывал, что «правительство решило не отождествлять свою позицию с позицией западных держав, поставив своей главной целью добиваться свободы судоходства по каналу для Израиля...» [Там же, с.472]. Дифференциация позиций западных игроков и ближневосточного государства в глазах СССР прослеживается по тому, что если 30 октября 1956 г. постпред СССР при ООН А.А.Соболев заявил об «агрессии Израиля» [16, с.239], то уже 1 ноября перешел к обвинению Лондона и Парижа, которые были объявлены главарями сговора. «...Агрессия Израиля, равно как и агрессия Англии

и Франции против Египта, осуществляется по заранее подготовленному единому плану, разработанному английским и французским правительствами», – отечественным дипломатом сразу были разграничены роли держав в этом конфликте, после чего было сказано, что «израильское правительство, предприняв агрессивное действие против Египта, явилось орудием в руках империалистических кругов» [Там же, с.245]. Очевидно, вины с правительства Д. Бен-Гуриона это не снимало, однако акцентирование роли кабинетов Э.Идена и Ги Молле позволяло не довести советско-израильский диалог до низшей точки. В этом контексте уместно вспомнить, что в 1956 г. разрыва отношений между Москвой и Тель-Авивом не произошло, несмотря на деструктивный подход Израиля: советский представитель лишь покинул на некоторое время израильскую столицу, однако полностью отходить от возможности поддерживать сношения с обеими сторонами арабо-израильского конфликта советское руководство не считало нужным. Интересно и то, что в 1956 г. СССР стал доказывать самим же израильтянам, что их действия продиктованы внешним игроком. В ноябре Н.А.Булганиным, являвшимся председателем Совета министров СССР, было направлено послание Д. Бен-Гуриону, в котором значилось, что, «выполняя чужую волю, действуя по указаниям извне, правительство Израиля преступно и безответственно играет судьбой мира, судьбой своего народа» [Там же, с.261]. Высказывать такие претензии актору, воспринимаемому в качестве естественного врага, не было бы никакого смысла, следовательно, Кремль во многом предлагал Израилю дистанцироваться от политического курса, проводимого западными столицами, для нормализации ситуации в регионе. Таким образом, получается, что церковная и государственная линии в отношении роли Израиля в кризисе схожи, но между ними есть некоторые различия. Если церковь предпочла по возможности в принципе не упоминать Израиль, то на уровне государства промолчать о его агрессии было невозможно, однако ему оставляли опцию выйти из коалиции западных держав. Вероятно, близость церковной линии к государственной должна объясняться не только соображениями политической необходимости, но и тем, что РПЦ было важно удержать баланс между Александрийским и Иерусалимским патриархатами. Возможно, именно аккуратный подход в отношении Тель-Авива стал причиной того, что уже в январе 1957 г. А.Н.Абрамов информировал заместителя министра иностранных дел СССР В.А.Зорина о том, что «израильская печать попыталась изобразить предстоящий приезд посла как начало нового,

благоприятного для Израиля этапа советско-израильских отношений...» [2, с. 10].

Гамаль Абдель Насер – президент Египта в 1956–1970 гг.

В отношении США значительной является разница между публичным и непубличным дискурсами советского руководства. 30 октября 1956 г. от посла СССР в Египте Е. Д. Киселева поступила телеграмма, в которой заявления правительства США о потенциальном начале военных действий были расценены как провокация, а выводом являлось то, что «фактически это означает сигнал Израилю, что США считают войну неизбежной и дают ей зеленый свет». Со ссылкой на египетские разведывательные службы также сообщалось, что американцы и англичане считают момент для нападения подходящим, так как внимание Москвы приковано к Венгрии [1, с. 539]. Инструктируя Е. Д. Киселева, министр иностранных дел СССР Т. Д. Шепилов предостерегал против возможного восхваления американских миротворческих предложений в египетской печати, «ибо это дезориентирует египетский народ и облегчает империалистам осуществить давно задуманные ими совместно

планы оккупации египетской территории» [Там же, с. 551]. Египетский взгляд на место Соединенных Штатов в конфликте был едва ли не радикальнее советского. В частности, 6 ноября Али Сабри, один из советников египетского лидера, признавался, что ситуация начала нормализовываться, однако ее дальнейшее развитие зависит преимущественно от того, готов ли Вашингтон пойти на третью мировую войну с Москвой [Там же, с. 555]. В свою очередь Г.А.Насер сформулировал подход американцев следующим образом: «Они хотели воспользоваться возможностями, когда эти возможности для них откроются, без ввязывания себя в опасные комбинации» [Там же, с. 557]. При этом на публичном уровне советская сторона не торопилась отталкивать от себя американское руководство. 5 ноября Председателем Совета министров СССР было направлено послание Д. Эйзенхауэру, с содержанием которого уже на следующий день могли ознакомиться советские граждане, прочтя очередной выпуск «Известий». Москва, подчеркивая особый статус СССР и США, призывала выступить единым фронтом и коллективно осудить Лондон и Париж на площадке ООН. «В этот напряженный момент истории, когда решаются судьбы всего Арабского Востока и вместе с тем судьбы мира, я жду от вас положительного ответа», – заключал свое послание Н. А.Булганин [16, с. 257]. Согласие Соединенных Штатов не изменило взглядов Кремля. Уже в декабре 1956 г., наставляя советского посла в Египте, с каких позиций стоит смотреть на Суэцкий кризис в разговорах с египетским руководством, Т.Д.Шепилов разграничил искренние побуждения Москвы и конъюнктурное поведение Вашингтона. Штаты, следует из телеграммы министра, были вынуждены встать на позиции мира, но никаких иллюзий на тему их настоящих мотивов нет. «Мы не сомневаемся, что египетское правительство отдает себе отчет в том, что США по существу отнюдь не являются противником агрессоров и, выступая в поддержку решений ООН, исходят ... в первую очередь из стремления укрепить свои экономические и политические позиции на Ближнем Востоке за счет вытеснения своих более слабых партнеров» [1, с. 567]. Для сравнения отметим, что запись совещания у президента США от 30 октября 1956 г. показывает, что Белый дом воспринимал происходящие события обратным образом: в кризисе виноваты британцы и французы, раздувшие скандал («Египетских действий по национализации канала недостаточно, чтобы оправдать это»), а за попыткой втянуть США в ненужный конфликт виднеется тень англичан (“the hand of Churchill”) [15, с. 53].

Церковная линия на акцентирование роли ООН также следовала напрямую из государственного подхода. Публичные обсуждения на международных площадках, как указывал первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А.Громько еще 3 октября 1956 г., требуются для того, чтобы связать руки западным державам и не дать им перейти к агрессивным действиям [1, с. 517]. Значимость ООН в деле решения Суэцкого кризиса видна и по тому, что, когда в начале военных действий Г.А.Насер заявил о выходе страны из международной организации в связи с банкротством ее политики мира, советские дипломаты сразу отреагировали на этот шаг, назвав его ошибочным и непродуманным, и попросили у Москвы разрешения переубедить египетского премьера, чтобы не ослаблять переговорные позиции ближневосточной республики [Там же, с. 541]. Все публичные заявления МИД СССР в 1956–1957 гг. также дают понять, что основной площадкой по урегулированию вопросов вокруг ситуации на Ближнем Востоке следует считать исключительно ООН [16, с. 135]. Выступать с позиций силы и действовать самостоятельно Москва нужным не считала, ссылаясь на мнение военных, полагавших, что это привело бы к ужесточению атак Запада на Египет. Кроме того, очевидно, это бы давало лишний козырь британской и французской пропаганде, в то время как «мобилизация общественного мнения во всех странах против агрессоров уже дала свои результаты, и 2 ноября Чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи подавляющим большинством голосов приняла резолюцию о прекращении военных действий и выводе вооруженных сил агрессоров с египетской территории» [1, с. 550]. Сам факт того, что большая часть стран-членов ООН выступила с позиций мира, воспринимался на Смоленской площади в качестве большого успеха.

В завершение сравнения церковной и государственной линий в отношении Суэцкого кризиса остановимся еще на двух существенных, на наш взгляд, эпизодах. Во-первых, интересно, что публично советская сторона практически не обращалась к единству арабской нации, в отличие от болгарского церковного деятеля, который, как было показано нами ранее, заявлял об арабском мире как о едином целом. В то же время мысль о единой арабской нации прослеживается в разговорах Г.А.Насера с послом СССР в Египте. В частности, в феврале 1957 г. премьер-министр, характеризуя усилившуюся пропаганду США и европейских держав в регионе, отмечал, что всех сторонников арабского национализма клеймят как коммунистов, а цель всей этой кампании – «изолировать Египет, разрушить арабское единство и подготовить почву для круше-

ния режима Насера» [2, с. 22]. Очевидно, Любозар Чолаков не мог знать о содержании этих бесед, однако церковная печать попала в нужное русло и отстаивала тезис, значимый для СССР и его союзника. Во-вторых, одним из наиболее примечательных примеров взаимодействия государства и церкви по ближневосточному вопросу можно назвать тот факт, что предостережения об уже принятом Лондоном решении начать военные действия на Ближнем Востоке поступили в МИД СССР от Русской Духовной Миссии во главе с уже упоминавшимся архимандритом Пименом. 9 сентября 1956 г. священнослужитель передал послу СССР в Израиле А. Н. Абрамову информацию о том, что по данным, полученным от американского банкира Моргана, «на днях английское правительство приняло решение, практически означающее начало войны против Египта... Морган считает, что война может начаться теперь в любой день. Все английские и французские резиденты на Ближнем Востоке уже об этом осведомлены» [1, с. 488]. Этот пример позволяет подтвердить классический тезис, что представители РПЦ, осуществляя свою деятельность в зарубежье, могли выступать в качестве информаторов советской власти и добывать сведения альтернативным путем.

Архимандрит Пимен (Хмелевский) – глава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1956–1957 гг. В 1957–1964 гг. являлся наместником Троице-Сергиевой лавры

Таким образом, можно заключить, что освещение Суэцкого кризиса в церковной печати следовало государственному курсу, однако отступало от него в отдельных случаях. В 1956–1957 гг. отечественные иерархи не смогли проигнорировать ситуацию на Ближнем Востоке и посвятили ей целый ряд материалов с учетом значимости проблематики для СССР, несмотря на то что, как правило, церковь воздерживалась от публикации политических статей на ближневосточную тематику. В отличие от официальных властей, РПЦ не поднимала проблематику роли США в конфликте, а также еще аккуратнее, нежели государство, высказывалось о подходе Израиля. Разночтения между государственной и церковной линиями объясняются в первую очередь тем, что если СССР стремился сохранить возможность ведения диалога с Израилем, несмотря на союзнические отношения с Египтом, то РПЦ балансировала между Александрийским и Иерусалимским патриархатами, не отталкивая ни одну из структур.

Библиографический список

1. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Т.1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В.Наумкин. М.: МФД, 2003. 608 с. (Россия. XX век. Документы).
2. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Т.2: 1957–1967 / Отв. ред. В.В.Наумкин. М.: МФД, 2003. 704 с. (Россия. XX век. Документы).
3. Васильев А. Вместе с народом // Журнал Московской Патриархии. 1957. №3. С.41–42.
4. Васильев А. Поругание надежды // Журнал Московской Патриархии. 1956. №11. С.53–55.
5. Васильев А. Против нарушителей мира // Журнал Московской Патриархии. 1957. №1. С.36–38.
6. Елковский В., прот. День ангела святейшего патриарха Алексия в Иерусалиме // Журнал Московской патриархии. 1949. №4. С.5–6.
7. Заявление о положении на Ближнем Востоке // Журнал Московской Патриархии. 1973. №11. С.51.
8. Из рождественских поздравлений, поступивших на имя Митрополита Николая // Журнал Московской Патриархии. 1957. №1. С.13–14.
9. К избранию Иерусалимского Патриарха // Журнал Московской Патриархии. 1957. №1. С.14–15.

10. Новогоднее послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия // Журнал Московской патриархии. 1956. №12. С.3–4.
11. Обращение Патриарха Московского и всея Руси и Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1956. №11. С.3.
12. Пимен (Хмелевский), архим. По святым местам Палестины // Журнал Московской Патриархии. 1957. №3. С.17–26.
13. Помощь Русской Православной Церкви христианам Египта, пострадавшим в результате агрессии // Журнал Московской Патриархии. 1957. №3. С.4–5.
14. Рождественские поздравления, полученные Святейшим Патриархом // Журнал Московской Патриархии. 1957. №1. С.4–12.
15. Румянцева В.П. Суэцкий кризис 1956 г. в документах: учебно-методическое пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 82 с.
16. СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. Документы и материалы / Ред. коллегия: В.Я.Сиполс [и др.]; М-во иностр. дел СССР. М.: Госполитиздат, 1961. 855 с.
17. Чолаков Л. Великая моральная победа мира // Журнал Московской Патриархии. 1957. №2. С.27–28.

Ничто так не взрослит, как
предательство.

Б. Н. Стругацкий

Кто хочет разбогатеть
в течение дня, будет
повешен в течение года.

Леонардо да Винчи

Александр Асташов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА РУССКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (1914–1917 гг.)

ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

УДК

94:061.3(47+57)"1914/1918"

В статье на основании архивных материалов анализируются единичные и массовые нарушения в имущественных отношениях в ходе фронтовой повседневности, классификация их от мелких до крупных форм, единичных и массовых экономических преступлений, отношении к ним со стороны военного и гражданского командования, массы населения. В работе отмечается постоянное нарастание экономических преступлений к концу войны, тенденция к увеличению суммы убытков, роста групповых махинаций. В статье подчеркиваются такие факторы наличия и увеличения экономических преступлений как отсутствие должного контроля, надежной правовой базы, столкновение интересов военной администрации и агентов обеспечения тыла, которые воспринимались как враждебные. Главная причиной этому служат серьезные противоречия между требованиями войны нового типа и реальностью повседневной войны.

The article is devoted to a rare topic – economic crimes on the Russian front during the First World War. In the center of the study are single and mass violations in property relations in the provision of the army. The author comes to the conclusion about the constant growth of economic crimes, the tendency to increase the amount of losses, the growth of group frauds. The article emphasizes such factors of economic crimes as lack of proper control, lack of reliable legal basis, clash of interests of military, civil administration and free market agents, impossibility to refuse to involve ethnic groups hostile to the army in the supply business. It is concluded that there are serious contradictions between the requirements of a new type of war and the reality of everyday warfare.

Ключевые слова: тотальная война; фронтовая повседневность; вещевое и продовольственное снабжение армии; экономические преступления; военно-полевой контроль; этнокриминалистика.

Key words: total war; frontline everyday life; food supply; economic crimes; ethnocriminalistics; military field control

E-mail: astashsh@yandex.ru

Введение

Первая мировая войны 1914–1917 гг. потребовала массовой мобилизации армии и населения. Это исключало любые проявления негативного отношения, тем более прямой вред для армии. Изучение феномена уклонения населения от мобилизации в сфере экономики является важной задачей истории мировых войн. Экономические преступления в годы войны имеют давнюю историю. Во время мировых войн им способствовал их масштабный характер, обостривший социальные и уголовно-правовые негативные явления особенно на театре военных действий, где скопилась масса преступного элемента уже в силу всеобщей мобилизации. Даже законопослушные элементы общества испытывали соблазн совершения преступления, получая в свое распоряжение ресурсы, информацию о важных действиях властей. С другой стороны, нарушались обычные рамки отношений, функции и границы дозволенного. В такого рода преступлениях опасным был вред для армии, государства, общества, угроза подрыва обороноспособности.

Экономические преступления во время войн широко изучаются на Западе [65]. Под ними понимаются необоснованная финансовая прибыль, военная нажива на поставках в армию, и в целом любой вред обороноспособности страны вследствие экономической деятельности. В отечественной историографии вопрос о значении экономических преступлений в Первой мировой войне рассматривается однобоко: или как элемент «эксплуатации» со стороны «буржуазии», пользовавшейся военным временем для наживы или прямой борьбы за власть [15, с. 10, 26, 35–38, 61, 63, 65; 17, с. 119–140; 63], или как подрывные действия политизированных общественных организаций, или в контексте борьбы за власть политических группировок накануне революции, или как общее господство на фронте «воровства и грабежей» [16; 1, с. 154, 157–159]. В новейших работах отечественных исследователей отмечается, что злоупотребления в деле снабжения армии имели место лишь в начале войны, но через несколько месяцев прекратились (в централизованных поставках) [4; 3; 23; 24]. Собственно вопрос экономических преступлений поднимается всего в нескольких статьях на материале некоторых районов или отдельных операций театра военных действий [5; 10]. Взаимосвязь между политическими событиями конца 1916 г., в которых были замешаны крупные банковские дельцы, и экономическими преступлениями на театре военных действий не прослеживается.

В нашей статье ставится задача выявить основные виды экономических преступлений на театре военных действий, проанализировать их воздействие на отношение армии к населению, участвовавшем в такого рода деятельности, проследить зависимость экономических преступлений как проявление политической событийности от их основы в виде фронтовой повседневности. Важным представляется и анализ борьбы властей с экономическими преступлениями, особенно в ходе нараставшего социально-политического кризиса в предфевральской России.

Работа написана на материалах Российского государственного военно-исторического архива. Это переписка полевого контроля со штабами Верховного главнокомандующего, командующих фронтами и армиями и главных начальников снабжений фронтов, канцелярий губернаторов, должностных лиц, ответственных за снабжение армии, а также мемуаристов и свидетелей экономической жизни театра военных действий.

Экономические преступления как проявление фронтовой повседневности

Войны России второй половины XIX – начала XX вв. по мере возрастания объемов войск и снабжений включали в себя использование аппарата частных, что создавало почву для экономических преступлений [2; 60].

В самой теории снабжения войны, «военного хозяйства», предусматривалось широкое привлечение «местных средств» с помощью посредников, поставщиков, подрядчиков, комиссионеров и иных агентов. Во время войны заготовление предметов продовольствия войск приобрело большой размах, а посредники даже получили официальное название: «поставщики интендантства». Эксплуатация армией местных средств и роль в них частного фактора являлись важнейшим условием превращения экономических преступлений в фронтовую повседневность [19, с. 17, 35–41, 53–67, 202–204, 220–221, 227, 238–239, 282, 513, 515, 516; 13, с. 39–41; 6; 12].

Уже в самом начале войны появилось множество сообщений о мошенничестве на театре военных действий. Резко возросли преступления, связанные с контрабандой товаров, имевших важное значение для обороны страны. Впрочем, контрабанда существовала на западных рубежах страны еще и до войны. Современники рассказывали, что в пограничных с Галицией городах, на вокзалах царила «воровская атмосфера». В различных местах появились аферисты, передевавшиеся в военную и непривоенную гражданскую форму, выдавая себя за военных чиновников или нижних чинов, что облегчало им мошеннические операции.

Особенно такие махинации имели место в тылу, на этапных участках, где не хватало грамотных чиновников, писарей. Новый размах мошенничества пришелся на начало 1915 г., когда бои затихли, а хозяйственная деятельность возобновилась, коснувшись развитого хозяйственного района Западного края. Многочисленные транспортные, железнодорожные, жандармские, контрольные и другие органы фиксировали неправомерную торговлю, провоз в качестве военных грузов продовольственных товаров, топлива, сахара и иных товаров с последующей их спекулятивной продажей в обход правил по доставке товаров оборонного значения. Большой масштаб приобрела на фронте мелкая спекуляция. Жители (поляки, русские и др.) накупили булки, папиросы и продавали их русским солдатам прямо в окопах. Другие жители перепродавали купленное у солдат имущество. Активной формой спекуляции на театре военных действий, особенно в прифронтовых городах, была продажа спиртного, собственно – самогонки, «ханжи», что граничило с серьезным нарушением – подрывом обороноспособности армии. Виноделы продажу спиртного устраивали прямо в собственных домах, порою вблизи расположения воинских частей. В таких домах заводили целые притоны, где скапливались дезертиры, перекупщики краденого, проститутки и т. п. Хотя власти обвиняли чаще всего в этом евреев, но преступным промыслом занимались и русские [31, л. 14–14 об., 19–23, 25–26, 35, 48, 56–58; 32, л. 28–28 об.; 34, л. 228–229; 38, л. 82–85 об.; 48, л. 371 об. 394; 53, л. 165–165 об., 167; 49, л. 19; 57, л. 166 об.; 56, л. 93; 9, л. 34; 12, с. 252; 21, с. 48]. В целом подобного рода мелкие экономические преступления способствовали моральному упадку в армии, особенно в 1915–1916 гг.

Некоторые виды мошенничества, в которые было замешано начальство полевых частей, приобретали довольно крупный характер. Так, отдельные этапные (Тарнопольского этапа) коменданты при отступлении не сдавали оставшееся имущество ни на склады, ни проходящим частям, т. е. припрятавали товар до возможности его продажи. Странным образом оказалась неизвестной и судьба имущества, захваченного на интендантских складах у противника. Оно было перепродано одной из частей, а при начале дознания лица, замешанные в этом, оправдывались, замечая следы, что они якобы бесплатно передали теплые вещи в другие воинские части [50, л. 505–505 об., 518, 521, 526–526 об.].

Мошенническая деятельность могла иметь успех только при поддержке гражданского населения. Так, выяснилось, что местные жители активно скупали дефицитное сырье (медь, медные изделия, части машин, целые краны и т. п.) у солдат с возможной последующей перепродажей.

Имела место широкая, до 2/3, распродажа солдатами из запасных частей имущества, скупка жителями казенных теплых вещей, палаток. Особенно часто скупалось имущество беженцев, а также земли ссылавшихся немцев-колонистов. В результате военное начальство наложило арест на любые действия с продажей земли немцев-колонистов фактически до конца войны [38, л.240–241 об.; 55, л.65; 31, л.72–72 об., 77–77 об., 90–91; 33, л.166; 41, л.479; 42, л.62].

Однако наиболее массовые экономические преступления, в которые были втянуты сотни тысяч граждан, связаны с подделкой квитанций на получение денег за реквизированный скот. В этих махинациях были замешаны как помещики, так и простые крестьяне. Так, помещики заблаговременно составляли соответствующим образом документированные описи посевов, ресурсов и т. п., а при прохождении отступающих воинских частей продавали их им, получая деньги или квитанции. Но затем они по этим же описям пытались получить деньги в казначействах как за уничтоженные посевы и имущество [50, л.252–253].

Но самое большое количество поддельных документов (квитанций) было предъявлено в глубоком тылу беженцами-крестьянами, требовавшими выплаты денег за реквизированный скот, сожженный урожай и погибшее имущество. Нельзя сказать, что все квитанции были поддельными. Часто они были оформлены не по форме, поскольку были получены в условиях отступления и отсутствия на месте необходимой администрации, которая и должна была заверить правильность записанного иму-

Беженцы на улицах Петрограда

щества. Фактом, однако, оказался отказ казначействами во внутренней России выдавать по такого рода квитанциям деньги за реквизированный скот и погибшее имущество. Казначейства внутренней России утверждали, что такие неправомерные и необоснованные (т.е. документально не подтвержденные) выплаты создают угрозу стабильности финансовой системе страны, поскольку речь шла о выплате многих сотен млн рублей. Правда, казна соглашалась выплатить 25% сумм по предъявленным квитанциям, оставляя окончательный расчет по квитанциям на время возвращения администрации на свои места после проверки на месте данных о реквизированном и уничтоженном войсками имуществе, т.е. после победы. В реальности решение о невыплате средств по квитанциям привело к коллапсу системы возмещения беженцам за утраченное имущество, их массовое обеднение, усиление социальной напряженности внутри России [37, л.339–341 об., 444–452; 50, л.98–98 об.; 61, с.36–37].

Умышленные экономические преступления

В отличие от экономических преступлений, вызывавшихся самой фронтовой повседневностью и которые нарушители считали незначительными, «простительными», существовали виды злоупотреблений, носившие умышленный характер. Некоторые из них касались махинаций в деле снабжения госпиталей товарами первой необходимости, в частности, дровами. Суть махинации заключалась в перевозе дров для госпиталя в качестве военных внеочередных грузов, включая и дрова для своих надобностей (дело Шейтельбаума). Этот вид махинации стал распространяться все шире на театре военных действий, особенно в Польше (Привислинских губерниях) [53, л.347–349].

Аппетиты некоторых дельцов, использовавших пунктом назначения госпитали для продвижения собственных товаров, возрастали в течение 1914–1915 гг. Так, полевые контролеры Северо-Западного фронта доносили, что до станций Варшава-Ковельская и Варшава-Брестская с апреля 1914 до апреля 1915 г. было отправлено на имя госпиталей (а реально – дельцов) тысячи пудов соли, хлористой извести, льняного масла. Эти перевозки осуществлялась при содействии заведующих хозяйственной части учреждений. А в первой половине 1915 г. по доверенностям госпиталей вне очереди, как военные грузы, перевозились десятками вагонов дрова, битая и живая птица. Особенно часто использовался для спекулятивных поставок варшавский Уяздовский госпиталь. В некоторых случаях речь шла о многотысячных оборотах, сотнях вагонов. Таково дело

Нахмана Шараха и Абрама Кадаша. Только за январь – первую неделю февраля 1915 г. они наладили прибытие в Варшаву в качестве военных грузов около 900 вагонов продовольствия, из которых непосредственно в госпитали было поставлено всего 5–6%. Провозили по госпитальным разрешениям товары совсем даже не первой очереди – например, парфюмерию. При этом дельцы все шире пользовались поддельными квитанциями, прямым подкупом госпитальных служащих, даже станционных жандармов [53, л.28–28 об., 42, 60, 136–137 об., 141, 146, 159–160, 227–228, 282 об., 231–232, 234–235, 238, 284, 316–316 об.].

Кроме государственных и общественных организаций, служивших прикрытием для мошеннических операций с провозом товаров для продажи по спекулятивным ценам, использовались муниципальные учреждения. Особенностью масштабной операции провоза соли через Варшавский магистрат было групповое участие в ней ряда варшавских (И. Эпштейн, Ю. Фрейбаум, Я. Шол, Л. Майзнер, И. Швайбаум, И. Новиков) и кишиневских (У. Ясский, Я. Розенфельд.) дельцов, а также крупных фирм и предприятий из Славянска («Триплекс»), торгового дома «А.В.Роттермунд» в г. Москве. Поражает деятельность Мавши-Арона Махлиса, который, имея заказ на 14400 вагонов дров от общества промышленников Царства Польского, провозил вагонами собственные грузы. Были и случаи частного провоза вне очереди под видом необходимости доставки грузов в воинские части (И. Пыч, Рабинович) даже без самой платы за провоз [53, л.49 об., 174–175, 177 об., 180–182 об., 185, 255–260, 285–289 об., 307, 333].

Особенностью спекуляции железнодорожных грузов было часто отсутствие конкретного товара при совершении операций. Их заменили накладные, игравшие роль ценных бумаг, для чего была налажена фактически их нелегальная биржа в Варшаве. Дельцы различных городов совершали сделки с накладными, закладывали их в банки, перепродавали и т. п. Все это еще более усиливало спекуляцию и крайне осложняло работу следствия по конкретным эпизодам преступлений [53, л. 183–198]. Ряд махинаций был связан с непосредственным обеспечением войск русской армии. Так, с зимы 1914 г. стала актуальным и прибыльным делом перепродажа дров. Для этого предприимчивые купцы (А. Чарноброта в Седлеце) стали скупать требования на привезенный товар, хранившийся на железнодорожной станции, у младшего унтер-офицерского состава, а затем перепродавали этот товар с существенной прибылью сначала для солдатских бань, а затем и для Варшавского магистрата. Уже в этом деле выяснилась солидарность представителей махинаций

разных национальностей и состояний: евреев, поляков, солдат и офицеров русской армии. Характерна и круговая порука замешанных в деле: во время дознания все они поручились за исполнительность, честность и т. п. друг друга [53, л. 1–9, 13–21].

Имел место при поставках в армию прямой обман при изготовлении предметов снабжения армии. Типичным случаем является дело Я. Френкеля в г. Седлеце. При сдаче военным приемщикам заказанных сапог (3659 пар) в 32% обманщик использовал специально заготовленную маломерную линейку. Некоторые махинации при поставках скота и мяса для армии состояли в том, что вместе с действительно запрошенными для частей (обслуживались корпуса, дивизии, полки, включая гвардейские) грузами часть из них купцы-мясоторговцы (Рейф и Цинович) поставляли для себя как грузы экстренные, без начисления провозной платы и военного налога. И в этом случае такие провозы осуществлялись по удостоверениям и экстренным отзывам, выданным незаконно офицерами воинских частей [53, л. 95, 100–100 об., 122, 272–273 об.].

Этническая составляющая экономических преступлений

Некоторые виды экономических преступлений обусловлены особенностями социальной жизни, статуса, занятий этнических групп в Западном крае.

Покушением на преступление была попытка взимания необоснованных выплат польским землевладельцам за утраченные в ходе войны посевы. В предъявленных счетах за урожай подесятинные расценки были выше цены за аналогичные урожаи в Южной Баварии. Фактически казну принуждали переплатить польским землевладельцам десятки миллионов (свыше 23 млн рублей). Правда, в решениях ликвидационных комиссий была учтена повышенная урожайность земель в Польше, однако выполнение сомнительных требований алчных землевладельцев было отсрочено военными до окончания войны [40, л. 85–85 об., 90–122].

Другая попытка неправомерного возмещения убытков группы польских магнатов была предпринята в 1916 г., когда через посредство великого князя Бориса Владимировича царю было подано прошение землевладельцев польских и Холмской губерний графов А. Замойского, С. и П. Гурских, князей М. Радзивилла, Э. Курнатовского и В. Собанского о возмещении им части стоимости убытков, понесенных в ходе военных действий, в сумме 6,6 млн руб. При этом граф Замойский соглашался вместо выплаты убытков получить беспроцентную ссуду в размере 3 млн рублей. Смысл этой акции состоял в том, что землевладельцы тре-

бовали выплатить им указанную сумму вне очереди и даже без предъявления необходимых документальных доказательств. Обоснование претензий магнатов состояло, по их утверждению, в «несомненности и значительности их потерь, бесспорности и известности всему польскому и русскому обществу», а сомнения в добросовестности исчисления убытков представлялись неприемлемыми, «так как ясно, что лица эти неизмеримо выше всяких подозрений» [39, л.46]. Магнаты считали резолюцию царя на прошении («желательно рассмотреть») достаточной для исполнения своей просьбы. Однако военное командование полагало иначе. Главком армиями Западного фронта А.Е.Эверт категорически выступил против такой поблажки для магнатов, указывая на возможное недовольство других, 300 тыс. польских землевладельцев, также понесших убытки, но не пользовавшихся привилегиями. По решению начальника штаба главкомверха М.В.Алексеева все исчисления убытков было приказано тщательно проверить, а выплата в счет убытков допускалась только в размере 25%, с чем государь был вынужден согласиться [39, л.39–43, 46–50].

Но в большинстве экономических преступлений фигурировали или, по крайней мере, в них обвинялись евреи. Такое большое представительство евреев объясняется, однако, их, евреев, долей в занятиях в посреднической деятельности. Евреи занимали ведущее положение в торговле на Западных окраинах России [7, с.23]. Множество евреев состояли войсковыми поставщиками. Из Галиции не только не изгоняли евреев, а наоборот, ограждали их от необоснованной высылки [33, л.1]. К тому же в экономических преступлениях участвовали и представители других групп населения: поляки, латыши, русские и др.

Военные не считали, что евреи вообще ведут «вредную деятельность». Так верховное командование отрицало наветы Департамента полиции на евреев в их работе в Союзах земств и городов, где наличие евреев хотя и было велико, но это не снижало эффективной в целом деятельности союзов на дело обороны. Однако собственно экономическую деятельность евреев военные власти ограничивали, чтобы не допускать развития мошенничества. Так, власти категорически отказались утвердить биржу в Гомеле – «центре еврейства». Связано это было, однако, с особенной, часто антисемитской позицией Ставки. Когда появились сведения о «злоупотреблениях» евреев, главкомверх Николай Николаевич 19 февраля 1915 г. потребовал принять против них «самые энергичные и решительные меры, не исключая повешение и телесные наказания». Этот вопрос был поставлен под непосредственный контроль

главверха, требовавшего сообщать о случаях смертной казни евреев через повешение. На 20 марта 1915 г. таких случаев оказалось всего 80. Но, какая часть из них подверглась этой мере по обвинению в мошенничестве, неизвестно. Главными причинами такого отношения к евреям были, однако, опасения их пассивной шпионской деятельности (по самому роду их занятий – торговлей, посредничеством) в связи с их осведомленностью об оборонительных работах, вообще размещении войск и их учреждений на театре военных действий [33, л.20, 163–164, 210–212, 217; 34, л.111–113; 52, л.14].

Евреи беседуют у входа в лавку. Красилов, около 1916 года

Как бы то ни было, впоследствии реальные наказания в отношении евреев, обвинявшихся во вреде армии путем мошенничества, были куда слабее. Объяснялось это тем, что военным крайне сложно было контролировать, даже зафиксировать случаи обмана, мошенничества, предательства, шпионажа (тем более «пассивного»), со стороны местных жителей. Евреи чаще фигурировали в «злоупотреблениях» не из-за какой-то «нелюбви» к России, к русской армии, а из-за привычки извлекать выгоду из любых обстоятельств, чему война давала крупный шанс. Казалось бы, проведение следственных мероприятий, наказания должны были бы покончить с такой практикой. Но это означало бы не только открыть дела на фронте против поставщиков продовольствия для спекулятивных сделок, но и расследовать действия различных во-

енно-хозяйственных инстанций самой армии, без посредничества которых такие спекуляции вряд ли были возможны. На это начальство в условиях войны не могло пойти. В этой ситуации командование принимало решение просто высылать в Сибирь замешанных в спекуляции лиц, «как вредный элемент, способствующий всяким мошенническим проделкам». Уже в марте 1915 г. Н.А. Данилов, начальник снабжений Северо-Западного фронта, писал Н.Н. Янушкевичу: «Принимая во внимание, что не все случаи мошенничества, направленного во вред армии по обстоятельствам дела, могут караться столь сурово, как указано Главнокомандующим, просит ускорить разрешение высылать евреев за черту оседлости в одну из местностей Сибири». Янушкевич с этим согласился «при условии, что высылка не будет носить массового характера». Реально высылали сначала в Енисейскую, хотя иногда и просто с театра военных действий с правом выбора места жительства вне губерний, стоявших на военном положении [33, л. 23, 28, 29, 60; 52, л. 15, 17, 18; 53, л. 21, 203]. В ряде случаев высылка означала, в сущности, уход от судебного разбирательства, на чем настаивал полевой контроль. Так, например, несмотря на резолюцию М.В. Алексеева в отношении некоего Рейфа («расследовать без послаблений»), этого как раз нельзя было сделать, так как виновный был выслан в Полтаву на весь срок нахождения местности на военном положении [52, л. 108 об. –109; 53, л. 29, 46–47, 60, 61, 272, 279]. При этом фактически власти смешивали проявления мошенничества с действиями евреев против армии («шпионаж»), что являлось частью политики массового выселения евреев с театра военных действий, что запутывало расследование злоупотреблений. С мая было решено применять высылку заподозренных в мошенничестве в Томскую губернию по требованию МВД [52, л. 108 об. –109; 54, л. 47]. Количество высылаемых евреев-мошенников составляло сотни человек. Так, из Галиции из всего количества высланных 778 чел. в Томскую губ. к 1.7.1915 г. было выселено 127 чел. [25, с. 31].

Экономические преступления как проявление коррупции в русской армии

Вопрос о нежелании военных властей вести следственные действия против обвинявшихся в мошенничестве требует пояснения. Главной

причиной было то, что практически всегда эти действия сопровождалось участием самих военных: от рядовых до штаб-офицеров. В канцеляриях начальников снабжений фронтов оправдывали такие случаи «неосмотрительностью», ограничиваясь в отношении виновных выговорами.

Но и далее те же лица (например, полковник Шумский в афере через Уздовский госпиталь) были замечены в подкупе госпитальной администрации со стороны дельцов. В этом случае начальство ограничилось требованием «произвести расследование» по сношению с Главным полевым контролером. Результаты этого расследования обнаружить не удалось, так как и сами материалы Главного полевого контроля в РГВИА практически не сохранились [53, л.94, 158].

Иногда причастность русской армии ограничивалась участием в мошенничестве каптенармусов еврейского происхождения. Так, зафиксировано, хотя и не было доказано, осведомление через армейские инстанции в Седлеце о готовящемся розыске дельцов Гольдшмидта и Тененбаума, что позволило им вовремя скрыться. Большой эффект в армии на самом высоком уровне вызвала деятельность подрядчика 172-го пехотного Лидского полка А.Полячека. Офицеры и нижние чины полка через него переправляли, и частично сбывали, добытое незаконным путем в Восточной Пруссии имущество, включая использованное нижнее белье... [35, л. 12–14; 53, л. 4, 141–141 об.].

Примером злоупотреблений в деле поставок продовольствия для армии и причастности к этому армейского руководства является дело О.Юдзика, официального поставщика продовольствия для 61-го пехотного Владимирского полка. Его обвиняли в незаконной реквизиции скота у населения в Восточной Пруссии «для русской армии». Участие полкового и дивизионного начальства в афере подтверждается самим фактом использования Юдзиком полкового гурта и погонщиков для переправки 300 голов скота из Восточной Пруссии, а также активной защитой перед вышестоящим начальством всех действий Юдзика, неуклонным желанием восстановить его «доброе имя». Когда в ноябре 1914 г. штабом Двинского округа было принято решение о высылке Юдзика в Сибирь, полковое начальство сначала попросило о задержке высылки Юдзика, а потом сообщило о его исчезновении. После этого в поиски Юдзика включились штабы 16-й пехотной дивизии, 6-го армейского корпуса, 2-й и 11-й армий, Северного и Западного фронтов, Двинского и Одесского военных округов, канцелярии Ломжинского, Гродненского и Иркутского губернаторов, а с февраля 1916 г. и Департамента МВД, объявившие Юдзика в общеимперский розыск [29, л. 198–198 об., 217, 218, 219, 221, 223, 224, 228, 230 об., 242]. В целом некоторым командирам и чиновникам было выгодно возводить вину за махинации именно на евреев.

Правительственные агенты снабжения, кроме пособничества мошенникам, аферистам, и сами принимали участие в злоупотреблени-

ях на транспорте при поставках кож, хлеба, в работе артиллерийского ведомства в качестве подрядчиков, порою на «законных основаниях». Так, им было дано право в виде определенного процента с массы грузов перевозить по военным дорогам свои собственные, личные товары [18, с.233, 325, 378–379, 579; 20, с.259, 272].

Борьба с экономическими преступлениями и ее результаты

Причастность военной бюрократии к злоупотреблениям на театре военных действий определила и формы борьбы с экономическими преступ-

лениями. Чтобы не поднимать чреватые разоблачениями (для военных) дела в отношении евреев, их просто как заподозренных в мошенничестве высылали с театра военных действий (наряду с заподозренными в шпионстве). Само обвинение трактовалось в этом случае как «действие, направленные во вред войскам» [33, л.96.; 35, л.144–145]. Но борьба с мошенниками-евреями проходила сложно. Хотя высылка проходила быстро, в течение всего нескольких дней с установления факта злоупотребления, но и до и после высылки обвиняемых в мошенничестве приходили в Ставку, в штабы фронтов и военных округов прошения о приостановке наказания. Кроме родственников, среди поручителей были видные деятели местного, а иногда и всероссийского масштаба, представители народного хозяйства, администрации. Так, за дельцов Чарноброду и Кадаша поручился магистр г. Седлеца; просители из МВД напоминали, что Кадаш являлся поставщиком продовольствия (кроме госпиталей) нескольких пехотных полков, включая гвардейские; за Эпштейна поручились варшавские купцы [53, л.24, 49 об., 54–54 об., 60 об., 115, 187] и т. д.

Сами прошения за обвиняемых были составлены весьма грамотно, в них указывались деловые и нравственные качества высылаемых: «держался в делах чинно и благородно», «все дела вел честно и благородно», «человек честный и солидный» (ручательство Международного банка); подчеркивался их патриотизм («защитник Матушки-руси»), политическая верность самодержавию («предосудительно не был замешан»), общая болезненность (страдает хроническим катаром легких, или просто «от нездоровья», «слабое здоровье»), бедствие оставленных многодетных семей (тяжело больная жена, мать троих/десяти детей, вообще их бедственное положение («сами мы люди неимущие»)... Эти жалобы и заявления уличенных в мошенничестве переносятся некоторыми исследователями на все случаи страданий евреев в годы войны.

Немаловажным аргументом в защиту мошенников являлись и «подарки» различным учреждениям в счет признания «ошибок» в ходе махинаций и т. п. Прошения жен некоторых обвиняемых в мошенничестве напоминают развернутую речь адвокатов, удивляют глубоким знанием дела своих мужей. Сказалась практика штадланута – профессиональной защиты в еврейских кругах своих соплеменников перед лицом закона и властей [48, л. 371–371 об.; 51, л. 49 об., 54–54 об., 57–58, 127–127 об., 131–131 об., 141–141 об., 180, 191, 218, 264; 8, с. 96, 158, 234, 208, 280, 342, 345, 387; 14, с. 87, 91–92, 94].

Несмотря на многочисленные ручательства, жалобы, многие из фигурантов мошеннических акций еще до ареста, или после высылки, или даже после получения сведений о прекращении дела подавались в бега. Так, Гольдшмидт и Тененбаум скрылись «неизвестно куда» еще до получения седлецким полицмейстером распоряжения об их высылке, т. е. получив сведения от своих доброжелателей. Их розыск был объявлен во всем Привислинском крае и происходил в тот момент, когда в адрес военных властей продолжали поступать прошения освободить «невиновных и обманутых».

Спекулянт

Подался в бега и Н. Вилейчик, компаньон по махинации Ковнера, сумевший освободиться под залог чрезвычайно крупной суммы в 10 тыс. руб. Вплоть до конца войны не прекращались жалобы, просьбы о возвращении высланных. В некоторых случаях этого удавалось добиться. Так, был возвращен на прежнее место жительства Френкель. В сентябре 1916 г. был освобожден от дальнейшей ссылки (т. е. получил право жить на месте по собственному избранию) А. Кадыш. Купцу У. Ясскому в октябре 1916 г. было даже разрешено вернуться в Кишинев. В декабре 1916 г. был освобожден от высылки Н. Шарах. Однако ему не удалось воспользоваться этой поблажкой, так как он еще в декабре 1915 г. сбежал с места высылки [53, л. 144–145, 399–339 об., 414, 421, 425].

Экономические преступления в контексте социально-экономического и социально-политического кризиса 1916 г.

Вопрос борьбы с экономическими преступлениями в 1915–1916 г. оказался тесно связанным с противостоянием между военными и гра-

жданскими властями. Впервые противоречия между ними обнаружили весной 1915 г. в вопросе о реквизиции скота в Прибалтике. Гражданские власти (губернаторы, чиновники Двинского военного округа и центральных ведомств, особенно Главного управления землеустройства и земледелия, далее: ГУЗИЗ) требовали исключить из реквизиции определенные группы скота (племенного, особо ценного и т. п.) богатых скотовладельцев, как правило, немцев, за счет рядовых жителей – эстонцев и латышей. В конечном счете Ставка удовлетворила просьбы, что привело к большим потерям продовольствия для русской армии [30, л. 301–302, 306, 317–317 об., 320, 321, 323; 27, л. 45, 57 об. – 58, 136, 205, 228; 29, л. 10, 11, 32, 34, 89–89 об., 119–120 об., 159; 52, л. 14].

Однако уже летом 1915 г. в ходе «Великого отступления», несмотря на новые проволочки, хитрости скотовладельцев, вмешательство ГУЗИЗ, военные власти провели реквизицию по своим планам, т. е. с максимальным изъятием скота, лошадей, фуража у помещиков и крупных скотовладельцев. Не случайно министры так резко выступали против форм реквизиции и вообще эвакуации, виновником которых они называли «средостение Рузского» (командующего 6-й армией), обвиняя его окружение в диктате на театре военных действий с помощью начальника штаба Ставки Н. Н. Янушкевича и начальника снабжений армии Северо-Западного фронта Н. А. Данилова [28, л. 135, 141, 150–154; 61, с. 74; 59, с. 174, 181, 192, 196, 199, 204, 221].

С этого времени отношения между гражданскими и военными властями только ухудшались. Военные все чаще приглядывались к действиям «внутренних мародеров», главным образом евреев, которых и раньше считали агентами разведки противника. Их же считали активными дельцами-спекулянтами, подрывавшими экономическую, а значит и политическую безопасность страны [54, л. 18 об. – 19; 60, с. 15–21]. Зимой 1915–1916 гг. антиеврейские взгляды контрразведки были дополнены развернутыми убеждениями антигерманского и антибуржуазного толка и обвинениями в целом гражданских властей в потворстве спекулянтам и недостатке патриотизма. Так, в записке заместителя генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта полковника А. А. Самойло, распространявшейся по штабам Северного фронта, положение в Петрограде характеризовалось в «мрачных красках». Именно здесь, по мнению пол-

ковника, собрались силы, препятствовавшие организации победы над «извечным врагом» – Германией. Эти силы выступали за скорейшее окончание войны во чтобы то ни стало. Причины этого Самойло видел в деятельности групп, связанных с торговлей, которую война прервала. Петроградская торговая буржуазия и этнически состояла из «интернациональных торговцев», терпевших громадные потери в барышах. Эти круги распространяли пораженческие настроения, подрывали «веру в мощь армии». Большую роль в этом торгово-промышленном мире играли евреи – главные посредники в торговых сношениях, которые вели активную борьбу за прекращение войны, а в качестве коммерсантов, дельцов, спекулянтов вели разлагающую деятельность, постоянно взвинчивая цены, искусственно создавая всевозможные «голоды». Но самым важным и наиболее влиятельным фактором, стремившимся к скорейшему прекращению войны, являлась, по мнению Самойло, «петроградская бюрократия», опасавшаяся волны патриотизма, исходящей от «общественного элемента», требовавшего контроля над ней для «лучшего будущего» России. «Антибуржуазные» взгляды были распространены и в руководстве Северного фронта. Так, генерал Н.С. Батюшин уверял ген. Пустовойтенко, а тот в свою очередь М.В. Алексева, что все неудачи армии зависят от банков, банкиров и промышленников [57, л.166; 58, с. 172; 22, с.40].

В ожидании хлеба

Зимой 1915 г. военным властям представился случай нанести удар по гнезду мошеннических акций. По полученным в штабах Северного фронта и Петроградского военного округа сообщениям, подпольные хлебные маклеры нажили большие деньги путем спекуляций. Особенное возмущение вызвали действия мародеров-мукомолов по прекращению подвоза уже закупленных товаров (манки) в связи с объявлением на эти грузы нормированных цен. В ответ на разразившийся хлебный кризис в столице в конце декабря 1915 г. прошли масштабные обыски лиц, состоявших членами Калашниковской хлебной биржи и являвшихся крупными хлеботорговцами. Первоначально начальство Петроградского военного округа намеревалось всех задержанных отпустить, посчитав меры по их задержанию и следственные действия достаточным наказанием. Однако в контрразведке Северного фронта этому делу был придан характер крупной экономической диверсии, грозившей хлебным бунтом в столице. В штабе фронта были возмущены «полной бесцеремонностью в повышении цен со стороны спекулянтов», в основном евреев [44, л. 19об., 70; 26].

В результате давления фронтового начальства арестованные были переведены из петроградского дома предварительного заключения в Псковскую губернскую тюрьму, находившуюся в ведении штаба Северного фронта, а фактически контрразведки. Главная цель такой акции, по словам начальника контрразведки Батюшина – «сокращение appetитов, не в меру разыгравшихся у значительного числа торговцев, ни с чем не считающихся». По мнению некоторых адвокатов, контрразведка в ходе следствия применяла недозволенные методы, возводя на задержанных необоснованные обвинения, используя провокационные методы допроса, добычи сведений и т. п. Однако здесь возникли препятствия для совершения правосудия. Военные требовали осудить спекулянтов по ст. 108 Уголовного Уложения («государственная измена»). Но это оказалось невозможным с точки зрения существовавшего закона, по букве которого, хотя действия задержанных по существу являлись враждебными России, однако, согласно 48 ст. того же Уложения, наличие прямого умысла не была установлена. Тогда военные попытались применить к ним ст. 913 Уложения о наказаниях за стачку (делку) торговцев для возвышения цен на предметы продуктов. Однако и здесь оказалось невозможным доказать на следствии и суде наличие стачки и соглашения как сознательных действий ряда лиц. Кроме того, из дел было очевидно, что такого соглашения вообще не было. В итоге обвиняемым было зачтено в наказание 2–4 месячное пребывание в тюрьме, которое арестанты,

привыкшие к весьма комфортным условиям жизни, переносили очень тяжело. В итоге некоторые из задержанных еще до ареста, или во время его, или после высылки подавались в бег, вешались (две попытки, включая одну со смертельным исходом), сходили с ума (двое), калялись в содеянном и просились в действующую армию... В конечном счете все обвиняемые были освобождены, но на основании 19 ст. Положения о местностях на военном положении высланы из Петрограда [43, л. 4–7, 13–14 об., 74; 45, л. 5–5 об., 35; 53, л. 141–141 об., 144–145, 267, 270, 339 об., 425; 63, с. 394–395].

Продуктовые карточки и очереди за ними в Петрограде и Москве 1916 г.

Фактическая неудача операции в отношении петроградских спекулянтов требует пояснения. Между фронтовым и окружным начальством было очевидное разногласие в самом подходе к задержанным и содеянному ими. В глазах дознавателей из контрразведки (Ф. И. Верисоцкий, С. Н. Батюшин) захваченные спекулянты относились к категории крупных хищников, беззастенчиво пользовавшихся трудной продовольственной ситуацией в столице и многократно увеличивавших свой капитал за счет спекуляции, тем самым причинив крупный вред армии и населению. Сказывалась определенная «левизна» взглядов руководителей штаба Северного фронта, не принимавших самих законов вольного рынка. В штабе же Петроградского округа господствовали более умеренные

взгляды на роль свободного рынка во время войны, изложенные в записке известного деятеля Всероссийского союза городов В. Д. Кузьмина-Караваева, адвоката в процессе над калашниковцами. Кузьмин-Караваев полагал, что главная забота – решить проблему продовольствия Петрограда. Но решить эту проблему невозможно, просто устраняя частную торговлю, как, в сущности, предлагали в штабе фронта. Это равнозначно готовить голодный бунт. В этой ситуации невозможно и даже вредно ограничивать частную инициативу. Но и допускать безудержную спекуляцию нельзя, что тоже приведет к бунтам. Поэтому надо просто использовать то, что на языке уголовного права именуется «экономией карательных мер». Смысл этих мер заключался в том, чтобы пресечь чрезмерную спекуляцию без подрыва частной инициативы, произвести «известное угрожающее действие». Сам арест калашниковцев произвел такое «охлаждающее действие на дельцов, что является совершенно достаточным, после чего задержанных надо отпустить» [43, л. 61, 70 об.; 44, л. 27–29, 32, 70; 46., л. 39; 47, л. 88 об.].

Казалось бы, неудача в операции по «примерному наказанию» спекулянтов-калашниковцев должна была привести к переходу к системным мерам против экономических преступлений, начиная с введения регулирующих мероприятий в духе того же Союза городов. Но в штабе Северного фронта продолжали господствовать представления о способности контрразведчиков одним ударом покончить (или существенно ограничить) с деятелями экономических преступлений, подвергнув наказанию наиболее важных фигурантов злоупотреблений. Это отвечало сложившейся практике военных при высылке главных организаторов злоупотреблений на театр военных действий вместо кропотливой работы по разрушению всей сети экономических преступлений. В результате неудача с наведением порядка в продовольственном снабжении в Петрограде неминуемо приводила к проведению новой операции уже на высшем уровне страны, где, как казалось, и находился сам центр измены и вредительства. Эту операцию в конце 1916 г. возглавил главный деятель борьбы с экономическими преступлениями генерал С. Н. Батюшин. Впервые в дореволюционной России была создана конкретная структура, «комиссия Батюшина», бравшая на себя дело по борьбе с экономическими преступлениями. Целью работы комиссии было нанесение удара по главным воротилам экономических операций (крупный банкир Д. Л. Рубинштейн и др.).

На самом деле, работа комиссии приняла характер политической интриги, мало затронув собственно проблемы обостряющегося социально-

экономического кризиса предреволюционной России. Все арестованные комиссией дельцы, включая Д.Л.Рубинштейна, были отпущены. Мало этого, в ходе работы комиссии ряд ее сотрудников сам замарал себя недостойными поступками (взятки, вымогательства), что привело к прекращению ее работы [63, с.555–567; 62, с.15–21]. Таким образом, как и при наказаниях дельцов на театре военных действий, начальство, опасаясь раскрытия роли собственного военного руководства в экономических преступлениях, ограничивалось просто высылкой их с театра военных действий. Так и при попытке расследования злоупотреблений крупных банков быстро обнаружилась их связь с политическими фигурами, разоблачение которых в условиях самодержавия оказалось невозможным.

«Хвост» на улицах Петрограда в 1917 году

Выводы

Анализ представленного материала показал большой размах экономических преступлений на русском театре военных действий в годы Первой мировой войны, выявил противоречивость сосуществования двух начал войны нового типа: регулирования и свободного рынка. Война обнажила недостатки системы снабжения армии с помощью группы лиц (еврей), которым власти не доверяли и в то же время не могли без них обойтись. Большой вред обороне наносили скрытые махинации, являв-

шиеся частью повседневности войны: спекуляция, массовая фабрикация документов на имущество. Несостоятельность ведения войны «за деньги» усугублялась отсутствием надежного контроля, действенной правовой базы, столкновением интересов военной, гражданской администрации и агентов вольного рынка. Такое сочетание противоречивых факторов вело к большим потерям ресурсов, страданиям миллионов граждан, ущербу для дела обороны, угрозе потери государственности. В этой ситуации спорадические, бессистемные попытки военных деятелей бороться с экономическими преступлениями путем обезвреживания отдельных преступников, даже самого высокого уровня, были обречены на неудачу.

Библиографический список

1. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. М.: «Три квадрата», 2003. 254 с.
2. Аранович А.В. Анализ деятельности интендантства в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. // Военная история России и XIX–XX вв. Материалы IV Международной военно-исторической конференции. СПб.: СПГУТД, 2011. С.28–60.
3. Аранович А.В. Интендантство Русской армии накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... к.и.н. СПб., 2000. 245 с.
4. Аранович А.В. Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы первой мировой войны. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. 143 с.
5. Беркутов К.С. Торговые преступления в практике делового мира в годы Первой мировой войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №1. С.5–12.
6. Бреславец В.Н. Снабжение армии и населения мясом. 1914–1918 год. М.: Товарный отдел Московского народного банка, 1918. 84 с.
7. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: РОССПЭН, 2005. 547 с.
8. Гольдин Семен. Русская армия и евреи. 1914–1917. М.: Мосты культуры, 2013. 448 с.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.215. Оп.1. Д.699. С подлинными постановлениями Варшавского генерал-губернатора о наложении административных взысканий.
10. Долидович О.М. Коррупционные схемы при поставках продовольствия в армию в период Первой мировой войны: на примере Енисейской губернии // Научный диалог. 2018. №3. С.149–161.

11. Долидович О.М. Спекуляция в Канском уезде Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. №3 (35). С.38–43.
12. Евлогий; Георгиевский Василий Семенович (1868–1946); митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, излож. по его рассказам Т.Манухиной. Париж: YMCA-press, Сор.1947. 677 с.
13. Интендантский журнал. 1915. №3. С.39–41.
14. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. №9. С.85–97.
15. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: «Наука», 1985. 384 с.
16. Куликов С.В. Финансовые аспекты деятельности российских благотворительных организаций военного времени (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Благотворительность в истории России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С.369–397.
17. Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. 335 с.
18. Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Минск: Харвест, 2003. 672 с.
19. Макшеев Ф.А. Военное хозяйство. Курс интендантской академии. Часть третья. Снабжения в военное время. Пг., 1915. 628 с.
20. Никольский Е.А. Записки о прошлом. М.: Русский путь, 2007. 286 с.
21. Опель В.А. Дневники хирурга первой мировой войны. СПб.: ВМедА, 2001. 336 с.
22. Орлов В.Г. Двойной агент. Записки рус. контрразведчика: М.: Современник, 1998. 349 с.
23. Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917). Дисс. д.и.н. М., 2018. 667 с.
24. Оськин М.В. Хлеб для фронта: продовольственное и фуражное снабжение русской армии в период Первой мировой войны и революции (июль 1914 – октябрь 1917). Тула: Аквариус, 2018. 594 с.
25. Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1-е июля 1915 года. Киев, 1916. 49 с.
26. Петроградская газета. 1915 г. №356. Воскресный выпуск. 27.12.1915.
27. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф.1932. Оп.2. Д.245. Сведения о реквизиции скота и фуража у населения.
28. РГВИА. Ф.1932. Оп.2. Д.250. Переписка о вывозе скота из эвакуируемых местностей.
29. РГВИА. Ф.1932. Оп.2. Д.262. Переписка о лицах, заподозренных в шпионаже.
30. РГВИА. Ф.1932. Оп.12. Д.81. Переписка о реквизиции, убытках.

31. РГВИА. Ф.1932. Оп.15. Д.122. О тайной продаже оружия, притонах солдат и покупке оружия и др. вещей у нижних чинов.
32. РГВИА. Ф.1932. Оп.15. Д.152. О розыске дезертиров и других лиц, подозреваемых в шпионаже.
33. РГВИА. Ф.2003. Оп.1. Д.1869. Об ограничении въезда евреев в Галицию, о выселении евреев из Западных приграничных губерний на театре войны.
34. РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1067. Переписка об усилении наказаний в военное время на театре военных действий.
35. РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.1068. Переписка штаба главковерха с дежурным генералом Ставки.
36. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.28. Переписка о выселении немцев-колонистов.
37. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.34. Об образовании комиссии для обследования, оценки и возмещения убытков, причиненных военными действиями
38. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.38. Дело о расчетах за имущество.
39. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.45. О возмещении убытков.
40. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.48. О порядке расчетов и вознаграждении населения за убытки.
41. РГВИА. Ф.2031. Оп.2. Д.553. О бродяжничестве.
42. РГВИА. Ф.2031. Оп.2. Д.555. О бродящих нижних чинах, беспорядках учиняемых воинскими частями.
43. РГВИА. Ф.2031. Оп.4. Д.710. О спекулянтах Калашниковской биржи.
44. РГВИА. Ф.2031. Оп.4. Д.711. О спекулянте Калашниковской биржи Финкельштейне Иделе.
45. РГВИА. Ф.2031. Оп.4. Д.725. О спекулянте Калашниковской биржи Мееровиче Ниссоне.
46. РГВИА. Ф.2031. Оп.4. Д.734. О спекулянте Калашниковской биржи Гриднеев Федоре.
47. РГВИА. Ф.2032. Оп.1. Д.247. Об оказании помощи беженцам, снабжении продуктами Петрограда.
48. РГВИА. Ф.2032. Оп.1. Д.281. О выселении немцев-колонистов.
49. РГВИА. Ф.2049. Оп.1. Д.382. О мерах к поддержанию порядка, борьбе с мародерством, бродяжничеством.
50. РГВИА. Ф.2049. Оп.1. Д.399. Общие распоряжения о реквизиции при отходе войск.
51. РГВИА. Ф.2049. Оп.1. Д.428. Об удалении населения.
52. РГВИА. Ф.2049. Оп.1. Д.455. Общие распоряжения о высылке евреев. 24.1. – 19.10.15.
53. РГВИА. Ф.2049. Оп.1. Д.456. Общие распоряжения о высылке евреев.

54. РГВИА. Ф.2067. Оп.1. Д.3931. Инструкция начальникам контрразведывательных отделений.
55. РГВИА. Ф.2068. Оп.1. Д.301. Дознания и переписка по делам о грабеже, мародерстве, торговле спиртом.
56. РГВИА. Ф.2070. Оп.1. Д.1035. Переписка и дознания о драках солдат.
57. РГВИА. Ф.2106. Оп.8. Д.42. Обзоры и доклады о распространении революционного движения.
58. Самойло А.А. Две жизни. М.: Воениздат, 1958. 274 с.
59. Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н.Яхонтова (Записи заседаний и переписка). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 560 с.
60. Тонкий Н.В. Организация и функционирование тылового обеспечения русской армии в начале XX века: 1900–1917 гг. Дисс. к.и.н. Воронеж, 2012. 256 с.
61. Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета Министров 16 июля – 2 Сентября 1915 года). Составлено А.Н.Яхонтовым // Архив русской революции. Берлин, 1926. Том XVIII. С.52–99.
62. У истоков русской контрразведки: сборник документов и материалов (сост: Васильев И.И., Зданович А.А.). Москва: ИКС–Хистори: Кучково поле, 2007. 496 с.
63. Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: Изд-во инст. Гайдара, 2020. 648 с.
64. Brandes S.D. (1997), Warhogs: A History of War Profits in America. The University Press of Kentucky, 1997. 371 p.

Перевод – это автопортрет переводчика.

К. И. Чуковский

Запад есть Запад, Восток
есть Восток, и с места они
не сойдут...

Р. Киплинг

Переводы как женщины: если верны, то некрасивы, а если красивы, то неверны.

Мориц Готлиб Сафир

Журналистика – искусство объяснять другим то, чего сам не понимаешь.

А. Хамсворт

**Олег Буранок,
Александр Буранок**

**ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
СЕРВАНТЕСА НА РУССКИЙ
ЯЗЫК – НИКАНОР
ИВАНОВИЧ ОЗНОБИШИН
И ЕГО РОДОСЛОВНАЯ**

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕВОД

РОССИЯ В МИРЕ

УДК
929.52

Обнаруженная О.М.Буранком рукопись Н.И.Ознобишина «Корнелия» – первый из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык. В статье анализируется перевод, а также на основе архивных материалов изучается биография Никанора Ивановича Ознобишина (около 1726/1727 – 1788), подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка, русского переводчика, писателя и общественного деятеля XVIII века, деда поэта Дмитрия Ознобишина, реконструируется генеалогия ветви рода Ознобишиных, ведущая к Никанору Ивановичу Ознобишину.

The manuscript of N.I.Oznobishin, discovered by O.M.Burank, is the first of Cervante translations into Russian known to date. The article analyzes this translation, and also on the basis of archival materials, the biography of Nikanor Ivanovich Oznobishin (about 1726/1727 –1788), a lieutenant of the Life Guards of the Preobrazhensky Regiment, a Russian translator, writer and public figure of the XVIII century, the grandfather of the poet Dmitry Oznobishin, is studied, the genealogy of the branch of the Oznobishin family leading to Nikanor Ivanovich Oznobishin is reconstructed.

Ключевые слова: Иван Михайлович Ознобишин; Никанор Иванович Ознобишин; генеалогия рода Ознобишиных.

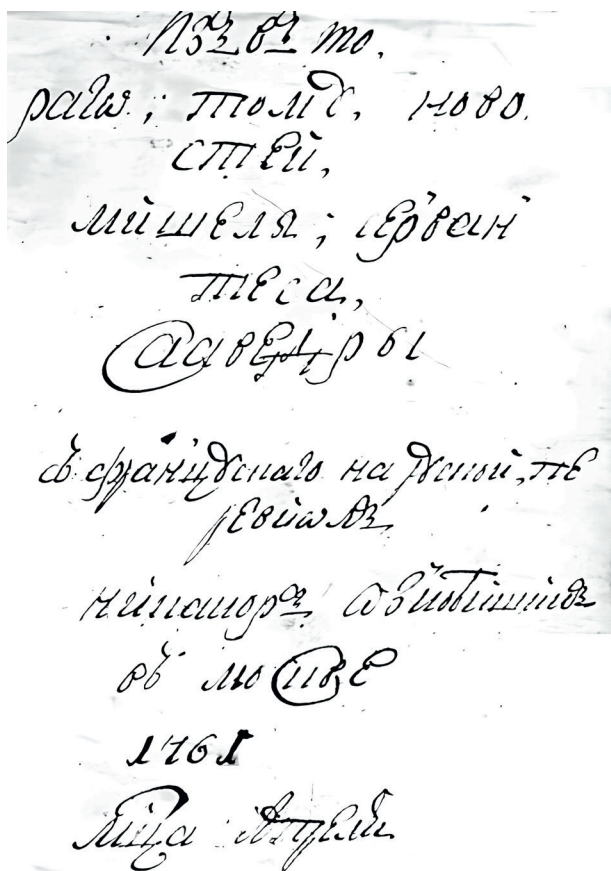
Key words: Ivan Mikhailovich Oznobishin; Nikanor Ivanovich Oznobishin; genealogy of the Oznobishin family.

E-mail: olegburanok@yandex.ru; buranok@yandex.ru

**Переводы Сервантеса
на русский язык**

Обнаруженная нами рукопись
Н.И.Ознобишина «Корнелия» [1;
впервые опубликовано нами: 8,
с. 163–211] – наиболее ранний (1761),

первый из известных на сегодняшний день переводов Сервантеса на русский язык. «Сеньора Корнелия» Сервантеса в XVIII в. на русском языке не печаталась, только с 1805 г. – в переводе Ф.Кабрита – она вошла в российское читательское сознание.

Титульный лист рукописи из второго тому новостей Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русской перевиол Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля

О рукописном переводе Н.И.Ознобишина ни библиографы, ни литературоведы, изучавшие жизнь и творчество Сервантеса, не знают [11; 28; 3, с.265–274; 16, с.387–388; 7; ср.: 6, с.107–130; 2, с.49, 63–71; 4, с.285–295]. А.Д.Умикян, исследовавшая ранние русские переводы Сервантеса, сообщала как о первом русском переводе одной из «Назидательных новелл» – “Las dos doncellas” («Две любовницы») – в 1763 г. [26, с.214–219]. Однако, считает сама исследовательница, сведения о первых русских переводах Сервантеса неполны и неточны. Этот первый печатный перевод Сервантеса на русский язык («Две любовницы») не описан ни у В.С.Сопикова, ни у А.Ф.Смирдина, ни у В.В.Сиповского. «Сводный каталог русских книг XVIII века. 1725–1800» под №6446 дает описание «Двух любовниц» [10, с.111].

Из «Назидательных новелл» в XVIII в. перевели и напечатали «Силу родства» (перевод с французского П.И.Фонвизина, младшего брата Д.И.Фонвизина. – М., 1764); в 1794 г. в Санкт-Петербурге издали эту же новеллу под названием «Леокадия», в этом же году в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» напечатан перевод с французского Павла Львова, причем, перевод, изданный в Париже в 1787 г., сделан с переделки Флориана. Только в 1769 г. в Санкт-Петербурге в двух томах вышла «История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте» (перевод-переделка с французского), отдельным изданием в 1781 опять в Петербурге вышла новелла «Ревнивый естрамадурец» [17, с.204].

Ю.Д.Левин также считает «Двух любовниц» первым переводом Сервантеса на русский язык: «Впрочем, первым произведением Сервантеса, появившимся в русском переводе, был не роман его, а одна из "Назидательных новелл", изданная в 1783 (опечатка; надо читать: в 1763 г. – *О.Б.*) при Московском университете под заглавием "Две любовницы" (оригинал – “Les dos doncellas”), – трогательное повествование о злоключениях двух юных красавиц, влюбленных в одного юношу, завершающееся, однако, счастливым финалом. Перевод, как и следовало ожидать, был сделан с французского, но в подзаголовке указывался первоисточник: "Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кишота". Такой подзаголовок свидетельствует об уверенности переводчика и издателя книги в том, что роман Сервантеса был уже известен русским читателям хотя бы своим заголовком» [17, с.202].

Переводили Сервантеса не с оригиналов, а большей частью с французского или немецкого переводов: в XVIII веке известны шесть отдельных переводов «Назидательных новелл». Печатались переведенные

новеллы в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», а также отдельными изданиями [26, с. 214–219; ср.: 25].

К. С. Корконосенко пишет, что «в России XVIII века представление об испанской литературе и, шире, об испанской культуре только начинало формироваться... Случаи появления в русской печати испанских слов и фраз настолько редки, что заслуживают специального напоминания; случаи прямого перевода с испанского вообще единичны» [13, с. 117]. Исследователь считает значимым перевод такого важного памятника испанской литературы, как одна из «Назидательных новелл» Сервантеса: в 1795 году отдельным изданием вышла книга «Прекрасная цыганка. Испанская повесть сочинения г. Сервантеса, автора Дон Кишота» (Смоленск: В типографии Приказа общественного призрения) [13, с. 118]. «Прекрасную цыганку» исследователь считает первым русским переводом новеллы Сервантеса, вторым – перевод Ф. Кабрита, текст которого точно соответствует французскому. Его можно назвать переложением, «поэтому вариант Кабрита намного дальше отстоит от подлинника» [13, с. 118]. Все это излагается со сносками на П. Алексеева и А. Д. Умикян.

Сверив смоленское издание с испанским оригиналом 1613 года, К. С. Корконосенко пришел к выводу, «что перевод в целом действительно сделан с испанского языка, однако в некоторых случаях переводчик пользовался и французским переводом-посредником» [13, с. 118]. Это была вполне допустимая практика в переводческой культуре того времени. Исследователь подробно анализирует в публикации достоинства и недостатки перевода «Прекрасной цыганки», говорит о большой сложности для перевода «Назидательных новелл» (при этом ссылается на такого знатока искусства перевода, как А. В. Федоров [27]).

Исследователи высоко оценивают художественные достоинства «Назидательных новелл», считая их «несомненно, самым значительным из произведений Сервантеса (кроме "Дон-Кихота")», «восполнением» к роману; в них отразилась культура Ренессанса. Сервантес критичен в отражении эпохи современной ему Испании, при этом контраст – любимый его прием, помогающий ему подчеркнуть не только богатство содержания, но и художественную выразительность [7, с. 4–9].

Начало 60-х гг. XVIII в. ознаменовалось интересом русской публики к великому испанцу, прежде всего как к автору «Дон Кишота», о чем не преминули указать последователи Н. И. Ознобишина, более счастливые, нежели он (в том смысле, что их труды увенчались успехом – публикацией их переводов), однако Никанор Иванович еще раньше угадал

тенденцию читательского спроса, что свидетельствует о его развитом эстетическом вкусе.

Почему из всего многообразия новелл Сервантеса Ознобишина-переводчика привлекла именно «Корнелия»? Скорее всего, молодого гвардейского офицера подкупили внутренняя красота героев, простодушный, наивный тон повествования, энтузиазм любви, преданность, великодушные. Фабулой произведения управляет господин случай, а тип сказки, по верному наблюдению Н. Я. Берковского, определил сюжет новеллы, поэтому в ней оптимистичная развязка [7, с. 12, 20–21].

Французский перевод новеллы Сервантеса, с которого Н. И. Ознобишин перевел «Корнелию», нам установить не удалось. Это при том, что переводы с французского занимают ведущее место среди переводной русской литературы обозначенного периода, в том числе, по замечанию Ю. Д. Левина, «произведения английской литературы и некоторых иных (итальянской, испанской, португальской) в большинстве случаев переводились на русский язык через посредство французских переводов» [17, с. 155].

Трудно судить, например, о роли перевода Н. И. Ознобишиным анонимного романа «Нешастной француз, или Жизнь кавалера Беликурта, писанная им самим» (М., 1764): у себя на родине сколько-нибудь заметного следа это произведение не оставило. Прав Ю. Д. Левин, что «литературные однодневки возникают постоянно в каждой литературе», они вызывали кратковременный интерес, а «среди русских переводчиков этого времени было немало людей случайных, чье обращение к тому или иному иноязычному произведению могло быть вызвано какими-либо побочными обстоятельствами» [17, с. 155].

Другое дело – перевод «Корнелии» из «Назидательных новелл» Сервантеса. Нравоучительные, назидательные мотивы новелл, представляющие собою повествование из жизни испанских дворян, их обслуги, крестьян, изображающие их интимно-семейные отношения, привлекали внимание сначала французских переводчиков, а затем и русских.

В центре многих повестей – различные перипетии любовных отношений, причем любовь в духе идей эпохи Возрождения воспевается автором «Дон-Кихота» как чувство большое, значимое для человека любого социального слоя.

Недаром почти параллельно с французским и уж точно синхронно с русским переводом новелл Сервантеса во Франции появились «Нравоучительные сказки» Мармонтеля (1761, 1763), тотчас переведенные на русский язык П. И. Фонвизиним и напечатанные в московском жур-

нале М.М.Хераскова «Свободные часы» в 1763 г. (отдельным изданием вышли в 1764 г. в Москве) [17, с. 169].

Нельзя исключить возможность непосредственного или опосредованного знакомства и общения среди московского просвещенного дворянства, в околотитулярных кругах Н.И.Ознобишина с П.И.Фонвизиним, М.М.Херасковым и другими. Поэтому-то он в духе времени и в соответствии со своими увлечениями, о которых сам заявил в предисловии к одному из переводов, обращается к «Корнелии» Сервантеса. Полезность, добродетельность, нравоучительность – основные побудительные мотивы русских переводчиков XVIII века, что отразилось в самих названиях переводов: «Страдание молодой Емилии, или К наставлению чувствительных и добродетельных душ» (М., 1785), «Зеркало девиц, или Удивительное похождение Женетти, крестьянской дочери, добродетелию и постоянством славы и знатного достоинства достигнувшей» (СПб., 1783), «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» (М., 1862), «Аристовны добродетели, или Жизнь добродетельного мужа» (СПб., 1779), «Ножка Франшеттина, или Сирота французская, полезная и нравоучительная повесть...» (СПб., 1774), «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» (1769), «Способ быть добродетельным, или Достопамятны похождения кавалера Кальнара...» (СПб., 1776), «Повесть о Евгение, или Торжество добродетели над честолюбием» (в журнале «Модное ежемесячное издание», 1779, часть 1), «Оман, или Гонимая добродетель» (СПб., 1775), «Благодеяние Морфея, любовно-героическая повесть» (М., 1784) и другие.

Мода на авантюрно-любовный роман во второй половине XVIII века породила десятки переводов, известных и анонимных. Каждый из переводчиков осуществлял свой труд в меру своего знания иностранного языка, образования, способностей, своих установок (если таковые вообще имелись).

Обычное дело в переводческой культуре тех лет – пропуски в переводе по сравнению с оригиналом, упрощения, фактические ошибки, стилистические погрешности и т. д.

Повесть-посредник на французском языке определяла и характер перевода, и его структуру, и стилистику. Стараясь вписать в историко-литературный и культурный контекст Европы русскую литературу, переводчики этого периода не только заботились об общественной полезности переводимых ими книг, но и о соединении полезного с приятным, оттого их волновали такие эстетические и этические категории,

как «чувствительность», «нежный слог», «изящество», «вкусное нравоучение», «совершенство».

Перевод становится для них не ремеслом, а искусством, «требующим не меньшего таланта, чем собственное литературное творчество» [14, с.226]. А.А.Барсов, Д.И.Фонвизин, И.П.Елагин, Ф.В.Каржавин, В.А.Левшин, И.Г.Рахманинов, П.И.Богданович, М.И.Веревкин, А.А.Нартов, П.С.Потемкин, Д.С.Болтин, А.И.Тургенев и многие другие во главе с Н.М.Карамзиным создают русскую переводческую школу, которая сделала их труды «неотъемлемой частью отечественной словесности и языковой культуры» [14, с.228].

**Сравнение переводов
Ознобишина, Ф.Кабрита
и Б.Кржевского**

Перевод Н.И.Ознобишиным «Сеньоры Корнелии» Мигеля Сервантеса, несомненно, органично вписывается в литературный контекст эпохи

и отвечает переводческим задачам и потребностям читающей публики середины XVIII в.

Сопоставительный анализ рукописного (Н.Ознобишина) и двух напечатанных переводов «Корнелии» (Ф.Кабрита и Б.Кржевского) наглядно показывает эволюцию переводческой культуры в России, отношение переводчиков к художественному тексту, историческим реалиям, стилю [См.: 1; 20, с.1–93; 22 с.185–237].

Переводы Н.Ознобишина и Ф.Кабрита – это перевод с перевода: их сближает, прежде всего, французский первоисточник, который задал тон переводам, определил их стилевую манеру и фабульную близость. Имя и фамилия автора вызвали различение у переводчиков: Ознобишин переводит имя на французский манер – «Мишель Сервантес Сааведра», Кабрит русифицирует – «Михайла Сервантес». Только в XX веке повесть «Сеньора Корнелия» была переведена с испанского оригинала Б.А.Кржевским, автор назван его испанским именем – Мигель де Сервантес Сааведра.

Аналогично дело обстоит и с именами собственными во всех трех рассматриваемых нами переводах «Корнелии»: Н.Ознобишин 1761), Ф.Кабрит (1805), Б.Кржевский (1934), Антоний Изунца Антонио Изунко-Антонио де Исунса, Жуан Камбоа, Жуан Гамбоа, Хуан де Гамбоа, в Франдрию, в Фландию, во Фландрию, Корнелия Бентиволио, Корнелия Бенволио, Корнелия Бентивольо, Лауренто Бонтиволио, Лаврентий Бентиволий, Лоренцо Бентивольо, Болония (и Балония), Анвер – Антверпен в Нидерландии – во Фландрии.

Как видно, расхождения подчас значительные и связаны они, на наш взгляд, не только с тем, что переводчики работают с различными первоисточниками, но и с тем, что знания по истории страны у переводчиков отличались, общая художественная культура была иной и, наконец, может быть, главное – два первые перевода отстоят друг от друга на 44 года, а последний перевод был сделан в 1934 г., т.е. через 173 года после первого.

Перевод Н.И.Ознобишина почти не имеет абзацев, отличается крайней неупорядоченностью в орфографии и пунктуации, прямая речь графически не выделяется и не отделяется от прочего текста; текст идет без членения на предложения.

Этот перевод, сделанный в 1761 г., максимально близок к переводческой культуре Петровской эпохи. Переводчик использует русизмы и в этой повести: «свивал[ь]ник», «червонцы», «деревня», «мужичка»; непонятный ему предмет, обозначенный словом «агнус», заменяет на «перстень», поскольку это слово использовано в контексте, где оно может значить только одно – какая-то драгоценность.

Н.И.Ознобишин и в сокращениях текста, и заменах каких-то деталей идет за французским переводом, как и Ф.Кабрит. Ф.Кабрит значительно в большей степени членит текст на абзацы, предложения, выделяет прямую речь (но в соответствии с правилами эпохи: внутри текстовых абзацев), соблюдает орфографию и пунктуацию в соответствии с требованиями начала XIX века. Б.Кржевский владеет иной техникой перевода, соответствующей нормам и правилам XX в.

Сравним [Страницы указываются в тексте по следующим источникам: 1; 20, с. 1–93; 22 с. 185–237]: Н.Ознобишин (1761), Ф.Кабрит (1805), Б.Кржевский (1934).

То приехавши в Анвер писали к ним письма (л.2).

Они разсудили по приезде своем в армию к ним писать (с. 1).

В Антверпене они получили письма от родителей (с. 185).

Я не должен придавать позорищу.

Я не должен подвергать безславию.

Это может навлечь беду на тех, кто отдал.

Б.Кржевский в примечаниях объясняет, что значит «агнус»: «Агнус (латинск. agnus – ягненок) – католический талисман, имевший форму ягненка. Он изготовливался из пасхальных свечей и освящался папой. Ему приписывалось свойство охранять от бури, пожара, молнии, злых духов и т.д. Женщины привилегированных классов обычно отделявали

этот талисман драгоценной оправой и носили на груди как украшение» [16, с.387].

мать сего птенца, который ради неразумия моего мне поверен (л.7).
мать этого дитяти, врученного мне по моей неосторожности (с.7).

ребенка (с.188). Н.Ознобишин (1761) Ф.Кабрит (1805) Б.Кржевский (1934).

Какое прекрасное дитя, вскричала госпожа, цалуя и прижимая его нежно к себе (л.20–21).

Ах! как он любезен! Сказала госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях (с.24).

Она взяла младенца на руки, внимательно осмотрела его лицо... прижав его к себе (с.198).

Оне, как тот так и другой, равно мне милы (л.39).

Оба они мне любезны (с.48).

– Я чересчур сильно люблю герцога и своего брата (с.210).

Жизнь этого князя и вашего брата равно мне дороги (л.39).

Жизнь сего принца, и жизнь вашего брата равно для меня драгоценны (с.49).

– Здоровье и спокойствие герцога и вашего брата я буду охранять, как зеницу ока (с.211).

Вот та мужичка на которой я женитца хочу (л.73).

Вот та девушка, на которой я намерен женитца (с.92).

– Следует ли вам разрешить мне жениться на крестьянке (с.235).

Сравнивая эти переводы, нельзя, пожалуй, говорить о такой категории, как совершенство или несовершенство: каждый из них отражает литературную культуру, в том числе и переводческую, своей эпохи: классицистическую, сентименталистскую и реалистическую соответственно.

Основные принципы перевода прозы, определившиеся в середине XVIII века, оставались неизменными и в начале XIX в. Правда, «Сеньора Корнелия» в переводе Федора Кабрита близка к сентиментальной повести. Избежать этой зависимости переводчик вряд ли мог. Более того, он усилил мотив юности героев, их ветрености.

Так, в переводе 1805 г. смягчен родительский гнев по отношению к заблудшим чадам, т.е. Антонию и Жуану. Хотя родители и узнали обо всем, но письма их «были исполнены родительскою нежностью» (с.1).

Дон Антонио и дон Жуан «любимы и почитаемы», «молоды и пригожи», «хорошо воспитаны, щедры, вежливы» (с.3); брат Корнелии, по Ф.Кабриту, Лаврентий (имя русифицировано) – «одаренный превосходнейшими качествами» молодой дворянин (с.4); «Болония» – один

из «достойнейших городов в Италии» (с.2); дон Жуан – «великодушный кавалер» (с.11). «Ах! велите мне его подать, сказала незнакомка. Ах! как он любезен! сказала Госпожа, целуя и с нежностью прижимая в своих объятиях» (с.24). «Любивший вас никогда не может перестать любить», – воскликнул дон Жуан (с.49). Замечательна в этом смысле одна из последних в повести сентенций: «Вот та девица, на которой я намерен жениться, сказал герцог, и я надеюсь, любезный мой Бентиволио, что вы, увидя ее, не воспрепятствуете моим желаниям, и позволите мне в брачном союзе с нею сделаться щастливейшим из смертных!» (с.92). Хотя более точный перевод – не «девица», а именно «мужичка», как у Н.И.Ознобишина, или чуть мягче – «крестьянка», как у Б.А.Кржевского, т.к. смысл шутки, придуманной герцогом, заключается именно в том, что он объявляет о намерении жениться на простой крестьянке.

Сентиментализация перевода Ф.Кабрита очевидна: его стиль не только сродни стилю «Бедной Лизы», «Натальи, боярской дочери», но он определен поэтикой сентиментализма, благо, сюжетно-фабульная основа «Корнелии» так подходила и во многом совпадала с любовно-психологической сентиментальной повестью.

Его перевод удачно вливался в общий историко-литературный и культурный контекст эпохи, которая действительно все еще характеризовалась превалированием переводных произведений над оригинальными, именно к ним был «преимущественный интерес читателя», однако это не является «одним из существенных признаков "периферийности" прозы», – как полагает В.Н.Топоров [24, с.41]. Нельзя согласиться с исследователем, что общий «прозаический» контекст конца XVIII – начала XIX вв. был скуден и беден (так считает В.Н.Топоров вслед за П.Вайлем и А.Генисом [24, с.39]). Напротив, «Бедная Лиза» появилась не на пустом месте, Карамзин не «в одиночку распоряжался будущим русской прозы» («распоряжался» – как это не по-карамзински!), и статус русской прозы к концу XVIII века был достаточно высок, а «Бедная Лиза» не оазис в литературной пустыне. Карамзин-прозаик и смог-то родиться благодаря мощному прозаическому течению второй половины XVIII века, благодаря быстрой эволюции повести и романа – и не только в переводе, но и в оригиналах, о чем (особенно в последние десятилетия) писали многие литературоведы: Б.М.Эйхенбаум, Ю.М.Лотман, Ф.З.Канунова, Г.П.Макогоненко, Н.Д.Кочеткова, Б.А.Успенский, В.И.Федоров и др.

О продолжении Карамзиным традиций русской литературы XVIII века убедительно говорит Н.Д.Кочеткова [15, с.154].

Ю.М.Лотман в своих многочисленных работах, посвященных творчеству Н.М.Карамзина, писал не только о том, что «поиски нового остро проявились именно в прозаических жанрах начала XIX в.», но и о том, что шло усвоение традиций XVIII века: «В области художественной прозы это вело к своеобразному явлению: одновременно с поисками новых идейно-художественных форм построения романа не умирал читательский интерес к прозе Вольтера, Руссо, Рейналя, Радищева, русских сатирических журналов XVIII в., молодого Крылова и многих других писателей общеевропейского антифеодального лагеря. Это необходимо учитывать при любой попытке восстановить картину взаимоотношений читателя и книги в интересующие нас годы. Дело даже не только в том, что произведения русских просветителей XVIII в. широко переиздаются, а зарубежные – широко переводятся. Необходимо учитывать, что проза XVIII в. еще была доступна читателю в первоизданиях», в другом месте ученый вновь настойчиво повторяет: «Мы видим, что традиции XVIII в. очень сильно ощущались в прозе 1800–1810-х гг.» [18, с.349–350, 365]. Думается, что категория «периферийность» применительно к литературной культуре второй половины XVIII – начала XIX вв. не работает (впрочем, так же, как и такие выражения оценочного характера, как «невзыскательное чтение», «второстепенные произведения», «слабость контекста» [24, с.40, 41, 43]). Исходя из своих личных интересов, литературных пристрастий, Ф.Кабрит обратился к новеллам «Михайлы» Сервантеса, причем здесь он вполне следовал духу времени: В.С.Подшивалов, соратник Н.М.Карамзина, считал своим переводческим кредо – «переводить надлежит таких писателей, которые всеми за лучших почитаются» [Цит. по изд.: 14, с.224]. Ф.Кабрит, в отличие от Н.И.Ознобишина, явно рассчитывал на «чувствительного» реципиента: отсюда повышенная эмоциональность его перевода, усиление восклицательных конструкций, возвышенные любовные и дружеские чувства. Страдания Корнелии (считавшей, что ее обманули и покинули), разрываемой между чувственной страстью к герцогу и сестринской любовью к брату Лаврентию вознаграждаются в конце повести свадьбой и обретением счастья. Можно сказать, что тема новеллы – «награжденная добродетель», столь часто варьирувавшаяся в оригинальной и переводной прозе конца XVIII – начала XIX вв.: «Памела, или Награжденная добродетель» Ричардсона, много раз переводимая на русский язык во второй половине XVIII в., породила «Российскую Памелу, или Историю Марии, добродетельной поселянки» П.Ю.Львова [См.: 14, с.260; ср.: 21, с.296–302]. Стремление к естественности и правдивости и вместе с тем увлекатель-

ность интриги, высокое понятие о чести и достоинстве и наряду с этим – экзотика далекой «Гишпании», прекрасной Италии, изображение жизни народов других стран – все это, безусловно, привлекало к себе русских читателей обозначенного периода. В контексте интереса русской читающей публики к творчеству Сервантеса перевод Ф. Кабритом повестей великого испанца был актуален и значим, более того, он был востребован, пользовался значительным читательским спросом.

Перевод Б. А. Кржевского (1934) отразил совершенно иную литературную и переводческую культуру, обогащенную традициями мировой и отечественной литературы. Прежде всего, он осуществлялся на основе языка оригинала – испанского; 61 страницу занимает текст на испанском [30], 52 – на русском языке. Лексически, грамматически и стилистически перевод соответствует требованиям эпохи – 30-м гг. XX в. Убраны излишние архаизмы, нет столь характерных для XVIII–XX вв. инверсий, переводчик вслед за текстом оригинала его тщательно абзацирует, везде графически выделяет прямую речь... Публикация новеллы снабжена примечаниями переводчика, хотя и весьма лапидарными. Как уже выше было сказано (особенно наглядно это видно в таблице, при сопоставительном анализе), перевод Б. А. Кржевского, конечно, более адекватен тексту оригинала, нежели переводы Н. Ознобишина и Ф. Кабрита, поэтому на протяжении многих десятилетий прошлого столетия он вполне удовлетворял читательские запросы любителей Сервантеса, неоднократно переиздавался. Вместе с тем переводы XVIII и начала XIX вв., каждый отразивший свою культуру перевода, в чем-то точнее передают дух оригинала, язык, стиль далекой эпохи Возрождения.

**Содержание перевода
Н. И. Ознобишина повести Мигеля
де Сервантеса «Сеньора Корнелия»**

Обратимся к содержанию переведенной Н. И. Ознобишиным повести М. де Сервантеса «Сеньора Корнелия» (в переводе – «Корнелия»).

В отличие от «Жизни Беликурта», в «Корнелии» нет датировки происходящих событий, но по разбросанным в повести деталям можно приблизительно установить время действия, поскольку один из персонажей повести, Алфонсо Дэсто (так называет его Н. Ознобишин) – реальное лицо [См. примечания Б. Кржевского в изд.: 19, с. 387].

Алфонсо Дэсто – это герцог Феррары Альфонс II де Эсте. Он родился в 1533 г. и умер в 1597 г. Его жена – Лукреция Медичи (1545–1562), но она не может быть прототипом Корнелии, поскольку на Корнелии, как сказано в повести, герцог женился перед самой смертью своей матери,

а герцогиня-мать (Рени де Франс [9]) умерла в 1575 г., герцогу Альфонсо де Эсте в это время было 42 года. В течение 1568–1573 гг. в Нидерландах (в том числе и в провинции Фландрия) осуществлялся террористический режим испанского герцога Альбы, вторгшегося в Нидерланды со своей армией, которая наводила ужас на местное население [12, с.251–252].

Очевидно, что к концу этого периода во Фландрию и «приехали» герои Сервантеса – испанцы Антоний Изунца и Жуан Камбоа, которые вскоре решили возвратиться в «Гишпанию» (Испанию), поскольку «в Нидерландии для них нечего было более делать» (л.3) [Здесь и далее указываются листы рукописи «Корнелии», см.: 1] – из-за возникшей мирной передышки (очевидно, вследствие поражения испанцев и, в связи с этим, отставки Альбы). Было им в это время, как указывает автор повести, одному 24 года, а другому – 26 лет. Перед возвращением в Испанию Антоний и Жуан решили путешествовать, отправились в Италию, перебивали во всех главных городах, и «им несколько время пожить захотелос» (л.3) в Болонье, где они встретились с юной Корнелией (в повести ей не более 20 лет) и герцогом.

Сам Сервантес находился в Италии в течение 1570–1575 гг. [5, с.362]. Все вышесказанное позволяет предположить, что события в повести развиваются именно в это время, скорее всего, в 1573–1575 гг. Герцог Альфонсо Дэсто в повести выглядит более молодым, чем был в это время герцог Альфонс II де Эсте (но при этом эпитет «молодой» по отношению к герцогу не употреблен ни разу, а дон Антоний и дон Жуан неоднократно называются молодыми). Ни о каких реальных фактах из жизни Альфонсо II де Эсте в повести не говорится, равно как нет сведений о том, что описанные события имели место в реальной жизни.

Сервантес берет только имя известного лица, помещая его в вымышленный бытовой контекст, переплетая его судьбу с судьбами вымышленных персонажей (это традиционный путь литературно-исторических сюжетов). Таким же «громким», что называется «на слуху», именем является и фамилия Бентиволио. В этом семействе были кардиналы и правители; в течение полутора веков (XV – первая половина XVI вв.) оно владело Болоньей [См. примечания Б.Кржевского в изд.: 19, с.387], но у Сервантеса об этом речь не идет, в его повести это просто известная, уважаемая в Болонье семья со строгими традициями и нравами.

Используя реальное имя, Сервантес придумывает представителей этого семейства (Корнелия, Лауренто) и их истории, судьбы. Кстати, ранее («Сеньора Корнелия» создана в 1613 г.) эту фамилию использовал современник М.Сервантеса В.Шекспир в своей комедии «Укрощение

строптивной» (1593), среди героев которой есть Винченцио и Люченцио (отец и сын) Бентиволио [29, с.47].

Итак, как мы уже отмечали выше, реальные географические названия (Фландрия, Анвер, Италия, Болонья, Феррара) и реальные имена (Альфонсо де Эсте, Бентиволио) «подтверждают» достоверность описанных в повести событий и «реальность» всех действующих в ней персонажей. На фоне настоящих имен вымышленные персонажи воспринимаются читателем как «настоящие», что вполне соответствовало литературной культуре и эпохи Возрождения, и XVIII в.: интересно и полезно лишь достоверное, существующее на самом деле.

«Назидательные новеллы» М. Сервантеса отличались критическим или идиллическим пафосом; «Сеньора Корнелия» принадлежит ко второму виду, и Н.И. Ознобишин прекрасно сумел этот идиллический пафос передать в своем переводе.

Герои повести Антоний Изунца и Жуан Камбоа – благородны и честны, отзывчивы и добры. Эти свойства личности привлекают к ним других персонажей повести – Корнелию, Лауренто Бентиволио, герцога Алфонсо Дэсто и не только их. «...общество (в Болонье – О. Б.) почитать их начало, ибо... разум их был так остер, что оне, будучи щедры, хорошо воспитаны, богато убраны и ни в чем не притворяя натурального зверства, коим обыкновенно гишпанцов обвиняют, привлекли к себе дружество от всех как италианских, так и чужестранных знатных особ» (л. 3 об.). У Сервантеса (см. перевод Б.Кржевского) суперлативная характеристика молодых испанцев более развернута и подробна (см. с. 186). При этом, по молодости своей, они достаточно легкомысленны и любопытны: так, не подумав о последствиях, дон Жуан берет новорожденного младенца, которого, обознавшись, отдала ему служанка Корнелии. В результате молодые люди оказались замешаны в очень сложную интригу, в запутанные отношения двух благородных семейств и смогли помочь Корнелии Бентиволио соединиться с ее любимым – герцогом Алфонсом Дэсто (Альфонсом де Эсте) – и помирить герцога с Лауренто Бентиволио. Дон Жуан спас жизнь герцогу (не зная, кто он), а дон Антоний приютил сбежавшую из дома Корнелию. В повести активно используется античный прием узнавания по различным деталям. Герцог узнает своего спасителя дон Жуана по своей шляпе, которую отдаст ему после своего сражения с Бентиволио и его слугами; по этой же шляпе «с бралиантовой петлей» Корнелия ошибочно примет дон Жуана за герцога, а дон Жуан вследствие этого узнает, кого он спас во время «шпажного боя». Корнелия по богатому «свивалнику» (пеленке) узнает своего ребенка,

казалось, потерянного ею навсегда, ибо служанка ее отдала его неведомо кому. Герцог узнает, что младенец – его сын, по тем драгоценностям, которые он дарил Корнелии (ими, по совету пастора, – у которого будет скрываться Корнелия, когда тайно покинет квартиру приютивших ее испанцев, – она украсит младенца, коего пастор покажет герцогу).

К античным ретардациям и перипетиям восходят внезапные повороты в развитии сюжета и «обманные» сюжетные ситуации. Так, служанка «гишпанцов» (которой дон Жуан и его друг поручили заботиться о Корнелии, когда сами поехали вместе с Лауренто Бентиволио к герцогу Феррарскому), убедила девушку бежать из их квартиры, потому что это убежище слишком ненадежно и опасно для молодой женщины; кроме того, служанка опасалась, что испанцы вступили в сговор с Лауренто Бентиволио и тот явится, чтобы жестоко наказать свою сестру, нанеся такую урон чести их семейства. Тем временем Бентиволио с испанцами достигли Феррары, встретились с герцогом, дон Жуан сумел все герцогу объяснить, а тот, в свою очередь, объяснить свои намерения Бентиволио. Сулпиция (служанка, которая отдала ребенка мнимому Фабио) узнала дон Жуана и подтвердила, что отдала младенца Корнелии именно этому человеку. Недоразумение было устранено, ссора прекращена и, счастливые, что Корнелия нашлась, герцог и Бентиволио вместе с испанцами поехали в Болонью. Дон Антоний поскакал вперед, чтобы уведомить Корнелию о прибытии герцога и брата и о благополучном разрешении всего недоразумения. «Но успех его был бесполезен: Корнелии в Болонии уже не было» (л. 54). Дон Антоний в отчаянии и от этого непонятного и внезапного исчезновения Корнелии, и от того, что Бентиволио и герцог сочтут теперь испанцев лжецами и интриганам. Прибывшие итальянцы и дон Жуан тоже были в отчаянии и недоумении. Тут происходит ложный поворот к благополучной развязке: слуга сообщает, что в соседней горнице у Сенти Стефана находится «пригожая женщина» по имени Корнелия. Однако радость присутствующих была напрасной: женщина действительно оказалась Корнелией, но не той, которую они искали. Герцог в полном отчаянии уехал из Болоньи в Феррару. «И добрая его фартуна, которая предводителницею ему служила, сделала [так], что он нечаянно приехал в ту деревню, куды служанка гишпанских господ Корнелию увезла» (л. 61). Священника этих мест герцог хорошо знал, поскольку часто там охотился и, соответственно, навещал пастора Фердинанда. Корнелию служанка испанцев привезла именно к этому старому и доброму человеку, поскольку – объяснила она Корнелии – лучше будет, если ее обнаружат у этого святого старца, нежели

у молодых испанцев. Пастор Фердинанд принял живое участие в судьбе Корнелии и взялся ей помочь. Поскольку Корнелия, узнав о приезде герцога, не знала, радости или горя ей ждать, пастор взялся осторожно выведать у герцога о его намерениях. Он велел Корнелии украсить младенца драгоценностями, которые были подарены ей герцогом, и показал его пребывающему в глубокой печали Алфонсу Дэсто. «Герцог удивился, увидев те алмазы, которые ему принадлежали. Изумления ево наиболее удвоилось, когда он в младенце тот точной патрет нашол» (л. 65 об.). И снова неожиданный поворот в развитии сюжета: увидев вслед за тем Корнелию, герцог повел себя не так, как ожидала девушка: «Подал рабионка патеру, побежал назад в самое толко время, как лишь любезная ево во об[ъ]ятия ему кинутца готовилась» (л. 67). А он, оказывается, «для того толко и назад ушол, чтоб послать тот же час Фабию в Болонию» – за испанцами и Бенвиволио (л. 67). И, тут же вернувшись к Корнелии, объяснил свое поведение, успокоил плачущую девушку, объявил о готовности немедленно жениться на ней, несмотря на нежелание его матери видеть Корнелию своей невесткой.

Прибывшие испанцы и Лауренто Бентиволио еще ничего не знали, и герцог, бывший вне себя от радости, решил над ними подшутить: он им объявляет, что, поскольку Корнелия пропала, он женится на «мужичке», да еще уверен при этом, что все присутствующие одобрят этот брак, которого требует от него пастор. «Бентиволио, который не ожидал таких слов, в лице переменялся. Ярость и злоба в глазах ево запылали. Он не знал, за что принялся, и оба гишпанцы в гневе и удивлении ему не уступали» (л. 70 об.). Не чувствуя подвоха, испанцы обещают Бентиволио, что приведут герцога в раскаяние, и тот заплатит «за многую обиду, которую он таперь Корнелии и всем нам досадително зделал» (л. 71 об.). А далее, когда герцог в качестве невесты-«мужички» представил присутствующим Корнелию, «Бентиволио и гишпанцы смеялись над шудкою. И Фердинанд сам того ж дня с великим торжеством свадьбу обвенчал» (л. 72 об.).

Любовный сюжет всегда заканчивается свадьбами. Так и в этой повести автор в заключение объявляет о свадьбах: Корнелия вышла замуж за герцога, Фабио женился на Сулпиции, «гишпанцам» предлагали жениться на герцоговых родственницах, но они предпочли вернуться в Испанию, ибо у них принято жениться в своем отечестве. Однако, отказавшись от женитьбы на итальянках, они не смогли отказаться от богатых подарков, которыми одарили их Корнелия и герцог (л. 73).

Секретные истории сильных мира сего, «разоблачения», некие «правдивые истории», повествование от первого лица или лица некоего исторического деятеля – все это быстро усвоено русскими авторами, переводчиками, читателями. Таким образом, западноевропейское романное мышление через переводы вполне осваивалось на русской почве.

Если рассказчиком в «Жизни Беликурта» являлся сам герой, то в «Истории о Николае Первом» и в «Корнелии» повествование ведется от третьего лица – автора. Но и речь рассказчика, и речь автора-повествователя – не сплошной монолог, в нее включаются и высказывания персонажей, т. е. прямая речь. Во всех трех рассмотренных произведениях (и в опубликованном «Беликурте», и в рукописных «Николае» и «Корнелии») прямая речь графически не выделена, сливается с остальным текстом. Это не является особенностью именно ознобишинского текста, это вообще характерная черта в переводах XVIII века.

Диалоги, прямая речь, не собственно прямая речь и другие виды речи только-только еще осознавались переводчиками, поэтому очень часто оригинальный (особенно рукописный) текст не содержит графического оформления диалогов и прямой речи. Переводчики просто не умели еще этого делать. Давно усвоенные в русской оригинальной литературе риторические приемы (такие, как риторические вопросы, восклицания, обращения, анафоры, повторы, синтаксический параллелизм) сложно «шли» в переводах середины века.

Переводчик, прежде всего, стремился к точному переводу лексики, не особенно заботясь о красотах стиля.

Стилистический рисунок оригинального текста не всегда диктовал стиль перевода: конструкции оригинальной разговорной речи подменялись или книжной фразеологией, или, наоборот, переводчик впадал в другую крайность: разговорная интонация определяла основные речевые краски перевода.

Из всех переводов Н.И. Ознобишина «Корнелия» является наиболее интересным художественным текстом, что, разумеется, обусловлено совершенством повести Сервантеса, которой не повредил даже двойной перевод (с испанского на французский и уже с французского – на русский). Можно только пожалеть, что ознобишинский перевод новеллы Сервантеса так и не был опубликован и остался неизвестным широкому кругу читателей второй половины XVIII в.

Л. А. Софронова считает, что слабые и несовершенные произведения замечательны по-своему: со ссылкой на А.П. Чудакова утверждает, что у авторов второго – третьего ряда «историко-литературный материал

обычно лежит на поверхности», «несмотря на то, что такие произведения не входят в культурный фонд, в них тем не менее... живет "дух эпохи", поэтому они также подлежат историко-культурной интерпретации» [23, с. 13].

На наш взгляд, спорно суждение о культурном фонде: историко-функциональное изучение явлений культуры, в том числе и литературы, убеждает, что нам не дано предугадать, какое произведение в какую эпоху может «выстрелить»; за исключением шедевров, произведения так называемого второго – третьего ряда по-разному «играют» в культурной жизни этноса. Казалось бы, ушедшие в небытие не только произведения, но целые эпохи под влиянием разных факторов – общественно-политических, исторических, культурных и т. д. – могут из тени выйти на авансцену. Тому примеров не счесть. Ставший классическим пример с лже- и псевдоклассицизмом и уж совсем образцовый – с Державиным. Культура русского модерна, в частности символизм, позвал почти из небытия старика Державина, и, наверное, в этом сыграл решающую роль В. Ф. Ходасевич – сначала своими статьями об авторе «Фелицы», а затем своей замечательной книгой «Державин».

Таким образом, приключенческий «исторический» сюжет с четко расставленными этическими акцентами и благополучным финалом не мог не быть интересным русским читателям, как не мог не быть интересным для них и новый, по сути дела, жанр повести с элементами исторического повествования и любовными перипетиями сюжета. Переводы подобных произведений способствовали становлению жанра повести в России, что придется уже на конец столетия, в литературе сентиментализма. А генезис жанра русской повести необходимо видеть не только в «историях» петровской эпохи, но и в переводной западноевропейской прозе, органично входившей в русский литературный процесс середины XVIII века.

Библиографический список

1. Корнелия, новость, первая, на десять. Мишеля Сервантеса Сааведры с французского на русский перевел Никанор Ознобишин в Москве 1761 месяца апреля // Рукописный отдел РГБ. Ф.178 / 3717.
2. Алексеев М.П. Из истории испанско-русских литературных отношений XVI – начала XIX в. // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С.49, 63–71.
3. Алпатов М.В. «Назидательные новеллы» Сервантеса // Этюды по истории западноевропейского искусства. М., 1963. С.265–274.
4. Багно В.Е. Дорогами «Дон-Кихота». М., 1988. С.285–295.
5. Балашов Н.И. Сервантес // История всемирной литературы: В 9 т. Т.3. М., 1985. С.362.
6. Берковский Н.Я. Новеллы Сервантеса // Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С.107–130.
7. Берковский Н.Я. Новеллы Сервантеса // М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М., 1955.
8. Буранок О.Б. Никанор Ознобишин-переводчик. Самара, 2005. С.163–211.
9. Герцоги Феррарские и Моденские из дома Эсте // <http://nobles.narod.ru/modena.htm>
10. Две любовницы. Гишпанская повесть Мих. Цервантеса Сааведры, автора Дон Кихота. Переведена с французского языка. М.: Печатано при имп. Московском университете, 1763. 78 с. 12° // Сводный каталог русских книг XVIII века. 1725–800. Т.3. Р – Я. М., 1966.
11. Державин К.Н. Сервантес: Жизнь и творчество. М., 1958.
12. Дюпюи Р.Э., Дюпюи Т.Н. Всемирная история войн: Кн.2. СПб.; М., 2000. С.251–252.
13. Корконосенко К.С. Перевод с испанского в XVIII веке: «Прекрасная цыганка» Сервантеса // Русская литература. 2004. №4. С.117–118.
14. Кочеткова Н.Д. Середина 1780-х годов – 1800: Сентиментализм // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т.1. Проза. СПб., 1995.
15. Кочеткова Н.Д. Формирование исторических концепций Карамзина-писателя и публициста // XVIII век: Сб.15: Проблема историзма в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. Л., 1981.
16. Кржевский Б.А. Примечания // М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С.387–388.
17. Левин Ю.Д. Начало 1760 – середина 1780-х годов: Просветительство // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т.1. Проза. СПб., 1995.
18. Лотман Ю.М. Пути развития русской прозы 1800–1810-х гг. // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997. С.349–350, 365.

19. М. де Сервантес Сааведра. Назидательные новеллы. М.; Л., 1934.
20. Повесть, Корнелия // Повести Михайлы Сервантеса: В 3 частях / Перевел с франц. Федор Кабрит. Ч. 2. М., 1805. С. 1–93.
21. Ревели Дж. Образ «Марии, российской Памелы» П. Ю. Львова и его английский прототип // XVIII век: Сб. 21. СПб., 1999. С. 296–302.
22. Сеньора Корнелия // М. де Сервантес Сааведра Назидательные новеллы. М.; Л., 1934. С. 185–237.
23. Софронова Л. А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006.
24. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995.
25. Умиакян А. Д. Мигель де Сервантес Сааведра // Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке: 1763–1957. М., 1959.
26. Умиакян А. Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831): Библиографические заметки // Сервантес: Статьи и материалы. Л., 1948. С. 214–219.
27. Федоров А. В. Б. А. Кржевский как переводчик классической прозы // Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983.
28. Франк Б. Сервантес. М., 1960.
29. Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
30. Obras completas de M. de Cervantes Saavedra. Novelas ejemplares, III, 69–130, Madrid, 1925.

(Окончание следует)

Нина Хайлова

**«ПРОБЛЕСКИ
ПРОБУЖДЕНИЯ
КИТАЯ» НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ.**

**(ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»)**

УДК
94 (47) 08

В центре внимания автора – освещение на страницах журнала «Вестник Европы» процесса европеизации в Цинском Китае в конце XIX – начале XX в. На примере публикаций этого издания представлена панорама взглядов как отечественных исследователей (М.В.Венюков, П.С.Попов и др.), так и непосредственных лидеров и участников упомянутых преобразований на побудительные мотивы, этапы и сущность реформ, а также причины их неудачи. Выявлены характерные черты восприятия российскими либералами первых попыток заимствования европейского опыта в Цинском Китае.

The author focuses on the coverage of the initial stage of the Europeanization process in Qing China in the late nineteenth and early twentieth centuries on the pages of «Vestnik Evropy». Using the example of the publications of this journal, a panorama of the views of both domestic researchers (M.V.Venyukov, P.S.Popov, etc.) and direct leaders and participants of the mentioned transformations on the motivations, stages and essence of the reforms, as well as the reasons for their failure is presented. The characteristic features of the perception by Russian liberals of attempts to borrow from the European experience in Qing China are revealed.

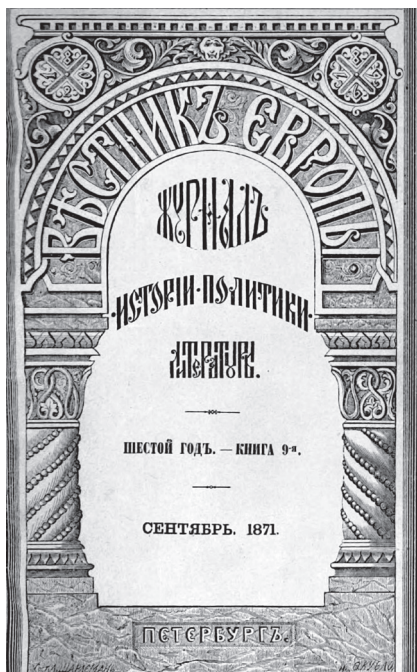
Ключевые слова: реформы в Цинском Китае в конце XIX – начале XX вв.; «Вестник Европы»; М.В.Венюков; П.С.Попов.

Key words: reforms in Qing China in the late 19th and early 20th centuries; «Vestnik Evropy»; M.V.Venyukov; P.S.Popov.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Попытки модернизации в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. не раз привлекали внимание исследователей [см., напр.: 14; 15; 17–19]. Как отражалось это явление в зеркале общественного мнения России, которая и сама переживала тогда сложные перипетии обновления? Проследить это можно, в частности, по материалам «Вестника Европы», старейшего в России либерального журнала, основанного в 1866 г. профессором всеобщей истории М.М. Стасюлевичем. Название издания отражало его главную цель – «ввести Россию в Европу», укоренить здесь европейские традиции. Примечательно, что одной из таких традиций был интерес к Востоку как месту зарождения древнейших цивилизаций, средоточию значительной части населения Евразии, общему дому для европейцев и их восточных соседей. Журнал продолжил курс в этом направлении, намеченный ранее «Вестником Европы» Н.М. Карамзина – М.Т. Каченовского. С середины XIX в. центр международной политики неуклонно перемещался в Восточную Азию, создавая новые вызовы для России. Это побуждало команду флагамена отечественной либеральной журналистики проявлять все более живой интерес к сопредельным народам на Дальнем Востоке.

У сподвижников Стасюевича были и другие причины держать в фокусе внимания события в регионе. Они были убеждены в необходимости последовательного развития в России реформ, начатых Александром II и ориентированных на ускорение модернизации страны с учетом ее культурно-исторического своеобразия. Именно такой подход к преобразованиям был характерен для Японии эпохи Мэйдзи. Дополнительную пищу для размышлений предоставляли российским либералам реформаторские планы и начинания в Цинском Китае. Публицисты «Вестника Европы» не раз привлекали восточные сюжеты для осмысления таких понятий, как «самобытность» и «отсталость», «патриотизм» и «национализм», и сущности иностранных заимствований.

**Китай 1870-х гг.:
М.И.Венюков о причинах
эмиграции из страны**

Стремление «Вестника Европы» внимательнее присмотреться к Китаю прослеживается с 1870-х гг. Подчеркивалось, что этот интерес имел

для России, прежде всего, практическое значение – с точки зрения решения политических и торгово-экономических вопросов. Первое обстоятельное знакомство читателей журнала с положением дел в Поднебесной империи состоялось в 1871 г. благодаря публикации «Очерков крайнего Востока» М.И.Венюкова [1]¹. Автор – географ, статистик и этнограф [3] – представил панораму китайской жизни на излете первого десятилетия политики «самоусиления», связанной с ранними попытками преодоления военно-технологической отсталости страны путем использования западного опыта. Венюков обратил внимание на глубинные причины назревших перемен, а также ряд внутренних и внешних обстоятельств, серьезно затруднявших преобразования. В частности, он выделял такую приметную примету времени, как широкий поток эмиграции из Китая.

Венюков М.И.

¹ Далее ссылки на эту публикацию даны по изданию: [2].

Автор публикации ставил под сомнение предположение о том, что причиной исхода китайцев в чужие края является «излишняя людность страны», поскольку «средняя густота населения не превышает средней населенности большей части Франции, откуда вовсе нет эмиграции, и уступает людности Бельгии, Прирейнских земель и даже некоторых уездов Польши». Он отмечал, что «обширные пространства в Срединном царстве остаются необработанными, и не только по горам, но и в равнинах», и это при том, что климат и почвы в Китае таковы, что «есть возможность прокормить не только 400, но даже 500 и более миллионов» [2, с.4–5].

В итоге ученый приходил к заключению, что эмиграцию китайцев следует рассматривать, прежде всего, как социально-политическое явление, порождаемое желанием жителей «обезопасить свою личность и собственность». В подтверждение этого вывода он ссылался на то, что обитатели Срединного царства «выселяются исключительно туда, где есть европейски устроенные правительства, хотя в других странах они могли бы найти для себя больше материальных выгод». Русский исследователь не сомневался в том, что при отсутствии ограничений на въезд китайцев в Австралию и Калифорнию, «они в несколько лет сделали бы господствующим населением в этих странах. ...Умеренность их нужд, смысленность и трудолюбие в том ручательство» [2, с.5–6].

Венюков подчеркивал, что, «как ни бесцеремонны французские чиновники и офицеры в обращении с китайцами, как ни грубо-пристрастны к ним англичане и американцы, которые все, от посланников и губернаторов до лавочников и фермеров, видят в сынах Небесной Империи опасных промышленных соперников <...>; но все-таки китайцу лучше живется в Сайгоне, Гонконге и Сан-Франциско, чем где-либо в Чэн-ду-фу или в Нанкине». А в результате, как отмечалось, «патриотизм стал ограничиваться лишь тем, что умирающий приказывает прах свой отвезти в Срединное царство и там похоронить на семейном кладбище; живые же люди почти не возвращаются в Китай» [2, с.5].

«Цивилизаторы» Китая

Убедительны и рассуждения Венюкова о роли европейцев и американцев в Китае, которые («все, без различия занятий и степени образования») претендовали на роль «цивилизаторов» по отношению к местному населению. Используя официальные статистические источники за 1869 г., автор «Очерков...» проанализировал социально-профес-

сиональный состав упомянутых иностранцев в Китае («около 6100 человек») [2, с.74–75].

Самой многочисленной (2250 человек) оказалась группа, обозначенная Венюковым как «чернь». Она включала в себя лиц, «живущих для собственных выгод и большею частью лишь временно, до составления капитала: парикмахеров, булочников, портных, полицейских сторожей, лощманов, матросов, трактирных слуг, публичных женщин и др.». Причем, по словам публициста, одна половина этого «сословия» – матросы – «известна грубым своим поведением, часто переходящим в буйство», а другая («промышленники разного рода») состоит из «контрабандистов, воров и даже разбойников». Подчеркивалось, что именно эти люди «снабжали тайпинов оружием, полученным "на комиссию" от богатых купцов; они-то продают по мелочам контрабандные товары, опиум, держат кабаки» [2, с.76].

Столь же нелестной характеристики в «Очерках...» был удостоен и второй по численности разряд выходцев из западных стран – «купцы и их приказчики» (2200 человек), «большею частью знакомые только с коммерческой арифметикой и бухгалтерией, занятые с восьми часов утра до семи вечера в конторах, а после того в бильярдных и публичных домах». Отмечалось, что их влияние на Китай ограничивалось «коммерческой эксплуатацией, ввозом опиума и торговыми обманами». «За приказчиками, народом молодым и холостым, остается еще специальность "гражданских браков" с китайскими женщинами, которых они обыкновенно бросают, лишь только те начнут рожать детей», – добавлял Венюков еще один штрих к портрету западного «пришельца» [2, с.77].

«Итак, из 6100 европейцев, живущих в Китае, 4450, конечно, не могут иметь ни малейшего права на название цивилизаторов, – заключал автор. – Во всяком благоустроенном государстве значительная часть их, конечно, сидела бы по тюрьмам и work-house'am» [2, с.79].

Что касается остальных иностранцев, попавших в статистическую выборку Венюкова (1600 человек, включая «докторов, аптекарей, инженеров, механиков и др.»), то его выводы об их влиянии на китайскую жизнь не столь однозначны. В целом, он характеризовал их как «самое полезное сословие», при этом делая существенную оговорку: «Однако эти доктора – без дипломов, инженеры – из уволенных от службы правительствами, механики – не нашедшие себе места в Европе, вообще в своем роде оборыши. Китайцы от них выигрывают разве только, что получают случаи знакомиться у себя дома с европейской наукой и ее

приложениями». Венюков замечал также, что часть военных инструкторов, техников-специалистов на китайских арсеналах и пороховом заводе исполняли свои обязанности недобросовестно, а инженеры содействовали «эксплуатации Китая, заставляя правительство все нужные материалы покупать за границей, в своих отечественных странах» [2, с.79–80].

Характеризуя «высший по цивилизации класс европейских людей», а именно дипломатов и консулов, Венюков указывал на то, что «по самому званию своему они стоят, так сказать, вне Китая», а потому «их влияние, иногда очень могущественное, конечно, направлено не за Китай, а *против* него». Впрочем, по его мнению, «консулы, находясь в частных соприкосновениях с китайцами по торговым делам, могли бы подавать им пример европейского правосудия. К сожалению, это не всегда так» [2, с.81], – признавал автор «Очерков...».

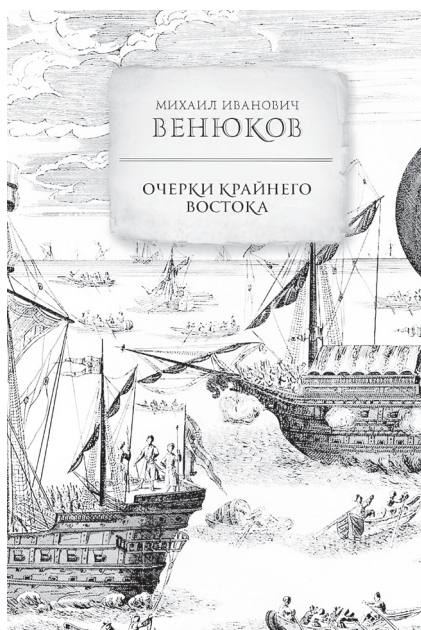
Венюков уделил внимание и роли европейских миссионеров в Китае. Его симпатии были на стороне англо-американских протестантских проповедников – «людей ученых» и «хорошей нравственности», нередко совмещавших религиозную миссию с оказанием местному населению врачебной помощи. Однако их влияние было «почти ничтожным», поскольку численность прозелитов-китайцев, согласно отчету протестантских миссий за 1868 г., не превышала 6000 человек. «И это в тридцать лет пропаганды при 112 проповедниках в настоящее время» [2, с.84], – комментировал публицист скромные итоги деятельности протестантов.

Ричард Тимоти, английский миссионер в Китае

Что же касается «французо-испано-итальянских» католических миссионеров («большинство их – иезуиты»), то Венюков, основываясь на широко известных в ту пору фактах и собственных впечатлениях, определял их как «агентов римского

ханжества, властолюбия и корыстолюбия». В связи с этим, заключал он, «нельзя удивляться, что китайское правительство, обязанное [международными] трактатами печься о личной безопасности проповедников христианства, нашлось вынужденным держать в Сикавее роту солдат и две пушки для защиты отцов почтенной "компании". В Тянь-цзине забыли это сделать, и народ растерзал нескольких монахов с их сестрами и даже с французским консулом, вздумавшим вступить за соотечественников» [2, с.84–86].

«Западные варвары» в Китае: польза для страны?

Впрочем, Венюков отмечал и «несомненно, хорошие стороны» влияния на Китай «западных варваров».

Именно они, по словам публициста, возбудили «в сынах Срединного царства» интерес к явлениям общественной и государственной жизни. Это подтверждалось, в частности, фактом издания в Шанхае «китайской газеты», которая имела тогда уже более 30 тыс. подписчиков. Важным успехом взаимодействия с иноземными специалистами Венюков считал также появление в Поднебесной

империи собственных кадров в разных сферах (пароходостроение и организация водного транспорта, производство скорострельного оружия и т. д.). Благоприятное влияние европеизма он видел и в том, что «китайцы стали свободнее относиться к деятельности своих чиновников», критически оценивая их роль («но это последнее – в очень слабой степени»). Свидетельствуя о выраженной способности китайцев к самоуправлению, «когда они находятся на чужой почве», Венюков характеризовал их как «жалких граждан» непосредственно на своей родине («и это несмотря на горячий патриотизм») [2, с.86].

Затрагивая тему «привития на китайской почве европейской науки» («той строгой и точной науки, которая одна дает прочные залогов будущих успехов народа»), автор «Очерков...» заключал, что «тут дело едва начинается». Первые шаги в этом направлении (переводы на китайский язык научных книг, основание в Пекине «высшего училища с европейскими профессорами»), Венюков признавал «шаткими и мало надежными». В подтверждение своего вывода он ссылался на то, что в упомянутом училище астрономию преподавал «человек, отрицающий Ньютона», а химию – «профессор-юрист из протестантских миссионеров» [2, с.86–87].

Представив российскому читателю подробный обзор истории «торговли китайцев с Европой и Америкой», Венюков и в этом случае избегал категоричных оценок. С одной стороны, он подтверждал, что внешняя торговля Китая «удовлетворяла многим действительным нуждам» народа этой страны. Вместе с тем автор «Очерков...» напоминал, что «эта торговля возникла и развивалась во многом вопреки желаниям самой страны». А потому, акцентировал ученый, «как все искусственно привитое и даже насильно навязанное общественному организму, она стала источником болезненных явлений в этом организме и даже причиной его ослабления». В связи с этим Венюков обращал внимание на две опиумные войны, которые дорого обошлись населению и принесли выгоду лишь «чужеземцам». Главным привозным товаром стал опиум («способный в течение нескольких поколений убить все живые силы народа, убить физиологически и еще более нравственно»). При этом руководящие позиции на китайском рынке полностью перешли к иностранцам [2, с.111–112].

Взвешенный, аргументированный подход к анализу событий и явлений общественной жизни, характерный для «Очерков...» Венюкова, прослеживался и в последующих публикациях «Вестника Европы», посвященных Китаю. Руководители журнала привлекали к сотрудничеству

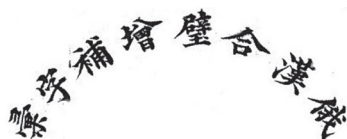
знатоков этой страны. Среди них – дипломаты (К. А. Скачков, И. Я. Короствовец, Д. Д. Покотилев), врач русской дипмиссии в Пекине на протяжении более десяти лет В. В. Корсаков, ученый-китаевед С. М. Георгиевский, путешественник-исследователь Северной Центральной Азии Г. Н. Потанин.

Движение за реформы в Китае: взгляд П. С. Попова

Особое место среди авторов журнала, освещавших первые попытки серьезных реформ в Китае после поражения страны в японо-китайской войне 1894–1895 гг., принадлежит П. С. Попову, выдающемуся востоковеду-филологу, члену-корреспонденту Петербургской АН (1890). В числе его научных заслуг подготовка первого Русско-китайского словаря (СПб., 1879), переводы сочинений древнекитайских философов, в том числе изречений Конфуция. Попов оставил заметный след и на дипломатическом поприще. Связав свою жизнь с Китаем в начале 1870-х гг., в 1886–1890 гг. он занимал пост генерального консула Российской империи в Пекине.

С 1897 по 1903 гг. в «Вестнике Европы» размещались представляемые Поповым обширные материалы, благодаря которым читатели журнала получали информацию о «проблесках пробуждения Китая» буквально из первых рук [7–13]. Основное содержание публикаций составили сделанные самим ученым переводы китайских источников. Это, прежде всего, доклады лидеров китайских реформаторов, тексты проектов преобразований, избранные статьи из китайской периодики.

Попов акцентировал внимание на главных действующих лицах реформ, с некоторыми из которых он был лично знаком. Среди государственных деятелей старой зачатки он выделял многоопытных

**РУССКО-КИТАЙСКИЙ
СЛОВАРЬ**

П. ПОПОВА,

Генерального Консула в Пекине,
члена-корреспондента ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ТИПОГРАФИЯ САН-КИО-ША.

1900.

Ли Хунчжан

и влиятельных реформаторов императорского двора – Ли Хунчжана, Чжан Чжидуна и Лю Куньи. С пристальным интересом русский ученый-дипломат наблюдал за выступлениями лидеров нового поколения сторонников систематических и последовательных преобразований (Кан Ювэй, Лян Цичао). По его мнению, достойным внимания российской публики являлся и проект реформ, предложенный английским миссионером-публицистом Ричардом Тимоти.

**Причины реформ в Китае:
что – главное?**

В планах переустройства, представленных Поповым вниманию читателей «Вестника Европы», можно выделить общие подходы авторов документов. Это касается, прежде всего, осознания причин реформ. Все сходилось на том, что мощным импульсом к переменам в Китае стали внешние угрозы, в первую очередь, со стороны западных стран – Англии, Франции, Германии. Очевиден был еще один стимул преобразований – неудачная война с Японией (1894–1895). «Каждый новый удар,

наносимый Китаю извне, вызывал в нем новый спазмодический порыв к самовозрождению» [10, с.497], – свидетельствовал Попов. Изучение китайских источников позволило ему сделать вывод и о том, что еще в начале 1840-х гг. в Китае говорили о том, что в перспективе «величайшая опасность» для страны может исходить от России. Ситуация на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. обостряла тревогу по этому поводу [12, № 11, с.511], побуждая китайцев к активному заселению и освоению приграничных территорий на северо-западе страны².

Приоритетное значение внешних угроз как стимула к реформам вовсе не исключало признания некоторыми лидерами китайского обновления главного корня всех проблем – недостатков внутреннего управления [10, с.508]. Они настаивали на том, что для преодоления кризиса необходимы не только безотлагательные паллиативные («верхушечные») меры верховной власти в тесном союзе со «способными помощниками» (устройство финансов, организация военного дела, поддержание дружественных отношений с соседними государствами), но и радикальные способы «упорядочения государства и спасения его». Последнее подразумевало «укрепление устоев государства» путем обновления государственного управления и воспитания общества в духе «гуманности, сознания долга, преданности, доверия, справедливости и совестливости» [10, с.511–515].

Реформаторы о движущих силах реформ

Как понимали авторы проектов переустройства Китая вопрос о движущих силах реформ и условиях их успеха? Публикации Попова представляли российскому читателю возможность убедиться, прежде все-

² *Дело пошло настолько быстро и успешно, что спустя несколько лет критики столыпинского землеустройства ставили в пример российским властям китайский опыт переселенческой политики. Так, один из корреспондентов «Московского еженедельника» заявлял: «Теперьшняя правительственная помощь переселенцам есть не что иное, как губительная приманка для населения и совершенно на ветер выброшенные деньги. По его убеждению, следовало, «если помогать, то помогать до конца и хоть немножко позаимствовать у китайцев». Далее автор-сибиряк свидетельствовал о том, что китайское правительство, «довольно равнодушное ко благу своих подданных внутри Империи», оказывало им существенную поддержку на берегах Амура, исходя из стратегической важности региона. Он приводил пример, достойный подражания: «По китайскому побережью идет правильная колонизация. Правительство намечает участок для заселения, осушает его, оказывает натуральную и денежную помощь колонистам и к каждой колонии назначает особого инструктора, указывающего наиболее рациональный для данной местности способ культуры. Безлюдный китайский берег до Китайской войны (Ихэтуаньское восстание 1898–1901 гг. – Н.Х.) теперь уже густо населен!» [6, стлб. 27].*

Кан Ювэй

го, в том, что ведущая роль в преобразованиях отводилась государству. Подчеркивалась также необходимость доверия между властью и обществом, а также «снижение расположения иностранных держав». Особая ставка делалась на «возбуждение душевных сил общества», воспитание «духа патриотизма». По словам Кан Ювэй, «если каждый из четырехсот миллионов китайцев проникнется духом энтузиазма, то для них не будет ничего невозможного» [10, с.506]. В перспективе («лет через 500» движения по этому пути) предвиделось наступление на Земле золотого века («эры всеобщего умиротворения»), когда все народы объединятся под властью китайского мудреца-гуманиста [12, № 11, с. 132].

Этапы модернизации в Китае Оценивая первые шаги Срединного царства в светлое будущее, лидеры китайского обновления обозначали этапы начавшейся модернизации. Результаты политики «самоусиления» (1861–1895) – открытие первых

школ иностранных наук и языков, морских училищ и военных школ – характеризовались как капля в море, поскольку западные знания усваивались тогда урывками, без системы и последовательности. Не хватало не только преподавателей, но и, вообще, компетентных и честных деятелей: «Никто не хотел отрешиться от рутины и пойти по пути реформ» [10, с.501]. Было очевидно, что нужны новые люди и новые реформы. Однако, как отмечал Кан Ювэй, и на очередном этапе, после поражения Китая в войне с Японией, преобразования продолжали оставаться одинокими явлениями и зачастую носили формальный характер [10, с.502].

Ситуация заметно изменилась в период с 1898 по 1900 г., когда китайское правительство приступило к радикальным преобразованиям («Сто дней реформ»). Характеризуя «лихорадочную деятельность» верховной власти на этом поприще («как будто под влиянием какой-то невидимой силы»), Попов свидетельствовал о развитии ситуации в 1898 г.: «Не проходило ни одного дня без того, чтобы в "Пекинском правительственном вестнике" не появилось нового богдыханского указа, касающегося той или другой отрасли государственного управления» [11, с.187]. Ученый обращал особое внимание на «серьезное и до известной степени систематическое» переустройство учебного дела в империи. Именно тогда был открыт Пекинский университет (1898), изданы указы о повсеместном создании средних и низших учебных заведений, а также о превращении старых школ в школы нового типа. Не скрывая восхищения этими действиями правительства, Попов писал: «Едва ли какая-либо нация в мире начинала коренные преобразования учебного дела с таким сравнительно значительным числом учебных заведений». Он предполагал, что, «если лица, которым поручено это великое дело, отнесутся к нему энергично, честно и с полным сознанием всей важности возлагаемого на них Отчеством дела, то возрождение и усиление Китая из области сомнения может перейти в область действительных фактов» [11, с.193]. В ряду многообещающих событий автор «письма из Китая» называл также предоставление свободы прессе, императорские указы с целью развития частной инициативы, попытки упорядочения китайского законодательства. Однако, по его словам, «внутреннее управление Китая не только не подвинулось вперед, но, напротив, отступило назад». В этом Попов видел предпосылки т. н. боксерского восстания (1900) – широкомасштабных беспорядков и движения против христиан [13, с.216].

В «Вестнике Европы» сообщалось: «Боксерский 1900-й год, несомненно, заставил окончательно проснуться Китай; этот год встряхнул сильно и китайское правительство, и китайское общество. Китайское

Чжан Чжидун

Лю Куньи

правительство, расхлебывая ту кашу, которую заварили боксеры, понял прежде всего, что оно должно найти себе покровителей и друзей среди европейских держав, что своими единичными силами правительство расхлебать этой каши не может. Здравый смысл китайского народа и многовековая наблюдательность сразу указали правительству покровителей в лице американцев, а друзей – в лице японцев» [5, с.353–354]. Поворот в сторону Японии отразился в совместном докладе Чжан Чжидуна и Лю Куньи, адресованном богдыхану (с этим документом читатели «Вестника Европы» могли ознакомиться также благодаря Попову) [8]. К середине 1903 г. японцы встали уже во главе всех отраслей обновляемой китайской жизни. «Обучение и организация военных китайских сил находятся в руках японцев; высшее образование, военное и специальное, китайское юношество получает в Японии; промышленность японская проникает повсюду» [5, с.354], – констатировал В. В. Корсаков.

К вопросу об иностранных заимствованиях и «особом пути»

направлений модернизации, характерный для многих стран. В комментариях Попова по поводу китайской специфики этого пути обратим

Во всех упомянутых проектах преобразований и конкретных действиях по их осуществлению отразился типичный набор основных

внимание на два момента. Русский ученый свидетельствовал о том, что в среде реформаторов была широко распространена идея конституционной монархии, однако необходимость создания парламента в Китае признавали далеко не все. Сомневался в пригодности для этой страны парламентской формы правления и Попов [12, №9, с. 221]. Более реальными ему представлялись надежды на постепенное сближение власти и общества путем преобразования местного управления, развития самоуправления и свободной печати.

По мнению Попова, два направления реформ были безусловной гарантией коренного обновления и усиления Китая. Прежде всего, это развитие образования всех уровней. Он приветствовал политику поощрения перевода и широкого распространения иностранных книг. Ученый не сомневался и в пользу поездок (в т. ч. долговременных) китайцев за границу с образовательными и познавательными целями.

В предложениях китайских реформаторов Попов выделял также курс на «развитие и поощрение ремесел и искусств». Он солидаризировался с мнением Чжан Чжидуна и Лю Куньи, которые характеризовали упомянутые меры как «наилучший способ к прекращению иностранной эксплуатации и бесспорно надежное средство к обогащению народа и государства». По его убеждению, на этом пути Китаю был гарантирован успех, поскольку страна располагала огромными природными ресурсами, массой дешевого труда и обширным внутренним рынком. «С такой силой, – писал Попов, – если только китайцы проникнутся недостающим теперь духом единства, никакая конкуренция будет невозможна и все иностранные антрепренеры вынуждены будут добровольно покинуть насиженные ими златные места или же удовольствоваться, и то временно, скромной ролью распространителей китайских произведений на иностранных рынках» [8, с.542]. Весной 1902 г. он указывал и на один из предвестников счастливого будущего, имея в виду основание в Пекине неким китайцем-филантропом ремесленно-промышленного дома. Предоставляя заработок мастерам и ремесленникам, лишившимся средств к существованию во время ихэтуаньского восстания и последовавшего за ним занятия Пекина союзными войсками, хозяин заведения преследовал еще одну цель: содействие усовершенствованию традиционных китайских производств и приспособлению их к предпочтениям иностранцев. По словам Попова, спустя всего несколько месяцев существования этого дома умельцы, трудившиеся под его крышей, добились впечатляющих результатов. Представленные ими заинтересованной публике ковры и изделия в технике перегородчатой эмали значительно

превосходили по качеству («своими рисунками и тонкостью работы») ранее известные образцы подобных товаров. «Почин этот особенно важен в том отношении, что он быстро находит подражателей в других провинциях Китая» [8, с.543], – подчеркивал Попов.

Камень преткновения реформ Каков же был, по мнению авторов «Вестника Европы», итог «проблесков пробуждения Китая» на рубеже XIX–XX вв.? Общее мнение сводилось к тому, что реформы не успели укорениться и дать свои плоды.

На страницах журнала Китай сравнивался «с человеком, которого только что насильно разбудили от тяжелого, крепкого и продолжительного сна. С трудом поднимает он свои веки, не отдает еще ясного себе отчета о происходящем вокруг и силится снова уснуть. Но спать ему не дают, и мало-помалу мысли у него просветляются, глаза широко раскрываются, и он ясно начинает различать окружающие предметы, начинает осматриваться и понимать, что многое было у него неудобно, неладно, и это многое необходимо исправить» [5, с.353–354].

Неудачи начального этапа модернизации Китая объяснялись отсутствием необходимой социальной базы и непоследовательностью преобразований, что, в свою очередь, признавалось следствием политики вдовствующей императрицы Цыси, в руках которой на протяжении почти полувека, с 1855 по 1908 гг., были сосредоточены все бразды правления. Подчеркивалось, что история ее власти – это еще одна иллюстрация деспотизма, «одинакового в своей сущности, в какой бы стране он ни проявился» [4, с.401].

Реформационное движение в Китае на рубеже XIX–XX вв. подтверждало убежденность российских либералов круга «Вестника Европы» в существовании

Цыси, китайская императрица

общих закономерностей исторического развития. Они разделяли стремление китайских сторонников прогрессивных преобразований к поиску путей мирного обновления своей страны, а также их мысль о необходимости отказа от войн как средства решения международных проблем. «Кулачное право», на тот момент возобладавшее в политике европейских держав по отношению к Востоку, расценивалось в журнале как гораздо более опасное явление, чем так называемая «желтая опасность» [16, с.321].

Библиографический список

1. Венюков М.И. Очерки крайнего Востока // Вестник Европы. 1871. №3. С.156–207; №8. С.469–512.
2. Венюков М.И. Очерки крайнего Востока. М.: Т 8. Издательские технологии / RUGRAM, 2019. 160 с.
3. Есаков В.А. Михаил Иванович Венюков, 1832–1901. М.: Наука, 2002. 242 с.
4. Корсаков В.В. Китайская императрица Цзи-Си // Вестник Европы. 1909. №1. С.401–410.
5. Корсаков В.В. На Дальнем Востоке. Письмо из Пекина // Вестник Европы. 1903. №5. С.352–363.
6. Поливанов В.Н. Письма из Сибири // Московский еженедельник. 1908. №46. 22 ноября. Стлб.24–27.
7. Попов П.С. Вести о Китае: 1. Проект китайских реформ. 2. Средство к вытеснению иностранцев из Китая // Вестник Европы. 1903. №5. С.137–155.
8. Попов П.С. Накануне реформы в Китае // Вестник Европы. 1902. №4. С.513–544.
9. Попов П.С. Новейшие вести из Китая // Вестник Европы. 1901. №11. С.312–341.
10. Попов П.С. Патриотическое движение в Китае // Вестник Европы. 1898. №10. С.496–531.
11. Попов П.С. Проблески пробуждения Китая. Письмо из Китая // Вестник Европы. 1899. №1. С.186–205.
12. Попов П.С. Реформационное движение в Китае // Вестник Европы. 1897. №9. С.206–243; №10. С.474–513; №11. С.85–133.
13. Попов П.С. Япония и Китай в 1899 г. // Вестник Европы. 1900. №7. С.216–224.
14. Романова Г.Н. «Открытие» Китая капиталистическим миром и начало процесса модернизации страны (вторая половина XIX в.) // Проблемы Дальнего Востока. 2019. №2. С.136–143.
15. Самойлов Н.А. Реформы в Цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. №6. С.175–188.

16. Слонимский Л.З. «Желтая опасность» // Вестник Европы. 1904. №5. С 305–321.
17. Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «Желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М.: Наталис, 2008. 256 с.
18. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Тихвинский С.Л. Избранные произведения: В 5 кн. Кн.1: История Китая до XX века: Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй. М.: Наука, 2006. С.10–415.
19. Тихвинский С.Л. Современная китайская историография движения за реформы в Цинском Китае // Новая и новейшая история. 2006. №1. С.65–72.

Что хочешь помнить, то всегда
помнишь.

Р. Брэдбери

Граница родила казачество,
а казачество создало Россию.

Л. Н. Толстой

Александр Каменцев

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И «КРАСНО-БЕЛАЯ» ПАМЯТЬ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК

94(470)+323.22

В статье рассматривается ранняя стадия возрождения казачества (конец 1980-х – 1990-е гг.) как часть формировавшегося российского гражданского общества. Утверждается, что виктимный нарратив о геноциде 1918–30-х гг. был сформулирован казачьей интеллигенцией в 1989–90 гг. и использовался в политических целях для того, чтобы возрожденное казачество было официально признано отдельным народом, пострадавшим от советской власти и имеющим право на восстановление насильственно утраченных прав собственности на землю и административное самоуправление территорией. Кроме того, делается вывод, что произошедшее в период перестройки разделение казачьего движения на «красных» и «белых» связано не с памятью о Гражданской войне, а с политическим самоопределением руководителей этого движения по вопросу об отношении к государственной службе.

I argue the early stage of Cossack activism (late 1980s – 1990s) was a part of shaping Russian civil society. I assume the victim narrative was shaped by the Cossack intellectuals in 1989–90, and it was used politically to ensure that the revived Cossacks were officially recognized as a distinct nation who had suffered under Soviet rule and were entitled to regain their forcibly lost land ownership rights and administrative self-governance of the territory. Furthermore, there is a statement that the division of the Cossack movement into Red and White is not related to the memory of the Civil War, since the anti-Bolshevik victimhood narrative was consensual, but to the issue of public service.

Ключевые слова: возрождение казачества; коллективная память; политика памяти; геноцид казаков; история и современность; гражданское общество

Key words: Cossack revival; collective memory; genocide of the Cossacks; memory politics; history and modernity; civil society

E-mail: akamentsev@eu.spb.ru

**Ранний казачий активизм
как часть гражданского
общества**

Предпосылки процесса возрождения казачества формировались с 1970-х благодаря усилиям местных краеведов, историков, писателей.

Это были годы, когда уходили из жизни люди, ставшие взрослыми еще до революции, то есть последнее поколение природных казаков, носителей *той* культуры и самосознания. Их воспоминания откладывались в семейных архивах благодаря стремлению детей и внуков сохранить память о предках. Пробуждению общественного интереса к истории казачества способствовали деятели культуры, авторы соответствующих литературных, музыкальных и живописных произведений. Однако еще в конце 1970-х гг. упомянутая тематика для официальной исторической науки оставалась «контрреволюционной» и нежелательной, о чем свидетельствовал яркий представитель ростовской исторической школы А.И.Козлов [21, с.34]. В 1980 г. в Черкесске была проведена первая всесоюзная научная конференция, посвященная роли казачества в революции 1917 г. и гражданской войне. А в середине 1980-х гг. начало процессов демократизации и гласности открыло, наконец, широкую дорогу осмыслению исторического опыта. Тогда же активным участником возрождения казачества стала местная власть.

В 1987–1989 гг. Ростовский обком КПСС проводил кампанию за красное казачество. Партийные чиновники, ответственные за идеологию и контроль культуры, взяли курс на реабилитацию репрессированных лидеров казаков, которые после революции 1917 г. выступили в поддержку советской власти. Весной 1989 г под патронажем обкома была создана общественная организация («Шолоховский круг»), вобравшая в себя порядка 40 представителей творческой интеллигенции. Важной особенностью этого объединения было то, что в его состав входили люди, связанные с идеологическим отделом упомянутого обкома: председатель правления Ростовской областной писательской организации Г.А. Сухорученко, главный редактор журнала «Дон» В.А. Воронов и его заместитель В.С. Петров, главный редактор областной газеты «Молот» Г.В. Губанов, директор Ростиздата Ф.Ф. Баев. В «Молоте» стали выпускать приложение «Донское слово» – печатный орган «Шолоховского круга», уделяя много внимания теме казачества, преимущественно красного, интерпретируя его опыт в русле коммунистической идеологии [36, с.181]. Кроме того, при дворце культуры «Ростсельмаша» ветераном завода и любителем-краеведом, членом «Шолоховского круга», И.Г. Войтовым был создан клуб «думенковцев-мироновцев» [11, с.125–128]. При его непосредственном участии в Ростовской

области в 1988 г. был установлен памятник Б.М. Думенко, оказавшийся единственным новым монументом красному казачеству. Обе организации транслировали красноказачью идею, которая заключалась в положительной оценке казачества 1910-х–1930-х гг., как в целом просоветского социального слоя, пострадавшего от перегибов власти в лице Троцкого и Свердлова. Центральная роль именно этих деятелей в качестве казачьих антагонистов объясняется тем, что коммунистическая элита Ростовской области периода перестройки, разделяя взгляды право-консервативного крыла в КПСС, негативно воспринимала «троцкистскую» оппозицию 1920-х гг. как проеврейскую [35, с.57–58].

Однако ростовское возрождение имело альтернативное течение, у истоков которого стоял Донской военно-исторический клуб (ДВИК) им. М.И. Платова, созданный Игорем Карасевым в 1986–1988 гг. Клуб размещался в ростовском отделении ВООПИиК, чей сотрудник А.А. Озеров и краевед А.П. Зимин помогли в организации ДВИК. Члены клуба решили заниматься реконструкцией участия казаков в Гражданской войне, поскольку в свете перестройки эта болезненная тема стала переосмысливаться, а белое движение перестало быть исключительно негативным

Донской военно-исторический клуб (начало 1990-х)

феноменом [12, с.36–52]. В «белой» интерпретации истории казаки были ярыми антикоммунистами, пытавшимися построить свою национальную государственность, но оказались подвергнуты жесточайшим репрессиям со стороны советской власти. Впоследствии именно образ казака времен Первой мировой (поскольку форма была принята в 1914 г.) стал символом движения возрождения. По выражению Петра Молодидова, известного деятеля казачьего движения на Дону, создателя «96-го Донского казачьего полка им. П. Н.Краснова», «клуб Карасева остался клубом, но стал сигнальным огнем, притянувшим активистов. Туда пришли и те, кому фольклор был неинтересен, в том числе и я» [10].

В 1988 г. в Краснодаре главный редактор журнала «Кубань» В.А.Канашкин объединил группу журналистов, писателей, историков. Они стали активно публиковать материалы по истории кубанских казаков, авторами которых выступили местные мастера слова из двух поколений – 1920-х и 1950-х годов рождения: писатели Виктор Лихоносов и Анатолий Знаменский, выпускник кубанского истфака и журналист Александр Берлизов, поэт-фронтовик Иван Варавва, краевед Виталий Бардадым, а также популярные в конце 1980-х московские авторы – филолог и литературный критик Вадим Кожин и писатель и литературовед Михаил Лобанов [23, с.5]. Местные деятели (потомственные казаки) А.Берлизов (1953–1992) и И.Варавва (1925–2005) стали активными участниками Кубанской казачьей Рады. В марте 1989 г. доцент исторического факультета Кубанского университета В.П.Громов организовал кружок изучения истории казачества, из которого вырос Кубанский казачий клуб, а его участники стали создавать местные казачьи организации, вошедшие в Кубанскую казачью Раду [18]. После появления групп единомышленников в Краснодаре кубанский писатель Гарий Немченко, живший в Москве, организовал столичное землячество казаков. 5 января 1990 г. по инициативе Немченко состоялось Учредительное собрание – «Общемоосковский казачий круг», на котором его избрали атаманом. Членами правления стали интеллигенты, потомки казаков: писатель В.Цыбин (заместитель атамана); писатель и журналист А.Жигайлов; старший методист Центрального дома пропаганды ВООПИиК Г.Кокунько; сотрудник Воениздата, поэт В.Латынин; писатель Е.Лосев; руководитель ансамбля «Казачий круг» В.Скунцев; военный корреспондент П.Ткаченко [23, с.7].

Таким образом, в условиях перестройки в Ростовской области параллельно существовали низовая и властная инициативы возрождения казачества, как «белого», так и «красного». В то же время ростовские

перестроечные власти, не ставя такой задачи, дали импульс к формированию казачьего виктимного нарратива. На Кубани же казачий возрожденческий дискурс транслировали местные интеллигенты, не связанные с партийными структурами.

Исследователи расходятся во мнении относительно характера общественных организаций, возникших в период перестройки. Одни считают их порождением демократического движения «снизу» [34], другие склоняются к тому, что определяющую роль сыграли властные структуры в лице обкомов КПСС и КГБ, желавших контролировать все общественные инициативы в своих регионах [20]. На мой взгляд, процесс возрождения казачества является примером формирования гражданского общества в России. Перестройка создала условия для активизации негосударственных гражданских инициатив, которые вместе с публичной сферой¹ и формируют гражданское общество. Последнее понимается как совокупность отношений между людьми и институтами, существующими вне прямого государственного контроля, которые формируют индивидуальные действия и позволяют частным лицам, не связанным персональными обязательствами, организовывать свою социальную деятельность. Политический философ Джон Грэй отмечает, что внутри институтов гражданского общества могут мирно сосуществовать отдельные лица с разными взглядами и разными, часто противоположными целями [38]. Грэй писал в 1993 г. об опыте и перспективе построения гражданского общества в посткоммунистических странах. Он акцентировал внимание на том, что гражданское общество может существовать не только в государстве с либерально-демократическим устройством западного типа. В качестве примера Грэй приводил Пруссию Фридриха Великого, Российскую империю последних шестидесяти лет ее истории или современный Сингапур, которые обладали авторитарным правлением, хоть и обеспечивающим гражданские свободы законодательно, но без демократического участия населения в политическом процессе [38, с.30]. Российская ситуация периода распада СССР и первых посткоммунистических лет (практически все 1990-е гг.) характеризовалась, напротив, слабостью государственной власти. При этом в стране активно формировались демократические институты (политические партии, выборы, общественные движения, свободные СМИ). В таких специфических условиях «выкристаллизо-

¹ Мы понимаем это по Хабермасу как развитие средств массовой информации, широкого доступа к информации и возможности общественного обсуждения важных, в том числе политических, вопросов без давления со стороны государства [37].

ывалось» российское гражданское общество, частью которого являлись отдельные социальные группы далеко не либерального направления, в том числе и казачьи организации.

Не ставя напрямую задачи развития гражданского общества при формировании основных казачьих организаций в 1989–1991 гг., активисты своей деятельностью, безусловно, сыграли роль в этом процессе. В своих первых акциях казаки выступали совместно с представителями «Мемориала» (организация признана иностранным агентом в РФ), который был образован в том же 1989 г. [6, с.79]. В основе казачьих организаций лежали переизобретенные традиции казачьей прямой демократии, то есть выборность должностных лиц и принятие важнейших решений на общих собраниях (кругах) путем открытого голосования. Однако зачастую атаманы, обладавшие значительным символическим капиталом, принимали решения самостоятельно, что нередко приводило к конфликтам внутри сообщества. Кроме того, казаки демонстрировали остальным общественным группам, как нужно налаживать диалог с государством, добиваясь удовлетворения своих интересов на законодательном уровне, непосредственно участвуя в политическом процессе. Немаловажной представляется и роль казачьих инициатив в сохранении и воспроизводстве историко-культурного наследия в конкретных регионах, что способствовало развитию гражданского самосознания.

Однако все это, конечно, не означает, что власть не являлась актором в процессе возрождения. Исследователи обращают внимание на то, что в Ростовской области с самого начала движения возрождения местные власти в лице обкомовских и райкомовских работников входили в состав правления казачьих организаций, пытаясь таким образом их контролировать [34; 27]. Распространенной практикой было и то, что бывшие обкомовские работники, имея казачье происхождение и большой организаторский опыт, вставали у руля созданных обществ. Они пользовались своими связями среди местной политической элиты для получения поддержки, но сами не являлись представителями власти. Безусловно, успешное развитие казачьих общественных организаций и превращение их в серьезную силу во многом зависело от сотрудничества с местной властью на уровне глав администраций областей, краев и городов, а также председателей Советов народных депутатов. В декабре 1990 г. Президиум Ростовского областного Совета народных депутатов принял решение «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству». Депутаты отмечали, что традиции казачьего круга отражали «общий процесс демократи-

зации всех сторон общественной жизни донского края», предлагали рассматривать круги на местах как форму самоуправления. Вместе с тем казаки рассматривались как общественно-патриотическое движение, которому нужно оказывать поддержку. Однако осознавались и риски того, что движение может быть использовано в политических целях, поэтому облсовет предписывал следить за тем, чтобы различного рода экстремисты не смогли воспользоваться казаками для «проведения идей раскола и сепаратизма, этнической исключительности» [30, с.4–6].

О.В.Рвачева безусловно права в том, что у власти не было выработанного плана действий в отношении казачества, а законы и указы принимались ситуативно и часто имели декларативный характер. Исследовательница утверждает, что комплекс законодательных материалов и действий властей задавал направление и динамику развития казачьего движения [29, с.109–110]. Однако представляется, что вектор этого процесса не был предрешен инициативой власти. Основными двигателями были лидеры казаков, которые лоббировали свои интересы, в том числе и на законодательном уровне, постоянно внося предложения законопроектов и посылая своих представителей в правительственные комиссии по казачьему вопросу. Например, одним из главных авторов текста закона о реабилитации казачества был Ю.Н.Загудаев – юрист и заместитель атамана Громова в Кубанской казачьей Раде [1, л. 146 (Состав рабочей группы по разработке проекта Закона «О реабилитации казачества»); 18]. Рвачева отмечает, что представления общества и власти о казаках сводились к традиционному образу защитников Отечества. В то же время активисты движения возрождения стали создавать виктимный нарратив о репрессированном народе, который в начале 1990-х был принят на законодательном уровне, определяя казачество как «исторически сложившуюся культурно-этническую общность».

Инструментализация виктимного нарратива

Стоит уточнить, что виктимный нарратив не был сразу оформлен в виде цельной истории геноцида казаков. Он создавался поэтапно,

причем под заметным влиянием субъективного фактора, т.е. многое определялось тем, из какого войска происходили предки активистов возрождения. В июне 1989 г. в воссозданном журнале «Известия ЦК КПСС» был впервые опубликован текст циркулярного письма Орг-

бюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «Об отношении к казакам». В самом письме не упоминается понятие «расказачивание», а предписывается проведение массового террора против богатых казаков и всех казаков, кто принял участие в борьбе с Советской властью. В комментарии же редакции (старшие научные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Л. Жаров и И. Полянский) к опубликованному документу выстраивается нарратив о проведении местными ревкомками политики расказачивания. Говорится о том, что «партийные и советские работники Дона применили репрессии не только к казак-кулакам, воевавшим против Советской власти, но и к обманутым ими середнякам. ...Станицы переименовывались в села, казакам запрещалось носить лампасы, из обращения изгонялось само слово казак. ...События, развернувшиеся на Дону, показали, что установка циркулярного письма оказалась неверной и не способствовала сплочению трудового казачества вокруг Советской власти» [15]. В комментарии не упоминается количество жертв, к которым привела эта политика. Также отсутствует понятие «геноцид», но основная канва нарратива о расказачивании четко выражена. К моменту публикации этого номера «Известий» уже действовали исторические клубы в Ростове и Краснодаре, однако пока не удалось установить, где именно впервые был сформулирован рассказ о расказачивании времен Гражданской войны. В основном до конца 1980-х гг. все ограничивалось семейной устной историей, хотя уже в 1970-х были донские краеведы (например, Константин Прийма), в своих выступлениях затрагивавшие тему Верхнедонского восстания 1919 г.² в контексте несправедливой политики советской власти в отношении казаков [8, с.5].

Идея казачьего национализма и нарратива о геноциде казаков была экспортирована на рубеже 1980–1990-х из эмигрантской среды, когда установились первые связи и была получена соответствующая литература. Значительное влияние на казачьих националистов 1990–2000-х гг. оказали работы дореволюционных и эмигрантских историков-любителей, к которым интеллигенция, составлявшая костяк движения, получила доступ с конца 1980-х гг., когда были установлены первые личные связи со старыми эмигрантами [19]. Идеологи казачьего движения первыми прочли сочинения о Гражданской войне (смотря на нее глазами белых генералов П. Н. Краснова [22], А. В. Голубинцева [13]); журналы

² *Восстание казаков стало реакцией на проведение советской властью политики террора на верхнем Дону в отношении всех казаков, прямо или косвенно участвовавших в борьбе с красными в 1918 г.*

«Родимый край»³ и «Вольное казачество»⁴; обобщающие труды приходского учителя и делопроизводителя Е. П. Савельева о самобытной древней истории казачества как народа [31], генерала И. Ф. Быкадорова [7], генерала А. А. Гордеева [14], историка-демократа С. Г. Сватикова [32]. Под влиянием этих текстов и личного общения, в условиях кризиса идентичности на фоне развала советской системы, деятелями возрождения была сформулирована позиция (активно продвигаемая ими с 1990 г.), согласно которой казаки – этнокультурная общность/народ.

Ведущая роль в формировании виктимного нарратива принадлежала активистам возрождения из интеллигенции, занимавшихся изучением истории казачества. В 1991 г. суть этой позиции выразил историк-атаман Владимир Громов: «Расказачивание, охватившее все районы исторического проживания казаков уже в 1918–1920 гг., привело к безвинным, бесчисленным жертвам. Более 1 миллиона 250 тысяч казаков было фактически уничтожено, сотни тысяч покинули Родину, и кости их рассеяны по всему свету. Начавшаяся в 30-е годы коллективизация по сути своей представляет второй этап расказачивания, в результате которой голод, охвативший наш благодатный край, привел к вымиранию многих станиц, выселению. Вопреки всем тяготам и лишениям казачество выжило, и не просто выжило, но играло и играет важную роль в экономической и культурной жизни края и страны» [3].

Принято считать, что 24 января 1919 г. – сакральная дата поминовения начала геноцида прежде всего для донских казаков. Для терцев характерна память о выселениях советской властью 25 тыс. казаков в 1918 и 1920–1921 гг. (в качестве памятной даты принято 27 марта 1920 г.). Однако в самом начале возрождения, в сентябре 1990 г., заместитель атамана Союза казаков Ставропольского края, терский казак и поэт В. В. Ходарев в программном выступлении формулировал исторический нарратив не так однозначно. В его интерпретации расказачивания, «мудрая политика большевиков Терской Республики омрачилась рядом непродуманных и поспешных решений Терского совнаркома, приведших к трагическим последствиям и геноциду населения ряда станиц» [33, с.19]. Эта идея раскрывается через санкционированное Орджоникидзе выселение в августе 1918 г. жителей станиц Тарской, Сунженской, Фельдмаршельской, но го-

³ Журнал был историко-культурным изданием правления Казачьего союза и печатался в Париже в 1929–1931 гг. под редакцией донского казака Н. М. Мельникова.

⁴ Печатный орган самостийников Вольно-казачьего движения, агитировавших за создание независимого государства Казакия на традиционных казацких землях юга России. Журнал выходил под редакцией одного из лидеров движения кубанца И. А. Билого в Праге (1927–1934) и Париже (1934–1939).

раздо больше внимания уделяется циркулярному письму Оргбюро, подписанного Свердловым и повлиявшим не только на Дон, но и на Кубань с Терекком, откуда «70 тыс. казаков гнались этапом на Урал, за три дня было уничтожено 35 тыс. казаков» [33, с.20]. Основной тезис заключается в том, что казаки Кубани и Терека были первыми, к кому советская власть еще в самом начале своего существования применила практики массовых репрессий и незаконных выселений целых станиц. Для кубанцев более распространено применение понятия геноцида к процессу коллективизации конца 1920-х – начала 1930-х гг. и сопутствующего голода. Однако к 1990–1991 гг. складывается общий нарратив о геноциде казаков с принятой для всех памятной датой 24 января. С начала 1991 г. стали проводить коммеморативные мероприятия. Например, кубанский атаман Громов приказал «в связи с 72 годовщиной выхода циркулярного письма оргбюро ЦК от 24.01.1919 о геноциде против казачества, подписанного Свердловым и Троцким, провести массовое мероприятие с целью почтить память всех убиенных казаков панихидой в войсковой Троицкой церкви» [2].

Виктимный нарратив политически использовался для того, чтобы возрожденное казачество получило официальное признание как этническая общность, т.е. отдельный народ, который пострадал от советской власти и имеет право на восстановление насильственно утраченных прав собственности на землю и административное самоуправление территорией. В Декларации казачества России 1990 г. казаки определяются как самобытный народ, корни которого, тесно переплетаясь с судьбами великороссов, малороссов, некоторых народов Северного Кавказа, уходят в глубокую древность [1, л. 115].

26 апреля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в тексте которого казачество определялось как исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей, которая признается репрессированным народом [1, л. 120]. Однако реализация этого закона по отношению к конкретному народу требовала принятия отдельного законодательного акта, поэтому казачьи деятели развернули активную кампанию, требуя принятия закона о реабилитации казаков. 9 декабря 1991 г. президент РСФСР Б.Н.Ельцин издал распоряжение о создании комиссии, включающей представителей казачества, по разработке специального казачьего закона [28]. В итоге летом 1992 г. был издан Указ Президента РФ «О мерах по реализации Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" в отношении казачества», а также Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации казачества», в разработке которых приняли участие представители казачьих организаций. Эти документы обычно рассматривались активистами возрождения в связке и закрепляли за казачеством статус

культурно-этнической общности, предполагая его реабилитацию наравне с другими репрессированными народами. Признавались права казачества на «возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства и общепринятых прав человека; установление территориального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных для казачества формах в соответствии с Законом "О местном самоуправлении в РФ"; возрождение в пределах действующего законодательства традиционных для казачества форм землевладения, землепользования и распоряжения землей (без ущемления прав других граждан, проживающих в той же местности и не относящихся к казачеству), несения воинской службы в частях Вооруженных Сил и Пограничных войск РФ; восстановление традиционных наименований населенных пунктов и местностей, улиц, площадей, объектов культуры и иных объектов на основе свободного волеизъявления всех групп населения в местах компактного проживания казачества на основании действующего законодательства; создание общественных казачьих объединений с исторически сложившимися названиями» [1, л. 179–181]. Таким образом, с одной стороны, заявлялось о правах казачества на восстановление их традиционных политических, социально-экономических и культурных форм существования, но, с другой стороны, обязательным условием было соответствие действующему законодательству РФ и согласие неказачьего населения. В реальности же сочетание практик начала XX в. с правовыми нормами конца столетия представлялось трудновыполнимым, поэтому указ и постановление имели скорее декларативный характер, о чем впоследствии постоянно будут заявлять сами казаки.

Атаман Громов, принимавший непосредственное участие в создании виктимного нарратива и обозначенных законодательных актов, объясняет стремление добиться этнического статуса следующим образом: «Нужно было заручиться поддержкой тех народов, которые были подвергнуты репрессиям. Карачаев, ногайцев и других. Тогда была важна их поддержка и понимание. Нужно было заручиться поддержкой тех депутатов, которые увидели в казачестве патриотическую силу. Депутатов Верховного Совета, Краснодарского края. Другое дело, что потом встал вопрос: А что понимать под казачеством? Сословие, куда его затолкала царская власть? Как и все общество российской империи. Или что-то другое? Сословие – категория преходящая. Было – отменили. Этническое – категория вечная, и упразднение означает геноцид и осуждение общественности и закона. Поэтому и ставилась вот эта формулировка» [18]. Представители власти все равно понимали этот феномен как сослов-

ную группу с набором специальных характеристик и обязанностей, и это напрямую противоречило идее активистов возрождения, идентифицировавших себя как народ (этнокультурная общность).

Красные vs белые: старые слова, новые смыслы

С самого начала движения возрождения активисты и их организации делились на условных «красных» и «белых». Такая дифференциация

не всегда объяснялась тем, симпатии к какой стороне времен Гражданской войны разделяет человек. Зачастую деление проводилось в соответствии с политическими взглядами, высказываемыми во время перестройки: консервативными – поддержка советского государства конца 1980-х и возможное членство в КПСС; антикоммунистическими – палитра политических идей, сочетающая в себе и желание возвращения монархии, и создание казачьих автономий. Однако мало кто из казачьих активистов сам себя называл «красным». В основном это была идентификация, проводимая их противниками. Попытка возродить действительно красных казаков была предпринята на Дону только местной властью при поддержке творческой интеллигенции.

Апелляция к геноциду и расказачиванию являлась основой для требований восстановления казачьих административно-территориальных образований и возврата войсковой земли уже казачьим обществам. Трудно сказать, что озвученные требования можно отнести к идее красного казачества, тем не менее большинство наиболее организованных и многочисленных казачьих обществ оказалось «красными». Однако историческая память не была основным критерием определения, к какому лагерю относятся человек и его организация. Например, Кубанская казачья рада во главе с Владимиром Громовым считалась «красной», поскольку многим казалось, что ее верхушка – наследники красных казаков, желающих восстановить государственную службу казачества. С одной стороны, среди предков большинства активистов были те, кто так или иначе принял советскую власть. В то же время сам Владимир Громов был беспартийным и к 1990–1991 гг. стал транслировать нарратив, который обвинял советскую власть в геноциде казаков, требуя полной реабилитации за расказачивание во время Гражданской войны и репрессии 1930-х гг. Таким образом, по своим ценностям Громов не был «красным» в общепринятом понимании. Он стоял на позициях возрождения культурно-этнической общности, то есть казачьего народа, но в то же время не разделял сепаратистских самостийных идей, которые продвигали «белые» казачьи националисты. В 1991 г. от Рады отко-

лолись «белые» лидеры Владимир Головченко и Евгений Нагай, создавшие Кубанское казачье войско (далее – ККВ)⁵.

Портрет Владимира Громова в 1992 г. и Евгения Нагая

На Кубани это разделение было использовано в политическом конфликте 1991–1992 гг. между новым главой администрации края В.Н.Дьяконовым и местной партийной элитой. «Красная» Рада Громова активно выражала позицию против продажи земли в Краснодарском крае в частные руки, заявляя о правах на нее Кубанского войска как коллективного собственника, соответственно казачьим традициям. Дьяконов был ставленником Ельцина

⁵ Во избежание путаницы с названиями организаций приведем краткую хронологию. Кубанская казачья рада была образована в 1990 г., ее атаманом был избран Владимир Громов. В 1992 г. организация была переименована во Всекубанское казачье войско (ВКВ). В 1991 г. было создано альтернативное Кубанское казачье войско (ККВ) атаманов В. Головченко и Е. Нагая. Впоследствии ВКВ и ККВ объединились, но лидеры ККВ Е. Нагай и Л. Голубенко этого не приняли и ушли. В 1998 г. ВКВ Громова было зарегистрировано в государственном реестре казачьих обществ под названием Кубанское войсковое казачье общество, также его стали именовать Кубанским казачьим войском (ККВ). В 1999 г. в качестве межрегиональной общественной организации было зарегистрировано Всекубанское казачье войско (ВКВ) атамана В. Комлацого. Такое разделение на реестровое ККВ и общественное ВКВ сохраняется по сей день.

и убежденным сторонником приватизации, что стало почвой для конфликта с Громовым. На этом фоне губернатор приблизил к себе и стал финансировать «белое» ККВ, выступавшее оппозицией Раде. Громов и Нагай начали борьбу за политическое влияние в крае. Каждый из них писал в Москву, выказывая абсолютную поддержку или недоверие Дьяконову, требуя его отставки. В итоге губернатор под давлением местной элиты, Совета народных депутатов и «красных» казаков Громова был снят с должности в декабре 1992 г. Со следующим губернатором природным казаком Николаем Егоровым атаман Громов наладил тесные связи, навсегда вытеснив Е. Нагая и его «белое» войско из рядов политической элиты края.

К «красно-белой» проблеме апеллировал и атаман Союза казаков Области Войска Донского (СКОВД) Сергей Мещеряков в своей борьбе за власть среди казаков. Копируя образ П.Н.Краснова и характеризуя себя как «белого автономиста», на II Большом Круге Союза казаков, проходившем в Ставрополе 7–10 ноября 1991 г., он попытался занять место «красного имперца» атамана СК А.Мартынова, но большинство казаков поддержало последнего. Тем не менее Круг признал СКОВД правопреемником независимой ка-

Портреты Сергея Мещерякова и Петра Краснова для наглядности копирования стиля

зачьей Донской республики, что позволило Мещерякову решительно действовать в Ростовской области. В 1991–1992 гг. общественная организация СКОВД, объявив себя полноправным преемником Войска Донского, претендовала на роль административно-территориальной единицы [29, с. 139].

Именно это было основой программы атамана С.Мещерякова, желавшего возродить «незаконно упраздненное административное образование – Область Войска Донского как субъекта Федерации в составе России. Предпочел бы вовсе не употреблять слово "республика", дабы не дразнить гусей. Но не получается. По всем правовым актам, действующим ныне в России, восстановить поруганную справедливость, историю пережившего геноцид казачества, все его пять признаков можно лишь через статус республики... Итак, его признаки. Земельная войсковая собственность. Казаки за частное землевладение, однако при общинном землепользовании... община единоличников поддержит, обеспечит наиболее безболезненный переход от дикого рынка к хозяйствованию по типу американского фермерства» [24]. Идеалом даже для самого радикального атамана выступало устройство ОВД (Область Войска Донского) с его самоуправлением, а не красновская Донская республика с идеей казачьей национальной независимости. Однако терминологическая путаница и выработка нового политического языка в начале 1990-х гг. вводили общественность и власть в заблуждение. В целом, нельзя сказать, что в первой половине 1990-х гг. казачьи организации Ростовской области добились успеха во взаимодействии с местной властью, что могло бы способствовать их интеграции в систему государственной службы. Впрочем, нельзя также утверждать, что занятие военным делом было желанной целью донских казачьих организаций. Более всего местные лидеры, будучи «белыми», хотели добиться независимого от Москвы положения в выстраивании собственной политики на Дону. Свою негативную роль в этом процессе сыграла гетерогенность казачьего движения на Дону, конкуренция между атаманами разных обществ (создававшими свои вооруженные структуры) и их частая сменяемость.

Атаман входившего в СКОВД, но бывшего в другом субъекте федерации Волгоградского округа донских казаков (ВОДК) Александр Бирюков смог выстроить продуктивный диалог с главой администрации области И.П.Шабуниним, который и сам происходил из казачьего рода. Сочувственно к делу казачества отнеслись и в Волгоградском областном совете народных депутатов. Примечательно, что Волгоград исторически не входил в территорию Области Войска Донского, а в 1990 г. стал центром возрождения казачества в области – прямой результат процесса урбанизации середины XX в., когда казаки стали массово уезжать из станиц. Бирюков прекрасно понимал, что «возрождение казачества и связанные с этим проблемы мы должны решать законным путем, совместно с новыми структурами власти. А центральная власть у нас здесь, в Волгограде. В ее руках финансы, культура, промышленность, наука. Наша

задача – сделать все для того, чтобы весь этот потенциал заработал на возрождение» [4]. Осознавая важность взаимодействия с властью, атаман концентрировался на культурно-этническом возрождении, вопросах установления самоуправления и получения земли для Войска Донского, а тема службы государству оставалась в стороне. Но все же Бирюков был выходцем из волгоградского обкома и занимал там руководящие должности, что позволяло противникам называть его «красным».

Вопрос о такой дифференциации поднимал на Большом круге ВОДК товарищ атамана Союза казаков Владимир Наумов: «Казаки веками создавали Россию, защищали ее. Сегодня Россия не поднимется без казачества, а казачество – без России. Главной функцией казачества всегда была защита отечества. Мы вплотную подошли к тому, чтобы стать государственной структурой. Для этого мы должны знать, что возрождаем? А возрождаем мы тяжелую государственную службу. ...У нас до сих пор еще есть разговоры о белых и красных. Такие рассуждения погубят казачество. Я, например, служил 23 года отечеству своему. Так разве я красный?» [5].

Политический конфликт 1993 г. между президентом Ельциным и парламентом разделил казаков: «белые» поддерживали Ельцина, а «красные» выступили за его отставку. На Кубани это было противостояние В.Громова и Е.Нагая, а в Волгограде от ВОДК атамана Бирюкова откололся В.П.Мелихов⁶, создавший со своими казаками отдельный Зацарицынский округ, который независимо вошел в состав СКОВД. По остальным ключевым вопросам, т.е. восстановлению самоуправления на территории бывшей ОВД и возвращению земли в коллективное пользование казачества, Бирюков и Мелихов имели схожие взгляды. Последний же имел амбиции быть независимым атаманом и обвинял оппонентов в «красноте». Такое разделение существовало на протяжении 1990-х и 2000-х гг.

В 2005 г. в Новочеркасске на площади Ермака, в центре которой располагается Войсковой Вознесенский кафедральный собор, был установлен памятник Примирения и Согласия⁷, который должен был символически закрепить преодоление конфликта между потомками красных и белых ка-

⁶ Не путать с его полным тезкой В.П.Мелиховым, который является независимым казаком-общественником и создателем музея «Донские казаки в борьбе с большевиками» в станице Еланской и Музея антибольшевистского сопротивления в Подольске.

⁷ В Краснодаре в 1997 г. (год 80-летия революции, объявленный президентом годом примирения) был заложен, а в 1998 г. открыт памятник с таким же названием, центральной композицией которого являются лежащие рядом красноармейская буденовка и казачья папаха. Они окружены золотым кольцом с надписью «екатеринодарцам – жертвам гражданской войны». В 2019 г. в Краснодаре местными властями на Всесвятском кладбище был открыт мемориальный комплекс «Расстрельный угол», по своему символическому назначению дублирующий памятник примирения.

заков среди всех 12 войск, названия которых перечислены на гранитных тумбах, окружающих скульптурную композицию. На переднем крае постамента по центру выгравировано «Всевеликое Войско Донское», которое выделяется из всех остальных перечисленных войск, поскольку инициатором создания монумента был атаман реестрового войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» (ВКО ВВД) В.П.Водолацкий. Он выражал претензии на то, чтобы Войско Донское имело статус главного казачьего войска России, конкурируя в этом с кубанцами.

Памятник Примирия и Сogласия установлен в 2005 г. в Новочеркасске

Символически идея примирения выражена тем, что с одной стороны от надписи «Всевеликое Войско Донское» лежат буденовка и винтовка («красные»), а с другой – фуражка, пашка и башлык («белые»). Чуть ниже, на отдельной мраморной плите монумента, надпись гласит: «Во имя памяти о прошлом. Во имя настоящего и будущего казачества. Мы пришли к примирению и согласию. Слава Богу, мы – казаки». Открытие было приурочено к торжествам по случаю 200-летия Новочеркаска, который ранее был провозглашен всемирной столицей казачества. На церемонии из знаковых фигур, помимо В.П.Водолацкого и других реестровых атаманов, присутствовали советник Президента РФ по вопросам казачества генерал Г.Н.Трошев, губернатор Ростовской области В.Ф.Чуб, т.е. представители

федеральной и региональной власти, церковные иерархи, а также глава Российского императорского дома великая княгиня Мария Владимировна.

К истории обратился мэр Новочеркаска, а по совместительству и окружной атаман Анатолий Волков: «Два миллиона казаков погибли во время смуты и революции. Много их полегло во время коллективизации и репрессий. Памятник ставит точку во всех распрях среди русского православного народа, среди казаков. Думаю, что мы в едином порыве должны стремиться к тому, чтобы сделать наше государство самым сильным, самым могущественным. И у нас для этого все есть. Есть вера, есть Дон и есть Отечество» [25]. Приведенный текст свидетельствует о том, что Волков сначала обращается к виктимному нарративу о расказачивании во время и после Гражданской войны, акцентируя в упоминаемый период тенденцию роста числа жертв среди казаков. В 1991 г. атаман Громов говорил о 1 млн 250 тыс. [3], исследователи же оценивают потери казаков в 250–500 тыс. [9]. Затем мэр-атаман переходит к примирительному нарративу и через него выходит на тему государственной службы, которая, по его убеждению, теперь является смыслом существования казаков. Мемориал не воспринимался его создателями и местными властями как относящийся к внутриказачьим делам, хотя это заявлено в его названии и надписи на плите. Главный же посыл был во включении казаков в общероссийский контекст и демонстрации их лояльности государству.

После открытия памятника состоялось заседание II Всемирного конгресса казаков. В своей речи атаман Водолацкий заявлял: «Казачество искусственно разделили на красных и белых, на общественных и государственных. Я думаю, что у лидеров казачьего движения достаточно ума, чтобы понять: только вместе мы сможем содействовать решению задач, стоящих перед нашей Россией. Братья казаки! Мы присутствуем на историческом Круге. Общественные и "реестровые" казачьи организации объединились. Нанесен сокрушительный удар по деструктивным силам, которым была выгодна разобщенность казачьих организаций. Помните, вместе – мы сила, порознь – добыча врагов Отечества» [26]. Однако за примирительной и объединительной риторикой явно проступало, наряду с личными амбициями В.П.Водолацкого, стремление утвердить мысль о казачестве как представителе государственной власти⁸.

⁸ Сделал внушительную политическую карьеру, став с 2007 г. членом ВПП «Единая Россия» и ее координатором по работе с казачеством; стал депутатом Госдумы V–VIII созывов, первый заместитель председателя комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками; член Совета при Президенте РФ по международным отношениям, член Совета при Президенте РФ по делам казачества. В ноябре 2012 г. сложил с себя полномочия атамана ВКО ВВД.

Конкурировавший в Ростовской области с государственным казачеством атаман международной общественной организации «Всевеликое войско Донское» (МОО ВВД) Николай Козицын со своими соратниками-казаками в работе конгресса и открытии памятника Примирения и Соглашения участия не принял, напрямую заявив, что Водолацкий выдает желаемое за действительное [26]. Примирение же с красными казаками тоже являлось не более, чем риторическим приемом. Во-первых, в движении возрождения изначально не было красных казаков как приверженцев коммунистической идеи и советской власти в ее первоначальном варианте. Как говорилось выше, только ростовский обком в сотрудничестве с творческой интеллигенцией

Атаман Водолацкий принимает в казаки президента РФ В.В.Путина, 2005 г.

еще в 1980-х пытался возродить красное казачество. Во-вторых, нарратив о расказачивании и устроенном советской властью геноциде был с начала 1990-х гг. (и на протяжении 2000-х гг.) общим для всего казачества. Установка памятника Примирения и Соглашения свидетельствовала о том, что в коллективной памяти возрожденного казачества красные казаки Гражданской войны так и не встали в один ряд с белыми героями... Весь пафос атамана Водолацкого в связи с использованием темы примирения казачества был направлен на убеждение власти в том, что он контролирует ситуацию раздробленности движения и вместе со своими казаками является полностью лояльным власти. Не случайно именно этот атаман занял почетное место

среди присутствовавших на открытии памятника представителях Администрации Президента и политической элиты края.

Заключение

Ранний этап движения возрождения казачества (с середины 1980-х гг.) можно рассматривать в контексте складывания консервативного сектора гражданского общества в России переходного периода. Характерно, что разделение на «красных» и «белых» в рядах этого движения в 1990–2000-х обуславливалось не симпатиями активистов к тому или иному лагерю участников Гражданской войны 1918–1921 гг. и соответствующим политическим идеям. Собственно память о Гражданской войне не играла определяющей роли в расколе движения, поскольку виктимный нарратив о расказачивании оказался консенсусным. Его инструментализировали все новые казачьи общества для переговоров с властью, приобретая социальный и политический капитал. Основная демаркационная линия проходила по вопросу о государственной службе казачества. Атаманов и их общества, которые выражали желание или готовность служить старому советскому или новому российскому государству, называли «красными», поскольку власть в стране оказалась тогда в руках прямых наследников коммунистов. Словом «красные» их противники маркировали тех казаков, кто желал сохранения единого государства и возрождения великодержавности, т.е. воспроизводились вполне «белые» идеи времен Гражданской войны. Современные же «белые» не хотели брать никаких обязательств перед государством, стремясь получить казачью политическую автономию или, как минимум, оставаться общественными организациями, что в итоге и получилось.

Государственная служба в целом объявлялась традиционной для казаков, но ее конкретные формы в конце XX в. никак не соответствовали историческому образцу начала века. Государственный реестр казачьих обществ, принятый в 1995 г., задумывался его авторами как то, что поможет упорядочить казачье движение. Предполагалось, что более тесное сотрудничество с государством будет способствовать переходу от общественных организаций к действительно серьезной и масштабной деятельности по возрождению казачьего народа. Однако, по оценкам самих лидеров казачьего движения, переход на полностью служилые рельсы после 2005 г. привел к бюрократизации этого движения и отказу от его первоначальной цели – построения культурно-этнической общности на базе реестрового казачества [16; 17; 18].

Библиографический список

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р-1843 (Кубанское казачье войско). Оп.1. Д.2.
2. ГАКК. Ф.Р-1843. Оп.1. Д.1. Л.23.
3. ГАКК. Ф.Р-1843. Оп.1. Д.3. Л.88.
4. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.13322 (Общественно-патриотическая организация «Волгоградский округ донских казаков»). Оп.1. Д.4. Л.5 // Протокол II Большого круга ВОДК от 28 сентября 1991 г.
5. ЦДНИВО. Ф.13322. Оп.1. Д.7. Л.30–31 // Протокол III Большого круга ВОДК 19 декабря 1992 г.
6. Бурмагин А.Г. От Кубанского казачьего клуба к Кубанской казачьей Раде. Краткая история начала возрождения кубанского казачества 1989–1992 годы. Краснодар, Пульс-Софт. 2009. 319 с.
7. Быкадоров И.Ф. История казачества. Прага: [б. и.]. – (Библиотека Вольного казачества – Вільного козацтва). 1930. 177 с.
8. Венков А.В. Вешенское восстание. М.: Вече. 2012. 336 с.
9. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. №1. С.275–290.
10. Видеоинтервью Петра Молодидова в 2005 г. – Электронный ресурс: URL: <https://ok.ru/video/1695751539230> (Дата обращения: 27.11.2022 г.).
11. Войтов И.Г. Автобиография // Донской временник. Вып.11. 2002. С.125–128.
12. Воронин К.В. Зарождение и становление реконструкторского движения на Дону // Русская старина. 2018. №9. С.36–52.
13. Голубинцев А.В. Русская Вандея. Очерки Гражданской войны на Дону. 1917–1920 гг. Мюнхен: [б. и.], 1959. 210 с.
14. Гордеев А.А. История казаков. В 3-х ч. Париж: Société d'Impressions Périodiques et d'Éditions, 1968–1970. Переиздано в России в 1992 г.
15. Известия ЦК КПСС. 1989. №6 (июнь). С.177–178.
16. Интервью автора с А.А.Бирюковым 20.09.2022 г.
17. Интервью автора с В.А.Бобыльченко, 29.09.2022 г.
18. Интервью автора с В.П.Громовым. 08.10.2022 г.
19. Интервью автора с В.П.Мелиховым. 03.04.2023 г.
20. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1995. 248 с.
21. Козлов А.И. Каменистыми тропами. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2008. 576 с. С.34.
22. Краснов П.Н. Венок на могилу Неизвестного солдата Императорской Российской армии. Варшава: Zakł. Graf. E. iD-raK. Kozińskich, 1924. 51 с.

23. Мацневский Г.О. Первые организации движения за возрождение казачества: от фольклорно-этнографических к общественно-политическим // Современные исследования социальных проблем. (электронный научный журнал). 2012. №4 (12). – Электронный ресурс: URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения 18.12.2023)
24. Московские новости. 1992. №21. 24 мая.
25. Новочеркасск.net 13.09.2005 / Электронный ресурс. – URL: <https://novoчеркасск.net/press/lavochka/2005/09/30964-памуатник/> (Дата обращения: 19.09.2023).
26. Независимая газета. 03.10.2005 // Бондаренко М. Каждый атаман остался при своей правде. – Электронный ресурс: URL: / https://www.ng.ru/regions/2005-10-03/13_ataman.html (Дата обращения: 19.09.2023).
27. Озеров А.А., Киблицкий А.Г. Возрождение казачества в новой России. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2004. 304 с.
28. Распоряжение президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики о создании Комиссии по подготовке проекта Закона РСФСР «О реабилитации казачества» от 9 декабря 1991 г. – Электронный ресурс. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?dobody=&prevDoc=102011245&backlink=1&nd=102013491&rdk=> (Дата обращения: 09.12.2022 г.)
29. Рвачева О.В. Возрождение казачества юга России в конце XX – начале XXI века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 390 с.
30. Решение Президиума Ростовского областного Совета народных депутатов №95 от 13.12.1990 г. «Об отношении Советов народных депутатов, их исполкомов к возрождающемуся казачеству» // Государственные акты по вопросам российского и донского казачества. Т.2. (1991–2000 гг.). Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. 250 с.
31. Савельев Е.П. Древняя история казачества: В 6 вып. Новочеркасск: Донской печатник, 1913–18.
32. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград: Донская историческая комиссия, 1924. 603 с.
33. Ставропольский краевой союз казаков. Ставропольское казачье войско, 1990–2010 / Сост. Д.В.Стригунов, П.Д.Деев. Ставрополь: Сервисшкола, 2010. 348 с.
34. Таболина Т.В. Казаки: Драма возрождения: 1980–1990-е годы. М.: ИЭиА РАН, 1999. 252 с.
35. Хандожко Р.И. Массовое историческое сознание в контексте социально-политических трансформаций, 1985–1991 гг.: региональный аспект. Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Ростов-на-Дону, 2010. 188 с.
36. Чуев С.В. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М: Издательские решения. 2020. 306 с.
37. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. The MIT Press, Massachusetts, 1991. 301 pp.
38. Gray J. From Post-Communism to Civil Society: The Reemergence of History and the Decline of the Western Model // Social Philosophy and Policy, Vol.10, Issue 2, Summer 1993, pp. 26–50.

Партия есть организованное
общественное мнение.

Б. Дизраэли

Революция – не постель из роз. Революция – это битва между прошлым и будущим.

Ф. Кастро

Николай Постников

ХРИСТИАНСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ ФИНЛЯНДИИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

329

В статье рассматривается история возникновения клерикального Христианского рабочего союза Финляндии и его деятельность во время революции 1905–1907 гг. Анализируются программа, численность, социальный состав, организационная структура, цели и задачи Союза. Показаны особенности формирования идеологических парадигм Союза, которые представляли собой своеобразное сочетание христианских догматов о равенстве и социально-экономических, а также политических требований той части рабочего класса, которые видели в христианской вере основу человеческого бытия.

The article deals with the history of the emergence and activities of the clerical Christian Workers' Union of Finland during the 1905–1907 revolution. It analyses the Union's programme, numbers, social composition, organisational structure, goals and objectives. It shows the peculiarities of the formation of the ideological paradigms of the Union, which were a peculiar combination of Christian dogmas about equality and socio-economic and political demands of the part of the working class that saw the Christian faith as the basis of human existence.

Ключевые слова: Христианский рабочий союз Финляндии; рабочий класс; христианство; социализм; христианские догматы; лютеранское духовенство; религиозность; клерикализм.

Key words: Christian Workers' Union of Finland; working class; Christianity; socialism; Christian tenets; Lutheran clergy; religiosity; clericalism.

E-mail: postnikov-nd@rambler.ru

Конец XIX – начало XX вв. в Великом княжестве Финляндском стал той исторической вехой, когда происходил переход к буржуазному порядку вещей в общественном сознании и к капитализму в экономической жизни, трансформировалась политическая система государства. Этот процесс ускорился во время революционных событий, потрясших Финляндию, как и всю Российскую империю, в 1905–1907 гг. Тогда в Великом княжестве активно формировались новые политические объединения, а уже существовавшие политические партии обретали очередную импульс к развитию и борьбе. Именно в эту переломную эпоху был создан Христианский рабочий союз (далее – ХРС. – *Н.П.*), который оставил яркий след в политической истории Финляндии.

Христианский рабочий союз: рождение и первые шаги Об образовании политической организации, поставившей своей целью объединение идей христианства и социализма, было объявлено 16–

19 июня 1906 г. в Таммерфорсе на проходившем учредительном собрании ХРС. Собрание утвердило название партии, приняло устав и программу. Союзом были созданы или включены в свой состав уже существовавшие христианские рабочие объединения и профсоюзы, а также ряд молодежных и женских христианских организаций, которые все вместе и стали организационной основой ХРС. К моменту его создания в Финляндии действовало 26 христианских ассоциаций и 3 христианских союза [10, s.2]. Первый христианский союз был основан еще 11 ноября 1905 г. в Таммерфорсе [10, s.2; 15, s.2]. Вслед за ним в начале 1906 г. подобные объединения появились в Урьяла, Пялккане и Руовеси. Центральными печатными органами ХРС стали газеты «Тахти» (“*Tähti*”, «Звезда») (1905–1913) и «Тюеканса» (“*Tuökansa*”, «Рабочие люди»). Последнее из упомянутых изданий выходило с 1906 г. в Таммерфорсе, причем первый номер газеты 4 октября 1906 г. появился под названием «Кристиллинен Тюеканса» (“*Kristillinen Tuökansa*”, «Христианские рабочие»). Еще одним печатным органом ХРС была газета «Вельейс» (“*Weljeys*”, «Братство»), выходившая с ноября 1906 г. по 1908 г. в Гельсингфорсе. В последующие годы Союзом также издавались газеты «Ууси айка» (“*Uusi Aika*”, «Новое время») (1910–1912) и «Ууртаја» (“*Uurtaja*”, «Исследователь») (1912–1914).

Местные организации (отделы) ХРС создавались по национальному признаку. Абсолютное большинство отделов были финскоязычными, но существовали и шведско-язычные отделы. Так, например, шведско-язычные отделы Союза действовали в Гельсингфорсе и в Або. В струк-

Первый пробный номер газеты «Tähti» от 20.12.1905 года

Первый (нулевой) номер газеты «Kristillinen Työkansa» от 04.10.1906 года

туре ХРС также были созданы женские и молодежные отделы. Союз выступал за сохранение автономии княжества и против интеграции Финляндии в политическую систему России. ХРС на всех уровнях, в том числе и в Сейме, выступал за введение сухого закона. Численность ХРС не установлена. Однако известно, что тираж газеты «Таhti» («Tähti», «Звезда») был относительно большим. В 1906 г. он составлял 6.000 экз., в 1907 г. – 7.000 экз. Эти показатели можно отчасти проецировать и на численность Союза.

Высшим партийным органом ХРС являлся съезд, на котором избирался высший исполнительный орган – Делегация Союза. Местом нахождения Делегации ХРС тайным голосованием был избран Або. При голосовании на съезде за Або было подано 29 голосов, за Таммерфорс – 25 голосов [11, s.2]. Делегация Союза состояла из 28 человек. 4 члена избирались от ее отдела в Або, остальные 24 члена – от местных организаций. Непосредственно Союзом управлял Руководящий комитет. На съезде избиралось высшее должностное лицо – Председатель Союза. Отделы на местах объединялись по территориальному принципу

TYÖKANSAN

Suomen kristillisen työväen äänenkannattaja.

No 00. Tietolaita Joulukuun 4 p. 1906.

Tampereen Kirkollinen Kirjakauppa.

(Kauppatorin vastaisella, Consonen torilla.)

Suositua arvomaaillo yleisellä ja m. seuravärvä tavalla:

Lukemattomia y. m. kirjastoja
Pöytäkirjoja
Kokouksia
Yhteisiä
Kansainlauluja

Maanviljelys-kirjat
Lähtökäsikirjat
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Alkääv unhottako käydä katsomassa kauppaamme!

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Maanviljelys-kirjat
Lähtökäsikirjat
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

J. Tirkkonen
Tampere.

Seuravärvä tavalla
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

WELJEYS.

Näyttenumero Lauananta Marraskuun 24 p:nä 1906

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

J. Tirkkonen
Tampere.

Seuravärvä tavalla
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Uusi ilmestys
1907.

Kokous
Kokouksien
Kokouksien
Kokouksien

Первый (нулевой) номер газеты «Työkansa» от 04.12.1906 года

Первый пробный номер газеты «Weljeys» от 24.11.1906 года

в Окружные организации, во главе каждой из которых стоял Окружной комитет. Цель ХРС, как было заявлено на съезде, «состояла в том, чтобы бедные жители Финляндии поднялись из того жалкого положения, в котором они находятся сейчас, и в то же время, чтобы христианство все больше и больше укреплялось среди нашего народа» [11, с.2].

Идеология Союза: между двух огней

Первой борьбой рабочего движения и Социал-демократической партии Финляндии. Христианство и церковь в рабочем движении и в Социал-демократической партии воспринимались как идеология и институт, которые были направлены на одурманивание рабочих и оправдание их эксплуатации, как силы, тормозившие развитие общества. Социал-демократы считали церковь вместе с армией и полицией политическими столпами капитализма, а, значит, враждебными государственным

Появление ХРС как политической организации было отнюдь неслучайным, а стало во многом следствием антирелигиозной и антицерковной борьбы рабочего движения и Социал-демократической партии Финляндии. Христианство и церковь в рабочем движении и в Социал-демократической партии воспринимались как идеология и институт, которые были направлены на одурманивание рабочих и оправдание их эксплуатации, как силы, тормозившие развитие общества. Социал-демократы считали церковь вместе с армией и полицией политическими столпами капитализма, а, значит, враждебными государственным

институтами, поэтому к церкви и духовенству социал-демократы относились не просто негативно, а порою с нескрываемой враждой. Особой нетерпимостью к церкви отличались члены Социал-демократического союза рабочей молодежи (СДСРМ). На съездах СДСРМ звучали откровенно враждебные церкви высказывания, такие, например, как «церковь рухнет в самое ближайшее время» [17, s.305] и «народ решил свергнуть жадную и жестокую церковь» [17, s.305].

Рабочая и социал-демократическая печать постоянно публиковала на страницах своих изданий статьи, развенчивавшие христианские ценности, обличавшие церковь и христианскую мораль. Примером тому может служить статья русского социолога и экономиста А. А.Исаева «Социализм и христианство» опубликованная в 1906 г. на страницах социал-демократического журнала «Тьюмиехен Илланвиетто» (“Tuomielen Ilanvietto”, «Вечерний рабочий»). «Социалист, – писал в своей статье А. А.Исаев, – не может быть в то же время христианином, потому что он знает человеческую природу лучше, чем когда-либо знали даже самые видные представители христианства. <...> Он (социалист. – Н.П.) старается призвать рабочих к классовому сознанию, как и всех тех, кто терпит угнетение и несправедливость вообще, и старается освободить их от церкви, распространяющей страх и зависимость» [18, s. 10]. «Религия, – заключал А. А.Исаев, – <...> становится все более ненужной» [7, s.35]. Другой автор в этом же журнале в статье «Как зародилось христианство?» писал: «Христианство по своей сути есть не что иное, как система шантажа, придуманная несколькими негодьями на основе глупости народа. Но распространение просвещения должно уничтожить этого угнетателя, препятствующего прогрессу, которому человечество ничем не обязано» [14, s.81–83].

Антирелигиозные взгляды были характерны не только для рабочего движения, но и для либерально настроенных слоев общества. Таким образом, антирелигиозные взгляды были широко распространены не только в рабочей среде.

Ярким примером распространения антирелигиозных взглядов в среде образованных слоев населения стало создание в октябре 1905 г. университетской либеральной молодежью, в основном шведоязычной, «общества Прометей» (“Prometheus-seura”, «Прометеус-сеура»). Общество выступало за отмену религиозного обучения в школе, введение гражданского брака вместо церковного, отказа от церковной присяги в суде. Эти требования были созвучны взглядам социал-демократов и рабочего движения, поэтому руководители профсоюзного движения и соци-

ал-демократов активно включились в работу общества. В руководство «Прометея» входил один из руководителей Шведского рабочего союза и Социал-демократической партии Финляндии К. Х. Вийк.

Особенно радикализировались антицерковные и антирелигиозные взгляды в рабочей и социал-демократической среде во время и после Великой забастовки (октябрь–ноябрь 1905 г.). Христианская газета «Котимаа» (“Kotimaa”, «Родина») писала в июне 1906 г.: «Во время недели, пока шла (Великая. – *Н.П.*) забастовка, взгляды рабочего класса идейно выросли и окрепли, плотина была прорвана и отказ от Бога свершился, он вырвался наружу вполне созревшим. Прилюдно рабочие стали кричать: "Долой церковь!" "Долой попов!" "Долой христианство!" и тому подобное. Когда вы свободны от всех обязательств, свободны от церкви и свободны от поклонения Богу, тогда и наступит желанное идеальное царство, которое, по учению Маркса, есть свобода во всем здесь, на земле. И этот духовный яд, несущий смерть, теперь должен проглотить наш народ» [6, с.3].

В революции, в рабочем и забастовочном движении консервативно-реакционные и охранительные круги лютеранской церкви видели угрозу самому существованию общества и христианской религии и призывали бороться с ними. В той же газете «Котимаа» (“Kotimaa”, «Родина») за июнь 1906 г., в статье с говорящим названием «Общественная опасность», автор, скрывшийся под псевдонимом «Р.А.» писал: «Горе стране, горе народу! Горе временам, горе нравам!

<...> Неужели понятия справедливости и целомудрия настолько изменились, что убийство, грабеж, мятеж и война больше не считаются преступлениями, если они служат чьим-то корыстным интересам? Как только вы начинаете превозносить насильственные действия как подвиг, общественный порядок исчезает. Я искренне и от всего сердца обращаюсь к христианскому народу Финляндии и к тем, кому еще дорог общественный порядок: что-то нужно делать. Что-то нужно делать, чтобы пробудить заблуждающееся общественное мнение, чтобы увидеть, куда мы в конце концов идем по этой скользкой дороге, которая не только скользкая, но и коварна и ведет к всеобщей гибели.

Когда читаешь о страшном разжигании классово-ненависти, содержащейся в рабочей печати, слышишь злобные угрозы, с которыми выступают закоренелые подстрекатели в своих ежедневных речах, и, наконец, когда думаешь о безумном забастовочном безумии, царящем повсюду, нельзя не догадываться о страшных целях, к которым все это направлено. Это стремление к насилию приведет к всеобщему

несчастью и недовольству, ненависти и фанатизму. Против этого дьявольского яда самым действенным средством является Слово Божье. Мы должны поспешить заняться просветительской работой в нашей стране, в этих заблуждающихся, диких кругах. Ибо то, что есть в христианах, сильнее того, что есть в мирской жизни. Давайте подумаем о тех заблудших несчастных, которые были обмануты ложью и находятся во власти дьявола.

Их души дорого искупать. Но Иисус любит их глубокой любовью Своего Божественного сердца и желает им добра. Необходимо вести внутреннюю просветительскую работу и направлять на дело, в боевые ряды тех, кого обязывает любовь Иисуса. Нельзя терять время! Поднимемся на борьбу с безбожием среди нас самих. Его уже и так достаточно, и нам не нужно больше ждать. Господь поможет нам в этом деле» [25, s.3].

После Великой забастовки антицерковные взгляды проникли даже в крестьянскую среду. Крестьяне стали требовать отделения церкви от государства – те самые крестьяне, которые всегда являлись оплотом устоев традиционного общества. Впрочем, здесь присутствовал и меркантильный момент. Крестьяне не хотели платить зарплату пасторам из своего кармана. В целом, на рубеже веков налицо был серьезный идейный и системный кризис, охвативший лютеранскую церковь Финляндии и потрясший ее основы. Разразившийся кризис вызвал резкое падение престижа церкви в обществе, в том числе в рабочей и крестьянской среде.

Но, несмотря на широкое распространение антирелигиозных взглядов среди рабочих, часть их продолжала придерживаться традиционных христианских ценностей. Правда, таких было немного, и они не избежали влияния социалистических идей о социальном равенстве. Именно в этих кругах (где было немало женщин) появляется понимание необходимости соединения идей исконного христианского вероучения о справедливости и социалистических взглядов; возникает мысль о создании партии на основе христианского социализма. В связи с этим в июле 1906 г. в своей передовой статье центральный орган Христианского рабочего союза газета «Тахти» (“Tähti”, «Звезда») писала: «Мужчины и женщины, которые в бурях и борьбе своей жизни лично ощутили огромную силу религии, осознали, что социальные идеи не могут быть реализованы иначе, как в духе христианства, которое одно только и способно сломить грубую силу капитализма, сокрушить и разрушить золотого тельца <...> ставят свою деятельность на религиозную основу и признают, что доктрины

Церкви играют важную роль в рабочем движении» [13, s. 1]. «Посмотрим правде в глаза, – продолжала газета, – только истинно верующий может быть истинным социалистом» [13, s. 1]. Немаловажно, что эти взгляды получили поддержку среди части социал-демократов. Но все же рабочие, вступавшие в Союз, были враждебны социал-демократам, ибо – в понимании идеологов Христианского рабочего союза – социалисты и финские социал-демократы были, как говорится, «суть разные вещи». Как писала партийная пресса Союза, христианские рабочие «не могли стать социал-демократами по религиозным, патриотическим и национально-экономическим причинам» [22, s. 48].

Однако Социал-демократическую партию Финляндии это не останавливало. Социал-демократы на местах пытались включить в свои ряды религиозно настроенных рабочих. Нередко такое «включение» проходило насильно, с помощью угроз, что встречало непонимание и отпор со стороны этой группы глубоко верующих рабочих и подталкивало их к созданию собственной политической организации. Газета «Тахти» («Tähti», «Звезда»), вспоминая об этом противостоянии в 1905–1906 гг., писала в 1911 г.: «Как помнят все, то было смутное и бурное время. Тогда в трудном положении оказались христиански настроенные рабочие в городах. Их стали принуждать вступать в социал-демократические организации, в некоторых местах для этого прибегая даже к открытым угрозам. Но вот что мешало таким рабочим присоединиться к социал-демократам, так это включенный в программу социал-демократической партии вопрос о религии, согласно которому религия должна была быть объявлена частным делом каждого человека. Это материалистическое мировоззрение было тем камнем преткновения, который не мог преступить христианский рабочий» [10, s. 2].

Своеобразным манифестом защиты христианской веры в рабочей среде стала книга норвежского социал-демократа О.Крингена «Что социалист говорит о церкви?» [9]. Автор заявлял, что ослабление церкви носит временный характер, и что церковь не может исчезнуть, ибо человек жаждет религии и не может без нее. Несмотря на критику книги О.Крингера финскими социал-демократами, ее положения нашли горячий отклик среди глубоко верующей части рабочего класса и стали основой, как и другие схожие публикации, для формирования взглядов Христианского рабочего союза.

О необходимости соединения социалистических и христианских идей о равенстве говорили и по другую сторону, в лагере лютеранской церкви Финляндии. Наиболее радикально настроенные представители

лютеранской церкви открыто заявляли, что «в современном обществе остались только богатые и рабы» [17, s.306]. Говорили они и о необходимости борьбы рабочего класса «с рабством капиталистических сил» [17, s.306]. Ряд пасторов в своих выступлениях шли еще дальше. Они подчеркивали, что требования рабочих о захвате средств производства вполне правомерны, и что Эрфуртская программа не противоречит христианским ценностям, а ее положения позаимствованы из учения Иисуса Христа. Развивая эту мысль, один из пасторов заявил, что «Иисус был первым социалистом. Он заложил основы социализма, и для социализма нет другой основы, кроме той, которая уже была заложена (Христом. – Н.П.)» [22, s.46]. «Социалистическое движение уходит своими корнями в христианство» [12, s.2], – поддерживала эту мысль газета «Тюеканса» (“Tuökansa”, «Рабочие люди»), – ибо «Иисус Христос был и остается величайшим реформатором в мире» [12, s.2]. Представители этого направления лютеранского духовенства призывали священников поддерживать «идеальные устремления социализма» [17, s.306] и «противостоять капиталистам, ибо капиталисты гораздо более противились добрым чаяниям церкви, чем социалисты» [17, s.306].

«Реализовать идеальное социалистическое общество...»

В результате между представителями двух направлений – верующими рабочими и интеллектуалами, стремившимися к социальной справедливости, с одной стороны, и радикальными священнослужителями, не отрицавшими социалистических идей равенства – с другой стороны, возникло понимание о необходимости объединения социалистических взглядов и христианских догм в одно политическое движение, партию.

«Когда мы, – писала газета «Кристиллинен Тюеканса» (“Kristillinen Tuökansa”, «Христианские рабочие»), – большие группы рабочих по разным, главным образом, религиозным причинам не могли вступить в уже организованную Рабочую партию в нашей стране, естественно, что у нас возникла идея организоваться между собой для защиты трудящегося населения и реализовать идеальное социалистическое общество тем путем и средствами, которые мы считаем единственно правильными. <...> Одной из таких форм является общественное движение, имеющее общие черты и характеризующееся уважением к религии, что придает нам библейской веры в Создателя нашего, промысел которого есть суть гармония с ней. *Форма этого общественного движения – христианский социализм* [курсив мой. – Н.П.]» [8, s.1].

Вместе с тем следует понимать, что религиозность, клерикализм и христианские догматы являлись доминантой взглядов и идеологией ХРС, а социализм – только обоснованием этих взглядов и идеологии. Вся деятельность Союза была проникнута религиозно-богословской риторикой. Организация, в первую очередь, выступала как страж и защитник христианской веры и религии, ибо считала эти ценности фундаментом, на котором покоились безопасность и само существование общества. Газета «Тахти» (“Tähti”, «Звезда») писала: «Религия – это сила, которая заставляет всех быть либо за, либо против. Религия не терпит ни посягательства, ни поругания. Тот, кто сопротивляется, будет уничтожен» [13, s. 1] и добавляла, рисуя апокалипсическую картину: «Когда религия будет полностью отделена от законодательства, а через него и от общественной жизни, тогда в стране [Финляндии] наступит полная анархия. И к этой цели ведут сегодня наше общество социалисты-материалисты и буржуа» [10, s. 2]. Членами Союза по определению могли быть только глубоко верующие люди.

Исходя из христианских канонов, ХРС отвергал идею классовой ненависти, выступал за непреложность института частной собственности. Отвергал Союз и насилие как метод борьбы. «Наш долг, – писала газета «Кристиллинен Тюеканса» (“Kristillinen Työkansa”, «Христианские рабочие»), – усердно работать над улучшением условий жизни людей. Эта работа, исходя из наших взглядов, ведется не бомбами и револьверами, а мирным законотворчеством» [8, s. 1].

Так как христианское рабочее движение формировалось на базе христианских ценностей, то непреодолимым водоразделом между социал-демократами и «христианскими рабочими» было отрицание последними главенства идеи материализма в развитии общества. Христианская вера была непреложным догматом Союза. Не одно партийное собрание ХРС не начиналось и не заканчивалось без молитвы и пения псалмов. А, значит, не могло быть и речи об идейном сближении этих двух политических сил. Напротив, христианское рабочее движение складывалась как политическая организация, противостоявшая и противодействовавшая социал-демократическому рабочему движению. Другим врагом верующих рабочих ХРС считал капитализм. «Трудящееся христианское население борется против гнетущего господства капитала, – писал орган Союза газета «Тюеканса» (“Työkansa”, «Рабочие люди»), – <...> Это гнетущее господство капитала есть то, из-за чего один <...> должен терпеть нужду и нищету, особенно если у него большая семья, тогда как другой не работая живет хорошо, вот против чего должны бороться

ся христианские трудящиеся люди» [16, s. 1]. «Так, – продолжала газета, определяя политическое кредо Союза, – велика задача, которую взял на себя христианский рабочий класс Финляндии и которую он хочет осуществить с Божией помощью и в свете слова Его – это борьба с двумя врагами: гнетущим господством капитала и богоотрицающим взглядом на мир» [16, s. 2]. Причиной угнетения ХРС считал не антагонизм классовых интересов и классовую борьбу, а «отсутствие любви и согласия в мире» [16, s. 1], что вполне соотносится с идеологией христианского социализма, которая провозглашает избавление от общественных антагонизмов и уничтожение эксплуатации и капитализма с помощью христианской любви, нравственного совершенствования и сотрудничества классов. Впрочем, несмотря на принятие ряда тезисов и понятий, относящихся к учению христианского социализма, само это учение не стало официальной идеологией Союза.

«Освободить народ от гнетущего господства капитала»

Несмотря на объявление «христианскими рабочими» социал-демократов своими врагами, программа ХРС во многом соответствовала

программным положениям Социал-демократической партии Финляндии о социально-политическом переустройстве общества. Вместе с тем по идеологическим причинам Союз не принимал атеизм социал-демократов. В краткой преамбуле к Программе ХРС ставилась цель – «освободить народ от гнетущего господства капитала» [2, с. 85; 21, s. 377], однако способы «освобождения» в программе прописаны не были, и озвученная цель носила откровенно заявительный характер. Это и понятно, ибо у Христианского рабочего союза отсутствовала разработанная теория или учение, на которые можно было бы опереться, объясняя членам Союза свое видение путей развития общества. Такой пробел являлся следствием того, что в ХРС не было значительных по интеллектуальному масштабу теоретиков-мыслителей, способных удовлетворить идеологический запрос, существовавший среди членов Союза, то есть объединить христианские догматы и социализм в единую идеологию – христианский социализм. Отсутствие подобной теоретической платформы, несомненно, являлось слабой стороной ХРС.

В общеполитической части программы Союза провозглашалось следующее: всеобщее и равное избирательное право, свобода союзов, собраний, слова и печати, равенство мужчин и женщин, введение образования для лиц, занятых физическим трудом, а также другие общедемокра-

тические права и свободы. Рабочему вопросу в программе уделялось приоритетное внимание, причем вопросы христианского образования пролетариата теснейшим образом переплетались с типично социал-демократическими требованиями – введение 8-ми часового рабочего дня, страхование рабочих, ограничение продолжительности рабочего дня для женщин и детей. В аграрной части программы Союз выступал за организацию помощи сельскому хозяйству Финляндии со стороны государства, что должно было способствовать увеличению площади возделанных земель. ХРС заявлял о необходимости наделения землей безземельных крестьян за счет земель, принадлежавших государству и общинам. При этом для сохранения земельных владений, принадлежащих государству и общинам как собственность, программа закрепляла положение о запрете их продажи или передачи в дар. Также в аграрной программе Союза предусматривалась необходимость развития кредита и кооперативного движения на селе. Не был забыт и животрепещущий для Финляндии торпарский вопрос¹. Организаторы ХРС, как и социал-демократы, требовали изменения арендного закона в пользу торпарей, так чтобы «их общественное и экономическое положение было более обеспечено» [2, с. 90]. Аренду участка для торпарей предлагалось продлить до 50 лет. Арендатор земли должен был иметь преимущественное право перед другими арендаторами при заключении нового арендного договора. За правильностью и законностью заключения арендного договора между владельцем земли и торпарем должны были следить арендные комитеты, которые предполагалось создать в каждой общине. Согласно аграрной программе Союза, на государство возлагалась обязанность с помощью особых инспекторов следить «за исполнением арендного закона» [1, с. 171].

В аграрной программе ХРС также были закреплены положения: о праве на охоту, рыбную ловлю и собирание лесных ягод и семян; о сохранении и развитии лесного фонда Финляндии; о развитии образования и профессиональных знаний среди «мелких земледельцев и сельского простого народа» [1, с. 170]. Особо отмечалась необходимость отмены «обременяющих землевладение неестественных повинностей, как-то:

¹ Торпари – в Великом княжестве Финляндском и Швеции (с конца XVI – начала XVII вв. и до середины XX в.) арендаторы небольшого участка земли, сдававшегося землевладельцами вместе с постройками в долгосрочную или пожизненную аренду на условиях отработки. Торпарский вопрос – заключался в необходимости законодательно установить устойчивые договорные правоотношения между арендатором и дворянином-землевладельцем, при которых торпари были бы защищены от произвола владельцев торп. Такому решению торпарского вопроса активно противодействовали дворяне-землевладельцы.

постройка и содержание дорог и мостов, содержание постоянных дворов и почтовая гоньба и т[ому] п[одобное]» [1, с. 170]. Эти повинности, ложившиеся тяжелой ношей на плечи крестьянства и других бедных слоев сельского населения, должны были быть «уничтожены и переданы на попечение государства» [1, с. 170].

Правые и левые в ХРС

С момента образования в Союзе сложилось два направления – левые и правые. Левые во главе с одним из лидеров партии А. Каарне выступали за проведение социальных реформ в духе христианского социализма и социал-демократии. На учредительном съезде партии Каарне отстаивал идею о том, что большая часть социал-демократической программы приемлема для Христианского рабочего союза. И это было не удивительно, ибо Каарне до ХРС участвовал в рабочем социалистическом движении Финляндии. Позицию левых выражала газета «Тюеканса» (“Tuökansa”, «Рабочие люди»), в которой Каарне был редактором. Правые, объединившись вокруг представителей духовенства (лидер – пастор Х. Аутера), придерживались консервативно-клерикальных взглядов и выступали за распространение среди рабочих религиозно-нравственных учений и догматов христианской церкви, придерживаясь идеи аполитичности Союза. Взгляды правых отстаивала газета «Вельейс» (“Weljeys”, «Братство»), в редакцию которой входил Аутера.

В отличие от левого крыла, мотивом участия правых в ХРС было стремление разрешить раздиравшие финское общество накопившиеся религиозные и социальные проблемы мирным путем и без потрясений. Так, правые выступали против забастовочного движения, опираясь в своих доказательствах незаконности забастовок на учение церкви, теологическую догматику, авторитет апостолов и Отцов Церкви. Они активно воздействовали на сознание верующих всей интеллектуальной мощью и силой христианской веры.

«[Апостол] Павел <...> увещевал неверующих рабов, – наставлял рабочих Х. О. Мякеля, один из правых, – делать руками своими добро, чтобы было чем поделиться с нуждающимися. "Молитесь, чтобы вы были в покое, и занимайтесь своими делами, работая руками вашими, как мы заповедали вам". Он также обращается к собственному примеру: "Ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас. ...Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь.

Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся. Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб. Вы же, братья, не унывайте, делая добро» [3]. Это ни в коем случае не говорит о том, что рабочий не заработал своей заработной платы.

<...>Но давайте без колебаний скажем, что забастовка не является христианским средством исправления обид [курсив мой – Н.П.]. Согласно божественному, человеческому и материалистическому закону, забастовка и голодовка связаны друг с другом неумолимой последовательностью. Так как же можно говорить, что христианин имеет право бастовать (в современном смысле этого слова)! Или даже истинная любовь изнемогает? [5].

Нет, дорогие христиане, мы заблудимся, если одним глазом будем смотреть на капиталистов, а другим – на Христа! Будем же взирать на «начальника и совершителя веры Иисуса!» [4].

Давайте задумаемся, не является ли истинная и настоящая причина страданий высоких и низких греховной жизнью в рабстве похотей, и постараемся освободиться от этого рабства! Давайте просить о том, чтобы стать причастниками Божьей природы и разума Христа!» [23, с. 1].

Еще одним мотивом участия правых в ХРС стал страх перед социалистическими идеями, распространение которых они пытались кассировать. Консервативные взгляды правых выразились, в частности, в их тесных связях с представителями Старофинской и Младофинской партий, например, с лидером старофиннов А. Юрье-Коскиным. В результате фракционной борьбы победу одержало левое крыло Союза и влияние правых в ХРС было минимизировано. Лидер левых А. Каарне избирался Председателем Союза с момента его создания в 1906 г. до 1918 г.

Каарне А.

**Выборы 1907 г:
боевое крещение ХРС**

Христианский рабочий союз, хотя и охватывал своей деятельностью всю территорию Великого княжества, но не являлся одной из ведущих политических сил Финляндии. Более того, в княжестве в разные годы существовали и другие политические и общественные организации, которые основывали свою деятельность на догматах протестантской церкви и которые так или иначе оттягивали «христианский электорат» от Союза. Это были Христианский избирательный союз, Христианско-настроенный избирательный союз, евангелисты-христиане, Избирательный союз свободных христиан, Финская христианская ассоциация молодых женщин, Христианский союз молодежи.

На выборах в первый однопалатный Сейм Великого княжества Финляндского в 1907 г. ХРС удалось провести только двух депутатов [20, s.44]. Наилучшего результата Союз добился в Таммерфорсе (где за него проголосовало 11,2% избирателей), а также в избирательных округах Або и в Бьернеборге, где за Союз отдало свой голос более 5% избирателей [17, s.309]. Этот успех был отнюдь не случаен. Как отметил известный финский историк Х.Сойкканен, электоральный успех ХРС совпал с распространением в этих районах Движения молитвенного возрождения. Но в других местах Союз потерпел поражение. В итоге во всем княжестве за ХРС проголосовало всего лишь 1,5% избирателей [20, s.43]. В результате, как и ожидалось, Союзу не удалось потеснить социал-демократов с лидирующих позиций в рабочем движении. Одной из главных причин поражения Союза на выборах стали консервативно-религиозные взгляды большей части тогдашнего руководства партии, которые не соотносились с классовыми интересами рабочего класса, а также отсутствие у Союза, по сравнению с Социал-демократической партией Финляндии, активной, наступательной позиции во время предвыборной кампании. Поражению ХРС способствовал и отказ СДПФ во время избирательной кампании от агрессивной антирелигиозной риторики и пропаганды. Социал-демократы пошли на этот шаг, чтобы привлечь на свою сторону верующих рабочих и крестьянство, что, в целом, Социал-демократической партии Финляндии и удалось достичь.

Не помогло ХРС добиться успеха на выборах и нагнетание среди избирателей страха перед избранием «безбожного» Сейма, который, по мнению Союза, не будет отвечать из-за своего «безбожия» существовавшей политической повестке дня и, главное, интересам финского народа. В бессильной ярости от поражения на выборах христианская газе-

та «Котимаа» (“Kotimaa”, «Родина») заявила, обращаясь к избирателям: «Если вы этого хотели, то можете быть довольны своим парламентом, но тогда вы готовите себе проклятие. Но если вы этого не хотели, то почему вы тогда были настолько глупы, что выбрали для себя безбожный парламент?» [19, s.4]. Поводом к этому заявлению газеты послужил тот факт, что депутаты Сейма отклонили «лицемерное» [24] предложение депутатов от ХРС начинать заседания Сейма с молитвы, тем самым нанеся «непоправимый вред себе и народу Финляндии» [19, s.4], ибо «наш парламент [Сейм. – Н.П.] действительно хочет построить новую Финляндию без божьей помощи» [19, s.4].

Подобные заявления показывали, что ХРС исходил в своих действиях из политической практики клерикализма. В целом, несмотря на поражение на выборах в первый бессловный Сейм, ко времени окончания революции 1905–1907 годов Христианский рабочий союз уже сложился как состоявшаяся политическая партия.

Kristityt: On turva tuskissamme.

Карикатура на христианских избирателей. Подпись под карикатурой: «Христиане: Это убежище от наших невзгод». Надпись на книге: «Сборник гимнов».

Источник: Velikulta. №7. 04.04.1907. S.5

Краткие итоги

Появление ХРС в общественно-политической жизни княжества показало, как минимум, две вещи.

Во-первых, часть рабочего класса Финляндии (пусть и незначительная) опиралась в своей повседневной жизни на христианские ценности и видела в них основу своего существования. Во-вторых, эта часть рабочих выступала за общественные преобразования и была восприимчива к идеологии социализма, отторгая при этом радикализм и атеизм социал-демократов. Исходя из упомянутого общественного запроса, ХРС и смог стать той политической силой, которая предприняла попытку объединить в единое, неразрывное учение христианские догматы протестантизма и социалистическую идеологию, и впервые в Финляндии (да и, в целом, в Российской империи) создать политическую партию на идеологической основе христианского социализма. Пожалуй, в этом и заключается феномен Христианского рабочего союза как политического формирования и одна из главных причин исследовательского интереса автора статьи к его судьбе, которая по разным причинам оказалась вне поля зрения отечественных исследователей, занимающихся историей политических партий Российской империи.

Библиографический список

1. Аграрный вопрос в программах политических партий России. Документы и материалы. Последняя треть XIX в. – октябрь 1917 г. / Сост. сборника, автор вводных статей и историч. очерков Н.Д.Постников. М.: «Российский независимый институт социальных и национальных проблем» (РНИСиНП), 2000. 420 с.
2. Кочкарев Н.А. Политические партии в Финляндии. СПб.: Гос. типография, 1909. 106 с.
3. Новый завет. 2-е послание Фессалоникийцам 3:8, 10–13. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Новый Завет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/fe2/3/> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Новый завет. Послание к Евреям. 12:2. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Новый Завет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/heb/12/> (дата обращения: 22.02.2024).
5. Новый завет. Первое послание к Коринфянам. Гл. 13. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. Новый Завет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/bible/co1/13/> (дата обращения: 22.02.2024).
6. Eräuskon sankareita // Kotimaa. 1907. 21.06. №71.
7. Issaieff A.A. Sosialismi ja kristinusko (jatk.) // Työmiehen Illanvietto. 1906. 01.01. №5.

8. Joukosta Y. Kristillinen köyhälistö järjestymään! // Kristillinen Työkansa. 1906. 04.10. №0.
9. Kringen O. Mitä sosialisti sanoo kirkosta? Helsinki. 1905. 31 s.
10. Kristillinen työväenliike // Tähti. 1911. 17.11. №46.
11. Kristillisten työväenyhdistysten edustajain ensimmäinen kokous. (Jatkoa.) // Tähti. 1906. 30.06. №26.
12. Mietteitä Kristinuskosta ja sosialismista // Työkansa. 1910. 18.03. №31.
13. Mitä on kirkon opilla tekemistä työväenliikkeen kanssa? // Tähti. 1906. 07.07. №27.
14. Orvokki. Miten on kristinoppi syntynyt? // Työmiehen Illanvietto. 1906. 01.01. №11.
15. Puhe, pidetty Haapakosken krist. työw. yhdist. uuden talon wihkiäisissä 1/1–08. (Jatk.) // Työkansa. 1908. 04.12. №138.
16. Puhe, pidetty Haapakosken krist. työw. yhdist. uuden talon wihkiäisissä 1/1–08. (Jatk.) // Työkansa. 1908. 09.12. №140.
17. Soikkanen H. Sosialismin tulo Suomeen: ensimmäisiin yksikamarisen eduskunnan vaaleihin asti. Porvoo. Helsinki: WSOY. 1961. 448 s.
18. Sosialismi ja kristinuskko (jatk.) //Työmiehen Illanvietto. 1906. 01.01. №2.
19. Suomen eduskunnan istuntoja ei saa alkaa rukouksella //Kotimaa. 1907. 31.05. №62.
20. Suomen virallinen tilasto. XXIX. Vaalitulasto. 8. Eduskuntavaalit Vuonna 1917. Helsinki: Valtioneuvoston kirjapaino. 1919. 51s., 77s. Tauluja.
21. Suomi. Maa. Kansa. Valtakunta I–III. Osa I. Toim. Donner A., Grotenfelt A., Hendell L., Hjelt E., Laurila K.S., Renqvist A., Setälä E.N., Tigerstedt R. Helsinki: Otava. 1923. 478 s.
22. Talvitie O. Totuuden ja oikeuden puolesta. Kristillis-yhteiskunnallisten sanomalehtien vastaus uskontokritiikkiin suurlakon jälkeen. Jyväskylän yliopisto. 2018. 136 s.
23. Työlakosta Raamatun ja luonnon kannalta katsottuna // Tähti. 1907. 21.06. №25.
24. Valtiopäivät v. 1907. Pöytäkirjat I. Valtiopäiväin alusta kesäkuun 8 päivään. Helsingissa – Helsingin Uusi Kirjapaino Osakeyhtiö. 1907. 436 s.
25. Yhteiskunnallinen waara // Kotimaa.1907. 21.06. №71.

Ногами человек должен
врасти в землю своей
родины, но глаза его пусть
обозревают весь мир.

Дж. Сантаяна

Тому, у кого нет чувства
родины, нельзя внушить
его никаким языком.

А. де Сент-Экзюпери

Сергей Козлов

**«НА ПОЛЬЗУ ВСЕГО
НАШЕГО ОБШИРНОГО
ОТЕЧЕСТВА...»:**

**ИВАН НИКОЛАЕВИЧ
КЛИНГЕН (1851–1922)***

РЕСУРСЫ НАЦИИ

УДК
94(47).083

Рассматриваются хозяйственно-просветительская деятельность и научные взгляды выдающегося аграрника конца XIX – начала XX в. И.Н.Клингена. Особое внимание уделяется его передовым научно-практическим разработкам по решению ключевых аграрных проблем России; отмечен крупный вклад исследователя в развитие как ряда сельскохозяйственных отраслей, так и отечественной аграрной науки. Сделаны выводы о конкретной научной, практической и общественной значимости многолетней деятельности ряда ведущих российских рационализаторов-аграрников XIX – начала XX в.

The economic and educational activities and scientific views of the outstanding agrarian of the late XIX – early XX century I.N.Klingen are considered. Special attention is paid to his advanced scientific and practical developments to solve key agricultural problems in Russia; the researcher's significant contribution to the development of a number of agricultural sectors and domestic agricultural science is noted. Conclusions are drawn about the specific scientific, practical and social significance of the long-term activities of a number of leading Russian agricultural innovators of the XIX – early XX century.

Ключевые слова: аграрная рационализация; просвещение; И.Н.Клинген.

Key words: agrarian rationalization; enlightenment; I.N.Klingen.

E-mail: sa-kozlov@yandex.ru

* Окончание. Начало см. №2-2024. Стр.116.

«Слон чайного русского дела» В конце 1890-х гг. Клинген составил проект организации субтропического хозяйства Причерноморья в целом, во главе с чайной культурой.

По его проекту предполагалось заложить несколько крупных хозяйств и опытных станций с чайными фабриками, для показа населению и внедрения опыта. Чайное хозяйство «должно быть не капиталистическое, которое безусловно не имеет будущего, а лишь одно – трудовое хозяйство» [13, с. 14], – писал он в 1900 г. Автор проекта считал необходимым освоить заброшенные населением пустыри (эцери) и предусматривал ряд поощрительных мероприятий для развития чая. В течение ряда лет в Чаквинском имении вкладывались значительные суммы денег на закладку чайных плантаций и других культур, что позволило создать солидную основу производства. В 1899 г. была построена чайная фабрика с объемом переработки в 1 миллион килограммов зеленого листа. Вскоре после организации имения zaloжили питомники субтропических культур, саженцы которых продавали населению. В 1899 г. в Чакве был собран первый урожай листа и выработано 930 фунтов чая (370 кг).

Чаквинское удельное имение. Открытка начала XX в.

В результате Чаквинское имение, которым на рубеже XIX–XX вв. руководил Клинген, стало ключевым рассадником культуры чая, крупнейшим чае-

водческим хозяйством в России. По выражению Клингена, это был «слон чайного русского дела» [13, с.8]. Плантационные рабочие, ознакомившись с культурой, несли свои знания в окружающие села, а затем и дальше вплоть до Сочи. Таким образом, молодое субтропическое хозяйство стало служить проводником приобретаемых в культуре чая навыков и приемов. В Чакве были созданы крупные промышленные насаждения цитрусовых культур и бамбуков. Здесь же была открыта первая мастерская бамбуковой мебели. В дальнейшем, уже в годы советской власти, Чакве принадлежала большая роль в деле снабжения хозяйств чайными семенами, а колхозов, совхозов и фабрик квалифицированными кадрами; в итоге были заложены прочные основы отечественной чаеводческой промышленности [1].

И.Н.Клиngen о ключевых аграрных проблемах России начала XX в.

В 1900–1906 гг. И.Н.Клиngen работал агрономом при Главном управлении уделов. Он также активно занимался разработкой передовых

методов научной агрономии. Выделим три его содержательные работы. В первой он подробно охарактеризовал хозяйственную значимость традиционной залежной системы для губерний Восточной России, что имело важнейшее экономическое значение [17]. В другой книге он детально охарактеризовал различные виды агрономической помощи удельным арендаторам со стороны государства, прежде всего, меры среднесрочного и долгосрочного кредита (краткосрочный кредит в России в тот период, практически, отсутствовал) [11, с.38–59]. В начале XX в. многие хозяйства удельных арендаторов находились в бедственном положении, прежде всего, ввиду огромных недоимок. Однако, как подчеркнул в 1907 г. Клиngen, главная причина создавшегося положения заключалась, все же, в другом: «в высокой степени неразумной хозяйственной системе и приемах культуры, совершенно не соответствующих ни местному климату и почве, ни местным насущным экономическим требованиям» [18, с.5].

Детально рассмотрев различные аспекты проблемы, Клиngen подчеркнул, что «беда происходила, главным образом, не от малоземелья (на что зачастую делала акцент леворадикальная оппозиция, включая эсеров. – С.К.), а от неправильной организации хозяйства и от неумения перейти к более разумной и выгодной системе» [11, с.47].

Для сельского хозяйства Российской империи особую практическую значимость приобрело и трехтомное сочинение Клингена «Кормовые растения и польза от них», опубликованное в 1906 г. (2-е издание вышло в 1909–1911 гг.). Эта фундаментальная работа, написанная простым

и доступным для агрономов и крестьян языком и содержащая массу полезных хозяйственных советов, стала одной из настольных книг российских агрономов, прежде всего, в годы столыпинских аграрных реформ, когда в различных губерниях страны активно внедрялись многопольные севообороты с травосеянием.

В 1903 г. по инициативе И.Н.Клингена была создана Безенчукская областная опытная станция в Самарской губ. (в настоящее время успешно действует как Самарский НИИ сельского хозяйства им. Н.М.Тулайкова). Главной задачей станции являлось изучение почв, климата и техники сельского хозяйства засушливой полосы Заволжья. Хозяйственная злободневность разработки указанных вопросов была огромной: как отмечали позже И.Н.Клигген и Я.А.Жуков, «район действия станции распространяется на всю Восточную Россию, поражаемую весьма часто грандиозными голодовками» [18, с. 1].

Безенчукская областная опытная станция. Фотография 1905 г.

В мае 1903 г. комиссия под председательством Клингена выбрала место около станции Безенчук Самаро-Златоустовской железной дороги под Удельную областную агрономическую опытную станцию. При этом учитывались такие факторы, как «близость оживленного участка железной дороги», наличие зоны максимального сосредоточения удельных земель с характерными для них почвами и др. Станция быстро стала доступной для посещения как местных земледельцев (крестьян и помещиков), стремившихся ознакомиться с новейшими аграрными разработками, так и научных сотрудников. В состав станции вошли различные лаборатории, метеорологическая станция с особым отделом почвенных наблюдений, вегетационное отделение с оранжерей, ботанический питомник, центральное опытное поле, а также библиотека и филиалы для проведения разнообразных опытов.

Н. М. Тулайков (впоследствии – выдающийся ученый-аграрник [см.: 24]) так охарактеризовал роль И. Н. Клингена в организации станции: «Мы не знаем, что стоило ему провести эту мысль в надлежащих учреждениях, но нельзя не отметить силу убежденности инициатора этого дела... И это особенно было удивительно, когда сравнивали между собой Удельную областную станцию и заброшенные в глухие углы с ничтожными бюджетами станции Министерства земледелия» [31, с. 34].

Прежде всего, программа работы Безенчукской опытной станции была ориентирована на борьбу с засухой, – с тем, чтобы приспособить к ее негативным последствиям местные хозяйства. На станции быстро были развернуты работы по определению наиболее благоприятных времени и приемов вспашки земли и ее дальнейшей обработки для сохранения влаги; изучались также такие важные вопросы, как роль удобрений для повышения урожайности и др. [18, с. 8–16]. В 1911 г. начинает работу машиноиспытательный отдел, в 1912 г. – селекционный отдел. Активно разрабатывались вопросы внедрения пропашных культур (подсолнечника, кукурузы и др.). В целом, станция, в 1910 г. преобразованная в областную («обслуживающую» Самарскую, Симбирскую и Уфимскую губернии), вполне успешно справлялась с возложенными на нее задачами, причем в непростой внутривосточной обстановке начала XX в. и обострившимися хозяйственными проблемами (включая неурожай и голод 1911 г., с которым сотрудничавшие со станцией земледельцы весьма достойно справились, в т. ч. благодаря хорошим урожаям кукурузы). Под руководством сотрудников станции велась интенсивная работа на Бугульминском, Бугурусланском и Бузулукском опытных полях. В решении этих проблем роль И. Н. Клингена также трудно переоценить: именно его идеи легли в основу всех практических мероприятий станции, а главное, в сочетании с другими хозяйственными мероприятиями Главного управления уделов [18, с. 6–7] позволили значительно смягчить неблагоприятные последствия неурожая и резких колебаний климата в ряде губерний Восточной России в первой четверти XX в.

И. Н. Клинген в Брасово и Дерюгино

С 1906 по 1913 гг. И. Н. Клинген был главным управляющим крупными имениями в Брасово Орловской губ. (ныне Брянской обл.) и Дерюгино Курской губ. [подробнее см.: 9; 10]. В Брасово он ввел травопольные севообороты, организовал большое опытное поле; кроме того, Клинген курировал и деятельность местных винокуренных заводов. В 1911 г. в Харькове, на I-м съезде деятелей по селекции сельскохозяйственных

растений и семеноводству, он сделал сообщение о новой системе полеводства, основанной на тесной связи с пчеловодством, позволяющим повысить урожайность клеверных семян. Аграрник посвятил этой важной проблеме, а также вопросам развития рационального пчеловодства в России ряд содержательных научно-практических работ [14; 15; 12; и др.].

В Брасовском имении Клингеном была создана опылительная пасека из 800 пчелиных семей кавказской породы (Клингеном отмечал: «Кавказская клеверная пчела, производит оплодотворение совершенно так же, как шмель... но с большей ловкостью» [15, с.39]), что позволило увеличить урожай семян клевера в 2–3 раза. Впервые в России он приступил к изучению опылительной деятельности пчел и обратил внимание земельных органов на необходимость широкого использования пчел для повышения урожайности энтомофильных сельскохозяйственных культур.

Выделим и содержательное исследование И.Н.Клингена 1915 г., в котором он подробно рассмотрел значимость пчеловодства для рационализации полевого и лугового хозяйства Центрально-Нечерноземной России [12].

И.Н.Клигген о женском сельскохозяйственном образовании

разования, которому уделялось в этот период большое внимание [6; 8]. Журнал «Хозяин» писал в 1902 г.: «Условия развития России выдвигают вопрос о сельскохозяйственном образовании женщин на передний план. Быстрое развитие государственной машины периодически отвлекает из страны ее местных деятелей мужского пола; необходимость развития общественной работы на местах требует еще большего количества деятелей, более или менее освобожденных от личных дел. Весь этот государственный и общественный спрос на людей с образованием в связи с экономической политикой, затрудняющей работу в деревне, заставляет подумать... и об увеличении научно подготовленных сил на местах, путем предоставления и женщине возможности работать в хозяйстве, не только продолжая рутину предков, но и сознательно работая над прогрессом дела, за которое ей по нужде приходится браться» [7]. Сходные позиции занимал и популярный журнал «Сельский хозяин», на страницах которого отмечалось: «Русское сельское хозяйство без культурной женщины-хозяйки никогда не сможет подняться над тем жалким уровнем, на котором оно теперь находится, и всегда будет

Еще с конца XIX – начала XX вв. в России на передний план выдвинулась задача организации *женского сельскохозяйственного об-*

влачить однобокое существование, разорительное для самих хозяев и вредное для экономического прогресса страны» [29].

При этом обращалось внимание и на характерные особенности женской психологии, которые ранее не учитывались: «Никакое хозяйственное дело невозможно без консерватизма, и крестьянин совершенно верно определяет устойчивость своего хозяйства поговоркою: "бабой двор держится", потому что женщина в основе своего характера всегда консервативна. Это свойство женщины могло бы в значительной степени обеспечить устойчивость нашего хозяйства, – подчеркивала редакция журнала «Хозяин», – если бы консерватизм российский не был всегда неразлучен с невежеством; при такой комбинации русское хозяйство принуждено при посредстве женщины пользоваться не здоровым консерватизмом, а нездоровой рутинной, которая губит в конце концов всякое дело и создала нелестную репутацию "бабьего хозяйства"» [7; см. также: 35].

Отметим, что такая позиция специалистов-аграрников являлась важным элементом *общероссийской* борьбы начала XX в. за равноправие женщины, роль которой в традиционной крестьянской общине столетиями была принижена. Как с горечью отмечал В. О. Ключевский, в России женщина традиционно являлась «лишним членом общества»: «в ней видели... только орудие беса, сосуд всякого соблазна и зла», а «простой люд» (крестьянство) «и ныне считает... существом хуже и бесполезнее лошади» [19, с. 169]. Не случайно подъем в общественной активности и пробуждение самосознания крестьянок, как правило, происходили лишь тогда, когда женщины по разным причинам (включая смерть мужа) оказывались за пределами традиционно-архаичной жесткой зависимости от «большаков»-мужчин [см. также: 2].

Именно сельскохозяйственному образованию отводилась определяющая роль в изменении того традиционного и во многом архаичного социокультурного уклада деревенской жизни, который в значительной степени определялся менталитетом не только «мужика-домохозяина», но и самой русской крестьянки: «Освободить от рутины может только сознательное отношение к делу, даваемое образованием, а потому русская женщина, на долю которой нередко выпадает работа по сельскому хозяйству, нуждается первым делом в агрономическом образовании, дающем возможность осмыслить ее прирожденный консерватизм и направить этот последний к прогрессу, которому он в здоровом состоянии никогда не чужд» [7].

Московское общество сельского хозяйства не осталось в стороне от решения этой проблемы. Его члены (прежде всего, И. А. Стебут и И. Н. Клинген) активно пропагандировали необходимость ускоренного развития оте-

чественного сельскохозяйственного образования. В книге И.Н.Клингена «Роль женщины, как образованной сельской хозяйки, в обновлении русской деревни» (СПб., 1903) подробно освещалась как история вопроса, так и практические мероприятия. Особое внимание автор обращал на роль «образованной сельской хозяйки» в «предстоящем обновлении нашей деревни». Клинген разработал *комплексную программу* просветительских и агрономических мероприятий по улучшению сельского хозяйства России с обязательным использованием труда и знаний русских женщин.

Последние годы жизни...

В 1916 г. по инициативе Клингена была создана Центральная опытная станция в Батуме и сеть опытных учреждений по вопросам субтропического хозяйства (значительная часть этой структуры продолжила работу и в годы советской власти, сыграв важную роль в сохранении и развитии причерноморского сельского хозяйства).

Революционные события 1917 г. (заставшие его в Удельном имении Абрау-Дюрсо) И.Н.Клинген не принял и в 1920 г. покинул Родину (видимо, предугадав последующий негативный сценарий резкого культурного-цивилизационного «слома»), имевший крайне тяжелые последствия и для страны в целом, и для аграрных отраслей России [см.: 4; 22, с.207–411]. С 1917 по 1922 гг., когда в России разгорелся «пожар» Великой российской революции [см.: 5], Клинген находился в научной командировке в Египте (последняя его научная работа 1917 г. была посвящена реорганизации сельского хозяйства Закавказья [16]). К сожалению, об этом периоде его жизни и деятельности не сохранились достоверные сведения. Известно лишь, что он продолжал заниматься научной работой; даже будучи в эмиграции, возглавлял Общество изучения Черноморского побережья; в начале 1920-х гг. находился в лагере для перемещенных лиц в Египте.

Почему же именно Египет стал последним «духовным магнитом», который привлек пристальное внимание выдающегося ученого-аграрника? Дело в том, что еще в ходе своей длительной зарубежной экспедиции конца XIX в. на Клингена произвел огромное впечатление высокий уровень развития традиционной земледельческой культуры египетского крестьянства. Не случайно в своем фундаментальном научном труде (признанном позже классическим) «Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Среднего Востока» он дал подробнейшее описание естественнo-исторических условий Египта, развития сельского хозяйства

И.Н.Клингген. Фотография (год неизвестен)

страны с древнего периода, а также обработал данные метеостанций Александрии и Каира и дал подробное климатическое описание страны.

В 1922 г. у Клинггена появилась возможность соединиться со своей семьей, находящейся в эмиграции в Сербии. Однако по пути из Александрии в Сербию 22 июня 1922 г. он умер в болгарском городе Варна.

К сожалению, в современной России нет ни одного памятника, посвященного этому выдающемуся аграрнику-подвижнику; его имя не носит ни одна наша улица или школа... Потомки И. Н. Клинггена в настоящее время живут в России, Канаде, Венесуэле и США.

**Значение деятельности
И. Н. Клинггена**

Какова же была роль И. Н. Клинггена в развитии сельского хозяйства и аграрной науки России в начале XX столетия? Во-первых, *он внес*

огромный вклад в творческий синтез аграрной науки и сельскохозяйственной практики (прежде всего в полеводство, луговоеводство, чаеводство и пчеловодство). Благодаря исследованиям Клинггена получили мощ-

ный импульс методы травосеяния. Аграрник пришел к важному для начала XX в. выводу о высокой ценности многолетних трав для восстановления плодородия, обратив самое пристальное внимание на введение в культуру на черноземных почвах Поволжья костра (костреца) безостого, а также на развитие пчеловодства и опыление клевера. Во-вторых, и в наши дни сохранили научную и практическую значимость новаторские разработки ученого, относящиеся к развитию отечественной агрономии с учетом как природно-климатических условий регионов (на уровне экономических районов, губерний и уездов), так и традиционного культурно-хозяйственного уклада, многовековых традиций народного агрономического наследия. Прежде всего, отмеченная тенденция проявилась в его многолетней подвижнической работе по рационализации российского субтропического хозяйства в обширном районе Причерноморья. В-третьих, И.Н.Клингген стоял у истоков внедрения систем сухого земледелия на черноземах. В-четвертых, он являлся убежденным сторонником важной роли государственных структур в развитии аграрной науки, однако всегда полагал, что «из центра нужно направлять, а не управлять» [11, с.74–75; см. также: 34, с.22–72]. В-пятых, аграрник, будучи убежденным патриотом и разделяя прагматические подходы к хозяйственному освоению огромных российских пространств (в том числе на востоке страны), внес заметный вклад в дело популяризации в России естественных и аграрных наук, а также развития женского сельскохозяйственного образования.

В целом же, заслуги И.Н.Клинггена (являвшегося действительным членом Русского географического общества и активно сотрудничавшего с ИМОСХ) получили признание со стороны ведущих российских ученых-аграрников и агрономов-практиков начала XX в. И сегодня, уже в начале XXI столетия, разработки этого выдающегося российского агронома-опытника заслуживают дальнейшего комплексного научного анализа с целью сохранения того поистине бесценного творческого наследия, которое, к счастью, в основном, удалось сохранить аграрникам первой половины XX в. Примечательно, что И.Н.Клингген в совершенстве владел английским, немецким и французским языками, что позволяло ему постоянно следить за новинками иностранной сельскохозяйственной литературы. Кроме того, он прекрасно владел русским языком: многие его научные труды (прежде всего, о научной экспедиции конца XIX в.) и в наши дни читаются как увлекательное художественное произведение.

Сам Клингген хорошо осознавал, что время для практического внедрения многих его идей и практических новаций наступит еще не скоро. Так, в 1911 г. он с грустью отмечал: «Для меня, старого хозяина, уже

много лет работавшего над проведением в жизнь самых разнообразных мер улучшения в сельском хозяйстве, – не тайна, что полное осуществление предлагаемой мною системы хозяйства по плечу лишь усилению многих и многих сельских хозяев и не одного, а быть может, нескольких поколений» [14, с. 48].

Вместе с тем он был твердо уверен, что, лишь идя по пути консолидации всех общенациональных сил (включая личность, общество и государственную власть), можно добиться успеха в модернизации архаичного сельского хозяйства России: «Будем же надеяться, что русские агрономы сумеют справиться с поставленной им задачей..., что они в союзе со всей местной, правительственной и земской инициативой сумеют высоко поднять производительность народного сельскохозяйственного труда, чтобы пришла, наконец, пора и мы встретились бы в деревне не с заморенным нуждою крестьянином, а с сведущим в улучшенной культуре, ловким, бодрым духом и телом хозяином, привольно обставленным в своем домашнем быту» [11, с. 46].

Добавим, что многочисленные печатные труды И. Н. Клингена – это ценнейший материал, который в будущем даст возможность и экономистам, и ботаникам, и историкам российской аграрной мысли, и географам, и антропологам, и социологам, и культурологам полнее и глубже изучить, как воспринимали и оценивали многие хозяйственные и социокультурные проблемы российские ученые-аграрники на рубеже XIX и XX столетий; что их волновало, прежде всего; какие проекты модернизации страны они считали наиболее важными и приоритетными.

Таким образом, необходимо дальнейшее кропотливое научное изучение (в т. ч. с использованием междисциплинарных подходов) богатейшего творческого наследия замечательного российского аграрника-подвижника с учетом как его научно-хозяйственной, так и социокультурной значимости, крайне важной и необходимой в условиях современной отечественной модернизации.

**Аграрники-новаторы
России XIX – начала XX в.:
краткое “summary”...**

Хозяйственная и просветительская деятельность российских рационализаторов-аграрников XIX – начала XX в. определялась сложным

комплексом разнообразных и зачастую противоречивых объективных и субъективных факторов. Во-первых, *преобладание традиционных экстенсивных методов природопользования и архаичных традиций общинного землевладения*, имевшее место как в феодально-крепостни-

ческую эпоху, так и в пореформенный период, *существенно сдерживало* развитие основных отраслей сельского хозяйства региона, тормозило предприимчивость и инициативу крестьян и землевладельцев.

Огромную роль играли традиции патернализма: помещиков и крестьян крепкими узами объединяли язык, православная вера, сельские обычаи, а также осознание (зачастую интуитивное) общности исторической и национальной судьбы. Многие помещики регулярно помогали своим крепостным, проявляя заботу и гуманизм, оказывая хозяйственную поддержку в случае неурожая, организуя школы и училища для крестьян [см. также: 25]. В этом проявились лучшие гуманистические элементы, присущие русскому дворянству. Вместе с тем традиции патернализма жестко ограничивали хозяйственную и социокультурную самостоятельность крестьянства.

Во-вторых, комплексная аграрная рационализация, крайне необходимая в условиях динамичного развития рыночных буржуазных отношений, была возможна лишь на основе частной предприимчивости и инициативы, – пассионарных качеств, которые *подавляли* архаичными традициями не только самодержавной власти, но и отдельных сословий (прежде всего, крестьянскими общинными обычаями и печально знаменитой помещичьей «обломовщиной»).

В-третьих, принятия эффективных мер по усовершенствованию традиционной аграрной экономики требовали *интересы внешнего рынка*: необходимо было преодолевать сопротивление западноевропейских конкурентов.

В-четвертых, на поступательное развитие отечественной аграрной рационализации оказывали сильное (и, зачастую, негативное) влияние *социокультурные и политические процессы*, связанные, прежде всего, с антисамодержавным революционным движением и массовыми крестьянскими выступлениями конца XIX–начала XX вв., сопровождавшимися грабежом и разорением множества «образцовых имений», в которых, прежде всего, и проходила рационализаторская работа. Отметим и острый хозяйственный кризис, который пережило помещичье хозяйство в первое пореформенное десятилетие. При этом подавляющее большинство помещиков и крестьян отдельных губерний России оказалось не готово жить и хозяйствовать в новых условиях. Не умея перестроить хозяйственный механизм на рыночные рельсы, многие землевладельцы разорились и бросили свои имения, переселившись в города. Государство так и не оказало действенной поддержки ни помещикам, ни аграр-

но-просветительским начинаниям. Вплоть до 1890-х гг. страна двигалась по буржуазному пути, в основном, по инерции.

В свою очередь, в пореформенную эпоху крестьянство начинает диктовать свою волю помещикам на рынке вольнонаемного труда; в итоге жизненно необходимый стране хозяйственный и социальный *компромисс* между помещиками и крестьянами так и не был достигнут. В 70-е гг. XIX в. частновладельческое хозяйство начинает преодолевать последствия пореформенной «перестройки», активизируется работа аграрников-новаторов, однако мировой сельскохозяйственный кризис 1880-х гг., неурожай и голод начала 90-х гг. XIX в., а затем и драматические события очередной «Русской Смуты» начала XX столетия [22, с. 58–285] вновь затормозили процессы аграрных и социокультурных начинаний. Вместе с тем, невзирая на все трудности, подвижническая хозяйственно-просветительская работа рационализаторов-аграрников принесла *существенные позитивные результаты*. Прежде всего, она способствовала *внедрению рационализма* в традиционный «самодостаточный» уклад как крестьянской деревни дореволюционной России, так и помещичьей усадьбы. Мощный импульс получило *сельскохозяйственное образование*. Весьма значимым оказались и итоги многолетней работы, направленной на *творческий синтез* аграрных традиций и новаций [23, с. 5–182; 28].

В пореформенный период на передний план выдвинулись проблемы вольнонаемного труда и прагматичного, эффективного использования как новейшей аграрной технологии, так и усовершенствованной земледельческой техники. Важнейшее значение приобрел фактор подготовки высокопрофессиональных аграрников, а также умение находить взаимовыгодные компромиссы между землевладельцами и наемными работниками.

Рационализаторы внесли весомый вклад в практическое решение указанных проблем. Выделим, прежде всего, новаторские идейно-практические разработки С. Ф. Шарапова [26], значимость которых наглядно доказала практика аграрных преобразований начала XX в. Что же касается хозяйственной деятельности и литературного творчества А. А. Фета (относящихся к решению ключевых аграрных и социокультурных проблем), то они, как уже отмечалось нами ранее, убедительно продемонстрировали *высокую экономическую* эффективность русской усадьбы в условиях пореформенной России при условии профессионального хозяйственного управления и налаживания прагматичного делового сотрудничества помещика с крестьянами [20]. Кроме того, аграрник-новатор убедительно доказал в своих трудах преимущества «крепкого» единоличного крестьянского хозяйства *фермерского типа*, что стало

для многих адептов «старины» второй половины XIX в. подлинным откровением. Что же касается А. П. Мертваго [21], то его многолетняя культуртрегерская работа способствовала решению важнейших рационализаторских вопросов главных аграрных отраслей – земледелия и животноводства, во многом подготовив общественное мнение страны к реализации столыпинских аграрных реформ начала XX в.

Деятельность рационализаторов-аграрников пореформенной эпохи внесла огромный вклад в развитие новых, буржуазных отношений в сельском хозяйстве России, что благоприятно сказалось не только на динамичной эволюции традиционной аграрной экономики, но и на «пробуждении» частной инициативы и предприимчивости.

В начале XX в. ключевой вектор аграрной рационализации вновь меняется: хозяйственные и социальные позиции помещного дворянства, потерявшего значительную часть земельных владений, существенно ослабли, и на передовые рубежи выходит *экономическая деятельность крестьянства*, прежде всего, его наиболее пассионарных представителей. Аграрники-рационализаторы четко «уловили» эти моменты и положили их в основу своей хозяйственно-просветительской работы, которая, в свою очередь, все теснее и продуктивнее смыкалась с аграрной наукой. Пожалуй, наиболее явственно и рельефно отмеченная тенденция проявилась в деятельности И. Н. Клингена, включая и его эффективную работу в качестве управляющего, и ценнейшие научно-практические разработки ученого-подвижника в области интродукции субтропических культур (прежде всего, чая) в южной части Российской империи, и его огромный вклад в формирование эффективной системы отечественного сельскохозяйственного производства. Кроме того, рационализаторы сыграли большую роль в усовершенствовании отдельных аграрных отраслей России.

Проведенный нами анализ показал, что аграрникам-подвижникам удалось добиться заметных успехов на пути реализации ключевых общероссийских аграрных задач. Были найдены оптимальные (либо близкие к оптимальным) ответы на вопросы, касающиеся модернизации сельского хозяйства, прежде всего, товарного земледелия и животноводства. Таким образом, многолетняя деятельность рационализаторов внесла огромный вклад не только в развитие отдельных аграрных отраслей России и отечественного просвещения, но и в поиск оптимального соотношения плановых и рыночных категорий, а также в борьбу с рутинной, в избавление сельского населения страны из плена дремучей инерции и стереотипов. Кроме того, российскому социуму, и, прежде всего, далеким от творческого труда и подверженным «декадансу» и неверию в силы нации представителям интеллигенции (а таковых к нача-

лу XX столетия оказалось немало) было наглядно продемонстрировано, что именно «рутинная», будничная, но созидательная работа в области сельского хозяйства, опирающаяся на традиционные ценности и позволяющая избежать разнообразные «перегибы» и «откаты» в хозяйственном, социокультурном и внутривластном развитии огромной евразийской державы, – это один из эффективных методов динамичного возрождения и нации, и страны. Как аргументированно подчеркивается в современной научной литературе, «консерваторы могут рассматриваться как естественный "тормоз" интеллигентской привычке к "забеганию вперед"» [3, с.8]. В современных условиях начала XXI в. важнейшую роль приобретает такой фактор, как «общественный авторитет носителей идеи технологического обновления» и «отношение общественного сознания к акторам технологического обновления» [30, с.31; см. также: 32]. Поэтому опыт аграрников-подвижников и сегодня, как и столетие назад, приобретает особую социокультурную значимость: наглядный пример новаторов показывает «мейнстриму» социума конкретные пути и методы движения вперед, постепенно «приучая» к адекватному (притом, прагматичному и зачастую критическому) восприятию новаций и одновременно – к пониманию их неразрывной творческой связи с традициями.

Кроме того, без творческого синтеза идей индивидуализма (частного предпринимательства на пассионарной основе) и коллективизма (в основном, разделяемых людьми среднего и пожилого возраста), в соединении с учитывающей мнение ученых государственной аграрной политикой, возрождение отечественного сельского хозяйства невозможно. Только таким путем, рассматривая Творчество «как постоянное преодоление себя» [33, с.265], и при этом используя огромные нереализованные ресурсы Русской Традиции во всем ее многообразии и усилив духовно-воспитательную и образовательную работу в молодежной среде, можно и нужно найти достойный ответ на грозные вызовы современности.

Исключительно важна, на наш взгляд, изначальная хозяйственная и социокультурная установка рационализаторов, прежде всего, на Личность, индивидуальные творческие усилия наиболее инициативных и работоспособных людей, независимо от их сословной принадлежности; на их мотивацию. При этом аграрная практика органично «сосуществовала» с теорией, что и стало одной из главных причин успешной всесословной работы. Не случайно добрая память о многих новаторах (Е.С.Карновиче, А.Г.Щербатове, и др.) на долгие десятилетия сохранилась среди русского крестьянства. Решающую роль сыграла изначальная нацеленность новаторов-аграрников, как правило, разделявших святоотеческие гуманистические традиции православия, на оказание реальной помощи местным

крестьянам в русле традиционного патернализма. В связи с этим, на передний план выдвигается задача более углубленного комплексного изучения множества «хозяйственно-культурных гнезд» – усадеб, в которых и разворачивалась многолетняя культуртрегерская деятельность подвижников; эффективного использования этого уникального наследия в контексте развития современного российского агротуризма [27].

Многолетняя хозяйственно-просветительская деятельность российских рационализаторов-аграрников XIX–начала XX в. основывалась, прежде всего, на идее общенациональной хозяйственной, духовной и социокультурной преемственности. Это означает, что для них, глубоко осознававших всю значимость аграрных новаций, тем не менее было очевидно: новшества должны органично соединяться с традициями; более того, – являться их основой, а конечные результаты как рационализации, так и других социальных начинаний как в сельской, так и в городской среде необходимо использовать в интересах всего общества. Всей своей жизнью, глубоко проникнутой патриотическими идеями служения Отечеству, они доказали верность этого важного социокультурного вывода, сохранившего значимость и в условиях современной России.

Список сокращений

Вестн. РАН – «Вестник Российской Академии наук»

Вестн. РФФИ – «Вестник Российского фонда фундаментальных исследований»

губ. – губерния

Изв. УрГУ – «Известия Уральского государственного университета»

ИМОСХ – Императорское Московское общество сельского хозяйства

Пг. – Петроград

СПб. – Санкт-Петербург

Т., тт. – том, тома

Тр. – труды

ЯПВ – «Ярославский педагогический вестник»

Библиографический список

1. Бахтадзе К.Е. Развитие культуры чая в СССР. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР, 1961. 171 с.

2. Безгин В.Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX в. Тамбов: ТГТУ, 2015. 192 с.

3. Булдаков В.П. Предисловие // Куликова С.Г. Консерваторы и земство: планы и результаты деятельности 1864–1914 гг. М., 2019. С.6–8.
4. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
5. Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ю.А.Петров. М.: ИРИ РАН, 2017. 806 с.
6. Грудницкая Е.В. Развитие женского сельскохозяйственного образования в России: государственные меры и общественные инициативы: последняя четверть XIX – начало XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 24 с.
7. 12 мая 1902 г. // Хозяин. 1902. 12 мая. (№19). С.610.
8. Дубровская Т.А. Общественные и частные инициативы в развитии профессионального образования в пореформенной России (1861–1914 гг.). М.: Высшая школа социально-управленческого консалтинга, 2003. 820 с.
9. Ерофеева Г.И. И.Н.Клинген – главноуправляющий Брасовским и Дерюгинским именами великого князя Михаила Александровича // VI Ольденбургские чтения. Материалы краеведческих чтений / Отв. ред. Н.А.Комолов. Воронеж, 2021. С.23–55.
10. Ерофеева Г.И. Страницы истории Брасовского имения великого князя Михаила Александровича (на основе новых архивных документов) // Культурный ландшафт регионов. Краснодар, 2021. Т.3. №5. С.33–52. DOI: 10.17748/2686–8814–2021–3–5–33–52.
11. Клинген И.Н. Агрономическая помощь удельным арендаторам. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. 98 с.
12. Клинген И.Н. Выдающееся значение пчеловодства в деле развития полевого и лугового хозяйства, преимущественно в нечерноземной полосе России. М.: Торг. д. типо-лит. Барнет, 1915. LIV с.
13. Клинген И.Н. Краткое описание Удельного Чаквинского подтропического хозяйства в связи с результатами Удельной экспедиции на Дальний Восток. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1900. 66 с.
14. Клинген И.Н. Новая система пчеловодства, основанная на теснейшей связи с пчеловодством, и роль селекции в осуществлении этой задачи // Тр.1 Съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений. Вып. III. Харьков, 1911. С.56–73.
15. Клинген И.Н. О практическом значении оплодотворения красного клевера кавказскими пчелами. Орел; Киев: Общество для исследования природы Орловской губернии, 1912. 22 с.
16. Клинген И.Н. Проект организации подтропического хозяйства в Закавказье с чайным хозяйством во главе. Пг.: [Тип. В.Ф.Киршбаума], 1917. 66 с.
17. Клинген И.Н. Скороспелая залежная система для Восточной России преимущественно на черноземных почвах. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1903. 50 с.
18. Клинген И., Жуков Я. Краткое описание Удельной областной сельскохозяйственной станции. СПб.: Тип. А.С.Суворина, 1907. 33 с.

19. Ключевский В.О. Письмо П.П.Гвоздеву от 27 окт. 1861 г. // Ключевский В.О. Соч.: в 9 тт. Т.IX: Материалы разных лет. М., 1990. С.161–171.
20. Козлов С.А. «Ему всегда нужна была деятельность...»: Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892) // Россия XXI. 2023. №5. С.90–119.
21. Козлов С.А. «Накапливая... наше культурное богатство»: Александр Петрович Мертваго (1856–1918?) // Россия XXI. 2023. №6. С.48–81.
22. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930): в 3 тт. Т.II. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 688 с.
23. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.): в 3 тт. Т.III. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 272 с.
24. Козлов С.А. Тулайков Николай Максимович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 тт. / Отв. ред. Ю.А.Петров. Т.II. М., 2009. С.953–954.
25. Козлов С.А. Утопия и патернализм в аграрной России: традиции и современность. Ч.II: 30-е гг. XX в. – настоящее время // Манускрипт. Тамбов, 2023. Т.16. Вып.4. С.242–249.
26. Козлов С.А. «Хозяин... только тот, кто все знает, все умеет, все предвидит...»: Сергей Федорович Шарапов // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Вып. 26. Калининград, 2020. С.92–106.
27. Козлов С.А., Марасанова В.М. Традиции культуртрегерства как ресурс развития российского агротуризма // ЯПВ. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. №4 (127). С.230–239.
28. Козлов С.А., Петриков А.В., Баутин В.М., Иванов А.Л., Костяев А.И., Ореханов Г.Л. «Свободное государственное служение». К 200-летию Московского общества сельского хозяйства // Вестн. РАН. 2020. Т.90. №5. С.454–465.
29. Рева И. Женское сельскохозяйственное образование // Сельский хозяин. СПб., 1896. 13 апр. (№24). С.443.
30. Сорокин Д.Е. Политическая экономия устойчивого развития // Изв. УрГУ. Екатеринбург, 2017. №5 (73). С.20–33.
31. Тулайков Н. Эволюция одного опытного учреждения. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1914. 56 с.
32. Туманова А.С., Сафонов А.А. Гражданское общество в информационно-цифровую эпоху: проблемы трансформации и адаптации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т.31. №2. С.6–25.
33. Шелохаев В.В. Прощание с прошлым. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 303 с.
34. Щербакова И.К. Государственная власть и аграрный вопрос в России в начале XX в. (1902–1905 гг.): монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2019. 305 с.
35. Энгел Б.А. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С.75–91.

Наши авторы

Александров Олег Борисович

кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО Университета МИД России

Эйриян Вартан Арсенович

преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России

Асташов Александр Борисович

доктор исторических наук, доцент РГГУ

Буранок Олег Михайлович

д.филол.н., д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета

Буранок Александр Олегович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средневековья и нового времени РГГУ

Хайлова Нина Борисовна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX в.», Институт Российской истории Российской академии наук

Каменцев Александр Андреевич

Ассоциированный научный сотрудник Центра изучения культурной памяти и символической политики, Европейский Университет в Санкт-Петербурге

Постников Николай Дмитриевич

Кандидат исторических наук, доцент Государственного университета просвещения, кафедра Истории России

Козлов Сергей Алексеевич

доктор исторических наук

Our authors

Aleksandrov Oleg Borisovich

Ph.D. in political sciences, assistant Professor, Chair for International Relations and Foreign Policy, Moscow State Institute of International Relation – University

Eriyan Vartan Arsenovich

Teacher of History and International Relations and Russian Foreign Policy. MGIMO (U) of the Russian Foreign Ministry

Astashov Aleksander Borisovich

D.Sci. in history, assistant Professor, Russian State University for Humanities

Buranok Oleg Mikhailovich

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methods of the Samara State Social and Pedagogical University

Buranok Aleksander Olegovich

Ph.D. in history, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Medieval and Modern Russian History, Russian State University for the Humanities

Khailova Nina Borisovna

Doctor in history, Leading researcher at the Center “History of Russia in XIX–early twentieth century”, FGBUN Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Kamentsev Aleksander Andreevich

Associate Research Fellow, Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Politics, European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Postnikov Nikolay Dmitrievich

Ph.D., historian, Associate Professor, State University of Education, Department of Russian History

Kozlov Sergey Alekseevich

D.Sci., historian

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Внимание!
С 2024 года журнал будет
выходить 4 раза в год.**

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ECC.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2024.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.10.2024. Формат 60x90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,625 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 210676**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

3. 2024 july-september

Geoglobalistics

Oleg Alexandrov

In Search of a Way out of the Spiral of Confrontation, or How can Russia Resist the Challenge of the West? _____ 6

Vartan Eiriyani

“The Cold War was on the Wane”: Coverage of the Suez Crisis in Orthodox Periodicals _____ 30

Facets of Catastrophe

Alexander Astashov

Military Crimes as a Factor in the Criminalization of Russia in World War I _____ 54

Russia in the World

Oleg Buranok, Alexander Buranok

The First Translator of Cervantes into Russian Nikanor Ivanovich Oznobishin and his Genealogy _____ 80

Nina Khaylova

“Glimpses of China's Awakening” at the Turn of the XIX–XX Centuries (Based on the Pages of the Magazine “Vestnik Evropy”) _____ 100

Labels and Myths

Alexander Kamentsev

The Revival of the Cossacks
and the “Red-White” Memory _____ 120

Pages of History

Nikolai Postnikov

The Christian Workers' Union of Finland
in the Revolution of 1905–1907 _____ 144

Resources of the Nation

Sergei Kozlov

“For the Benefit of Our Entire Vast Father-
land...”: Ivan Nikolaevich Klingen
(1851–1922) _____ 164

РОССИЯ XXI